

МАТЕРИАЛЫ V Международной научной конференции

**Донецкие чтения 2020:
образование, наука, инновации,
культура и вызовы современности**

Том 8

**Донецк
17 – 18 ноября 2020 г.**

Юридические науки. Часть 2

Уважаемые коллеги!

Ставшая уже регулярной политематическая V Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности», которая в нынешнем 2020 году проводится Донецким национальным университетом в дистанционной форме, приобретает все больший интерес в отечественном и зарубежном научно-образовательном пространстве. Постоянно расширяется состав ее участников, перечень выносимых на обсуждение проблем, тематика научных презентаций.

Спектр представляемых на конференции исследований позволяет констатировать дальнейшее расширение областей сотрудничества, творческого взаимодействия и научных обменов, а также качественное углубление интеграционных связей ученых и педагогов университета, научных организаций – участников академического консорциума «Научно-образовательный и инновационный комплекс ДонНУ», а также всей отрасли науки и образования Донецкой Народной Республики с научно-образовательным сообществом Русского Мира. Все более интенсивными, насыщенными и плодотворными становятся наши творческие контакты с учеными множества зарубежных государств.

Сборник трудов конференции является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Свои доклады на конференцию по результатам выполненных фундаментальных и прикладных исследований в области актуальных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук прислали известные специалисты и молодые ученые из многочисленных научно-образовательных организаций, представляющие помимо Донецкой и Луганской Народных Республик – Российскую Федерацию, Республику Южная Осетия, Приднестровскую Молдавскую Республику, Республику Узбекистан, Социалистическую Республику Вьетнам. Как и в предшествующие годы, значительная часть освещаемых в докладах результатов является плодом совместных исследований международных научных коллективов.

Обращаясь с пожеланиями успешной работы конференции хочу выразить мнение, что ее проведение бесспорно будет способствовать решению новых важнейших фундаментальных и прикладных задач научного познания, внесет свой вклад в инновационное развитие, в дальнейшее укрепление творческих контактов ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства стран-участниц!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

V Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 8

ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 2

Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
17-18 ноября 2020 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2020

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Н.В. Асеева, Н.А. Тимошенко

Д672 Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 8: *Юридические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – 286 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В восьмой том материалов V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного и финансового права, конституционного и международного права, уголовного и гражданского права и процесса, теории и истории государства и права, а также теории и практики евразийского сотрудничества.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2020

© Донецкий национальный университет, 2020

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Андреев Д.А., канд. ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета (г. Москва)

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк)

Беспалова Т.В., д-р филос. наук, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка)

Качалов Р.Н., и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

Ковалев А.М., д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)

Минаев А.И., д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк)

Половян А.В., д-р экон. наук, профессор, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк)

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)

Скафа Е.И., д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта)

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал)

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета (г. Москва)

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Гражданское право и процесс

УДК 349

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Асеева Н. В., канд. юрид. наук, *Задума Я. Т.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

n.aseeva@donnu.ru, zaduma_yana@mail.ru

Вступление ведущих государств мира в новую фазу общественного развития, где определяющая роль принадлежит информации; зависимость функционирования критически важных государственных объектов от состояния их информационной составляющей и как следствие возникновение информационной сферы в качестве принципиально новой среды для развития угроз национальной безопасности государства. Перечисленные обстоятельства непосредственно стали причиной выдвигания угроз в информационной сфере на первостепенное место среди сложнейших проблем общества, наряду с энергетическими и экологическими.

Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что в организационном и технологическом аспекте информационная сфера является наименее защищённой и наиболее уязвимой, а информация, в свою очередь, на всех этапах развития общества является предметом противоборства, при котором государства, уделяющие недостаточно внимания к информационной безопасности занимают зависимое положение от тех государств, чьи преимущества в информационной сфере позволяют им достигать стратегических и геополитических преимуществ с большим успехом.

Следствием такой зависимости и информационного противоборства, как правило, выступает состояние тотальной информационной войны с активным применением присущего ей специфического оружия, результаты которой мы можем наблюдать и на сегодняшний день [4, с. 143].

Сложившиеся условия глобализации и возникновение новых угроз национальной безопасности, неизбежно диктуют международным отношениям новый характер. Так, современная внешняя политика государств направлена на выработку методов и разработку наиболее эффективных механизмов обеспечения информационной безопасности. Проблемы обеспечения информационной безопасности являются предметом обсуждений в рамках таких организаций, как ШОС

(Шанхайская организация сотрудничества), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), БРИКС, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности). При этом, следует отметить, что в данном вопросе крупнейшим игрокам международной арены достаточно сложно достичь консенсуса.

В особенности, речь идет о противоречиях, существующих между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, с другой. Так, первые отстаивают необходимость государственного регулирования информационной сферы, а вторые выступают за частную модель регулирования. Противостояние позиций ведущих мировых держав обусловлено глобальной сетью Интернет, которая, на сегодняшний день, в значительной степени находится под контролем Соединенных Штатов Америки. Корпорация по присвоению имен и адресов интернета (ICANN – Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), осуществляющая техническую координацию интернета и управление пространством имени адресов сети, является некоммерческой организацией, зарегистрированной в штате Калифорния и непосредственно зависящей в принятии решений от министерства торговли Соединенных Штатов Америки [2, с. 17].

Следовательно, сложившийся уклад создает целый ряд определенных политических и экономических преимуществ Соединенных Штатов Америки, имеющих возможность управления развитием и использованием интернета.

Вместе с тем, в результате сотрудничества государств, в рассматриваемой области, можно выделить такие основные методы обеспечения информационной безопасности, как нормативно-правовое регулирование общественных отношений в информационной сфере, где особый интерес представляет метод заключения многосторонних договоров на международном уровне.

Основополагающими источниками международного нормативно-правового регулирования в сфере информационной безопасности являются: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., а также различные международные нормы, обеспечивающие безопасность информационной инфраструктуры.

Нормы указанных актов действуют на территории того или иного государства в силу его ратификации и имеют декларативный характер, подразумевающий под собой своего рода ориентир в законотворческой деятельности государства и модификации действующих национальных норм права.

В свою очередь, заключение многосторонних договоров между государствами, на сегодняшний день, является наиболее актуальным, хотя и не самым простым, методом обеспечения информационной безопасности. Так, в отличие от ратифицированных государством актов, заключение договора в данной сфере предполагает взятие государством на себя конкретных обязанностей и в определенном смысле отказ от своего суверенитета в информационной сфере.

На сегодняшний день, мировое сообщество, особенно в лице ведущих государств мира, осуществляет целый комплекс мер по разработке методов и механизмов обеспечения информационной безопасности как на международном уровне посредством многостороннего межгосударственного сотрудничества в информационной сфере, так и на национальном уровне путём совершенствования законодательства по вопросам обеспечения информационной безопасности.

Что касается Донецкой Народной Республики, как достаточно молодого государства и нового игрока на международной арене, то в данном случае необходима разработка стратегии дальнейшей внешней политики, которая должна быть направлена на международное сотрудничество в сфере информационной безопасности. Представляется целесообразной поддержка российской инициативы относительно превращения информационного пространства в свободную от оружия зону, а также предложений различных международных организаций о разработке и принятии Международной Конвенции информационной безопасности.

Однако, в сложившихся условиях на территории Донецкой Народной Республики, следует, прежде всего, стимулировать и поощрять научно-практические знания с целью проведения соответствующих мероприятий по обеспечению информационной безопасности, в особенности с учетом существования информационной войны и угроз информационного терроризма.

Список литературы

1. Дробот Г. А. Информационная составляющая современной мировой политики / Г. А. Дробот // Информационное общество. – Москва: Изд-во: Автономная некоммерческая организация «Институт развития информационного общества», 2018. – С. 16-18.
2. Кванталиани И. Э. Проблемы международно-правового регулирования вопросов информационной безопасности / И. Э. Кванталиани // Аграрное и земельное право. – Королев: Изд-во «Право и государство пресс», 2013. – С. 143-146.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Беляева М. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
belyaeva_m96@mail.ru

Введение. На сегодняшний день особо актуальным является переход субъектов предпринимательской деятельности в сфере торговли и предоставления услуг, к альтернативному способу продаж, осуществляемому с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Так, дистанционная форма продажи товаров и предоставления услуг является все более актуальной как для покупателей, так и для продавцов товаров и лиц, оказывающих услуги, предоставляемые с использованием современных информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего глобальной сетью Интернет.

Следует отметить, что дистанционный способ продажи товаров характеризуется разнообразием правоотношений, связанных с его осуществлением, поскольку правоотношения относительно купли-продажи товаров, дополняются правоотношениями относительно защиты прав потребителей уполномоченными государственными органами. Однако, в настоящее время отсутствует эффективная система нормативных правовых актов, позволяющая в полной мере урегулировать правоотношения, возникающие в сфере дистанционной торговли товарами и услугами с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Основная часть. Следует отметить, что дистанционный способ продаж, регламентация которого в настоящее время предусматривается гражданским законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами, подразумевает только розничную куплю-продажу [1, с. 7]. Так, в соответствии с Гражданским кодексом Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), а именно со статьей 607: «договор розничной купли-продажи может быть заключён на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и тому подобное) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора» [2].

Необходимо выделить субъектов по договору купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Особенность такой сделки заключается в том, что для её действительности не требуется чёткого обозначения сторон в договоре, поскольку современное развитие технологий, в частности в сети Интернет, даёт возможность быть стороной по договору купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, под псевдонимом, либо вообще анонимно. Для заключения договора купли-продажи дистанционно, стороны всё же обозначают себя определенным способом: это может быть электронный адрес, псевдоним в различных социальных сетях, программах для общения, либо обязательное прохождение регистрации на сайте продавца [3, с. 65]. Любой желающий может использовать устройство для отправки необходимых данных с помощью сообщения, которое по существу является акцептом для другой стороны, в том числе лица, не обладающие необходимой степенью дееспособности. В то же время, сложность связана не только с вопросом определения того, кто является покупателем, но и с проблемой незаконного использования чужого удостоверения личности.

Согласно ст. 546 ГК ДНР, другой стороной договора купли-продажи является юридическое лицо, выступающее оферентом, которое путём размещения на сайтах рекламы и другими способами предложений, адресованных неопределённому кругу лиц, приглашает заключать сделки.

Существенно то, что с целью обеспечения защиты прав и законных интересов потребителей, осуществляющих покупки товаров с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, законодатель разработал совокупность ограничений, соблюдение которых является обязательным для всех участников правоотношений в сфере дистанционной торговой деятельности.

При этом, в области дистанционных продаж у потребителя отсутствует возможность непосредственного контакта с предметом покупки – с товаром. Единственная возможность узнать о товаре – ознакомиться с информацией о нем и, возможность увидеть товар на фотографии/видеозаписи, на сайте Интернет-магазина (в случае Интернет-торговли) [4, с. 17, 20]. Однако, при заключении сделки дистанционно, необходимо учитывать, что в большинстве случаев товар может не соответствовать характеристикам, заявленным продавцом в описании либо на фото. Таким образом, покупатель при заключении договора купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ограничен в своих возможностях.

Кроме того, продажа определенных товаров вне стационарных мест торговли может повлечь дополнительные риски для потребителя. В этой связи представляется необходимым проанализировать существующие в законодательстве нормы, которые строго регламентируют деятельность хозяйствующих субъектов в сфере дистанционной торговли [5, с. 83].

Необходимо отметить, что действующим законодательством Донецкой Народной Республики установлен запрет на продажу

дистанционным способом лекарственных препаратов, табачной и алкогольной продукции и т.п., а также товаров, оборот которых ограничен либо запрещен законодательством Донецкой Народной Республики. Перечень таких товаров и услуг достаточно широк и состоит из нескольких пунктов. Указанный запрет установлен пунктом 2.1 Правил продажи товаров дистанционным способом [6].

Заключение. На сегодняшний день дистанционная торговля, осуществляемая с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является одной из самых востребованных форм торговли, которая представляет собой предпринимательскую деятельность, осуществляемую с соблюдением требований гражданского законодательства, правил осуществления дистанционной торговли. Торговая деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по существу, выражается в розничной купле-продаже товаров и оказании услуг, осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, относящейся в соответствии с действующим законодательством Донецкой Народной Республики к дистанционному способу продаж товаров и оказания услуг.

Подводя итог, необходимо отметить, что стремительное развитие дистанционной торговли, а также увеличение количества сделок, заключаемых с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, требует законодательной инициативы в отношении разработки новых и совершенствования существующих правовых норм и правил регулирования торговли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Список литературы

1. Правовое регулирование дистанционной торговли товарами и услугами в Российской Федерации: автореферат дис., кандидата юридических наук: 12.00.03 / Фролов Иван Владимирович; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. – Москва, 2018. – С. 22.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya_deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 04.10.2020)
3. Марчук М. А. Момент заключения договора продажи товара дистанционным способом / М. А. Марчук // Юрист. – 2009. – №3. – С.63-70.
4. Пластинина Н. В. Дистанционные покупки. Защита прав потребителей / Н. В. Пластинина // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. – 2010. – С. 45
5. Орешкина О. В. Дистанционная торговля товарами / О. В. Орешкина // Внешнеторговое право. – 2007. – №1. – С. 82-86.
6. Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 28.03.2019 г. № 5-7 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом»

МОДЕЛЬ БАНКОВСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Богданова Т. В., канд. юрид. наук, **Чернышова Е. А.**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, РФ

Tatbogdanova86@mail.ru, 79537243472@yandex.ru

Введение. Долевое строительство с момента своего возникновения выступало для граждан Российской Федерации наиболее привлекательным и экономичным способом приобретения собственного жилья. Между тем, существующие пробелы в законодательстве, а также общее отсутствие эффективного механизма защиты прав граждан – участников долевого строительства способствовали появлению так называемых «обманутых дольщиков» – граждан, чьи денежные средства были привлечены застройщиками для строительства объектов недвижимости и чьи права в результате такой деятельности были нарушены.

Неразрешенность правовых проблем в сфере долевого строительства привела к фактическому упразднению данного института и замене его моделью банковского финансирования строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости. С 1 июля 2019 года указанная модель заработала в практической плоскости.

Основная часть. Необходимость внедрения модели банковского финансирования была обозначена Президентом Российской Федерации в 2017 году в Перечне поручений по итогам совещания с членами Правительства [1]. Согласно срокам, обозначенным в Плате мероприятий или «дорожной карте» по переходу от долевого строительства к банковскому кредитованию или иным формам финансирования объектов недвижимости процесс преобразования института долевого строительства находится на завершающем этапе. К 31.12.2020 все договоры участия в долевом строительстве, заключенные после 01.07.2019 должны базироваться на механизмах использования счетов эскроу или специальных счетов для расчетов по договорам участия в долевом строительстве [2]. Федеральными законами Российской Федерации от 01.07.2018 № 175-ФЗ и от 25.12.2018 № 478-ФЗ схема счетов эскроу была перемещена из теоретического поля в практическую плоскость.

В настоящее время банковское финансирование в сфере строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости выглядит следующим образом.

Основой функционирования новой модели является счет эскроу – счет, открытый в специальном банке для хранения и блокирования денежных средств владельца счета до момента передачи таких средств определенному лицу при условии выполнения им обязательств, предусмотренных договором. Лицо, желающее приобрести жилье в рамках регулирования Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, после 01.07.2019 заключает с застройщиком договор участия в долевом строительстве, одним из обязательных условий которого является обязанность участника долевого строительства открыть счет эскроу в уполномоченном банке. Денежные средства, хранящиеся на счете, передаются эскроу-агентом (уполномоченным банком) застройщику только при условии выполнения застройщиком всех обязательств, предусмотренных договором, получения всех необходимых документов, в том числе разрешения на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию. До наступления всех вышеуказанных обстоятельств денежные средства, хранящиеся на счету эскроу, заблокированы, на них не могут начисляться проценты, банк не может требовать вознаграждение за банковское обслуживание участника долевого строительства. Таким образом, в рамках новой модели, застройщик возводит объект недвижимости за свой счет и тем самым лишается «дешевого источника финансирования, за счет которого ранее осуществлялась большая часть долевого строительства» [3, с. 47].

Согласно концепции банковского финансирования, использование застройщиками вкладов дольщиков заменяется на механизм целевых кредитов (займов) – кредит или заем предоставляемый уполномоченным банком застройщику в целях строительства объекта недвижимости или в целях рефинансирования. При этом банк, в котором открывается счет эскроу и банк, в котором застройщик берет кредит или заем должны совпадать. Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.06.2018 № 697 установлены определенные требования к уполномоченным банкам, в частности, наличие у банка универсальной лицензии, участие банка в системе обязательного страхования вкладов, соответствие банка определенному кредитному рейтингу и т.д.

Применение механизмов банковского финансирования в долевом строительстве, на данный момент, выступает наиболее эффективным из всех существующих способов защиты прав участников долевого строительства. Тем не менее, вышеуказанная система имеет ряд недостатков. Первое и самое очевидное – это увеличение стоимости жилья. По мнению А. В. Пушкиной: «С переходом на банковское финансирование вообще теряется смысл договора участия в долевом строительстве» [4, с. 90], сущность которого заключалась в приобретении гражданами объектов недвижимости по наиболее привлекательным ценам, но с определенными рисками. В данной концепции риски на себя берет уже

уполномоченный банк, предоставляя застройщику за плату денежные средства, увеличивая тем самым стоимость жилья. Во-вторых, в случае расторжения договора долевого строительства, при банкротстве застройщика банк возвращает дольщику заблокированные денежные средства, что, несомненно, является преимуществом такой системы. При этом нужно учитывать, что денежные средства дольщика могут храниться на счете эскроу значительное время и могут быть возвращены только в том объеме, в каком были внесены на счет. В своей статье Л. В. Борисова указывает: «независимо от времени депонирования участник строительства может претендовать только на возврат суммы по договору без учета финансовых потерь, возникающих на фоне инфляции», что означает существенный финансовый ущерб для дольщика. В-третьих, некоторые авторы критикуют модель банковского финансирования с точки зрения неподготовленности соответствующих субъектов долевого строительства. В частности, на данный момент застройщики могут использовать в качестве источника финансирования строительства только специализированный кредит, полученный в уполномоченном банке, которые, в свою очередь, обязаны осуществлять контроль за расходными операциями застройщика.

Между тем, В. В. Губина указывает следующее: «Ни у застройщика, ни у уполномоченного банка нет требуемой компетенции, застройщик обязан «нарастить» непрофильную компетенцию проектного менеджера, а уполномоченный банк – непрофильную компетенцию в области строительного контроля (технического надзора)» [5, с. 68], что в свою очередь приведет к ошибкам и к соответствующему повышению стоимости объектов недвижимости.

Заключение. Таким образом, в настоящий момент институт долевого строительства претерпевает период существенного реформирования. Переход к банковскому финансированию с одной стороны позволяет минимизировать риски дольщиков, с другой – может привести к приостановлению темпов строительства в стране и к упразднению рассмотренного института в целом.

Список литературы

1. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства: Пр-2261, п.1 б) [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56012#assignment-0> (дата обращения – 08.10.2020).
2. Об утверждении плана поэтапного замещения средств граждан, привлекаемых для создания многоквартирных домов и других объектов недвижимости, банковским кредитованием [электронный ресурс]. – URL.: <http://government.ru/news/30734/> (дата обращения – 08.10.2020).
3. Морозова Ю. А. Использование счетов эскроу в новой модели долевого строительства: настройки банковского процесса / Ю. А. Морозова // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2019. – № – С. 40-52.

4. Пушкина А. В. Эволюция защиты прав участников долевого строительства / А. В. Пушкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 86-95.
5. Губина В. В. Реформа долевого строительства – правовой анализ эффективности / В. В. Губина, Е. Э. Миловидова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 11. – С. 60-77.

УДК 347. 65/ 68

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОСТАВЕ НАСЛЕДСТВА

Горбатенко Е. В., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gorbatenko2010_2011@mail.ru

Введение. Современные социально-экономические условия значительно ускоряют жизненный цикл человека, что обуславливает повышенное внимание к его правам и обязанностям, которые впоследствии перейдут к другим лицам – наследникам.

Конституционное закрепление права наследования, а следовательно и гарантированность распоряжения наследством наследодателем и получение наследства наследниками является закономерным отражением государственной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достаточную материальную жизнь.

Цель исследования состоит в определении понятия и выяснения сущности состава наследства с выявлением особенностей его элементов.

Основная часть. В наследственных правоотношениях категория наследства является ключевой [1, с. 70] для всего наследственного права, что не только не вызывает сомнений, но и утверждается многими исследователями [2, с. 498]. Существование объектов, по которым допускается правопреемство представляет динамику наследственных правоотношений. Именно в рамках наследственных правоотношений происходит переход надлежащих ранее наследодателю субъективных прав и обязанностей к его наследникам, что признано в юридической литературе традиционным [3, с. 67].

В теоретических исследованиях подходы к определению понятия наследства не отличаются многообразием и последовательностью. Так, Ю. А. Заика отмечает, что объектом наследственного правопреемства является наследство, то есть имущество, переходящее в порядке наследования [4, с. 48]. Вначале автор сводит понятие наследства к наследственному имуществу, однако в дальнейшем он отмечает, что наследство состоит из совокупности прав и обязанностей умершего

гражданина, принадлежащие ему на момент смерти и, в соответствии с действующим законодательством, может переходить в порядке наследования к другому лицу [4, с. 49]. Следует констатировать, что в приведенных суждениях есть определенная противоречивость между тем, что представляет собой наследство и тем, из чего оно состоит.

Впрочем, другие авторы вообще избегают определения понятия наследства, коротко указывая на его состав и только делая оговорку, что наследство является объектом наследственного правопреемства [5, с. 10], с указанием определенных черт наследства уже как объекта гражданских прав [5, с. 19-20]. В. Ю. Чуйкова сводит понятие наследия к его составу [6, с. 498], оперируя при этом исключительно законодательными категориями.

Таким образом, привлекает внимание то, что юридический анализ понятия наследства определяется не тем, что объединяет наследство, поскольку в любом случае это явление сложное, по ряду элементов, а тем, как эти элементы объединены и как они взаимодействуют. Таким образом, наследство характеризует не наличие в его составе определенных элементов, а характер их сочетание и степень взаимодействия. Именно эти критерии и позволяют говорить, что наследство представляет собой определенное единство элементов, основными из которых являются имущественные права и обязанности, которые были у наследодателя при жизни и не прекратились с его смертью.

Указанные подходы, которых большинство в современной научной среде, исходят именно из понимания, которое закреплено законодателем в книге 3 Гражданского кодекса ДНР (далее ГК ДНР) [7].

При исследовании содержания статьи 1241 ГК ДНР следует обратить внимание на определенные ее особенности, в частности относительно моделирования. Так, законодатель исходит из того, что наследство составляют вещи, имущество, в том числе права и обязанности. Формулировка ст. 1241 ГК ДНР о включении в состав наследства всех прав и обязанностей свидетельствует о неисчерпаемом характере состава наследства. Более того, редакция статьи дает основания считать, что к наследникам переходит не только право собственности, а достаточно широкий спектр субъективных прав, носителем которых при жизни был наследодатель. При этом отдельным авторам видится, что отраслевая принадлежность этих прав может находиться за пределами гражданско-правового регулирования.

Л. К. Буркацкий указывает, что к наследникам переходят те права и обязанности, которые имел наследодатель при жизни и которые обеспечены правовыми средствами защиты [8, с. 59]. Очевидно автор пытается определить признаки прав, входящие в состав наследства – такие права принадлежали наследодателю при жизни и обладают способностью к осуществлению, включая и правовую защиту. Однако это отнюдь не свидетельствует об их безмерной отраслевой принадлежности.

Следует отметить, что в анализируемой ст. 1241 ГК ДНР даже приблизительно не перечислены права и обязанности, которые включаются в состав наследства, что следует признать определенным упущением законодателя. Для того чтобы обеспечить формирование надлежащей нотариальной и судебной практики, необходимо было бы перечислить в ст. 1241 ГК ДНР наиболее важные, практически значимые права и обязанности, которые включаются в состав наследства. Между тем, содержащиеся в гл. 67 ГК ДНР гражданско-правовые нормы, в частности ст. ст. 1306-1315, определяют особенности наследования отдельных объектов. Безусловно, эти нормы, содержание которых слишком лаконично, недостаточно для полноты и эффективной правовой регламентации. Более того, статьями 1306 – 1315 ГК ДНР не охватываются другие важные и сложные в плане обеспечения наследственного правопреемства объекты (например, ценные бумаги), поэтому законодательство в этом направлении должно получить определенное развитие.

Рассматривая правовой институт состава наследства, следует обратить внимание на гарантированность права на наследство.

Обеспечение наследством родственников наследодателя напрямую зависит от того, какой принцип превалирует в законодательстве (принцип свободы завещания или охраны интересов семьи). С учетом предписаний ГК ДНР, следует отметить такие тенденции развития гарантий прав как: предоставление судам возможности уменьшить размер обязательной доли (ст. 1279); ведение института секретного завещания (ст. 1255). Это позволяет сделать вывод о том, что интересы завещателя явно преобладают над интересами членов его семьи. Такая тенденция расширения свободы завещания влияет на ослабление семейно-обеспечительной функции наследования.

Заключение. Гражданско-правовыми гарантиями права на наследство для наследников являются: право принять наследство или отказаться от него; возможность принятия наследства через представителя, если в доверенности специально предусмотрено полномочие на принятие наследства; возможность в судебном порядке восстановления срока для принятия наследства.

Для формирования надлежащей нотариальной и судебной практики, необходимо было бы перечислить в ст. 1241 ГК ДНР наиболее важные, практически значимые права и обязанности, которые включаются в состав наследства.

Список литературы

1. Наследственное право / Б. А. Булаевский и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. – Москва: Волтерс Клувер, 2005. – (Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации) – 448 с.

2. Цивільне право: підручник [у 2 т.] / В. І. Борисова (кер. авт. кол.), Л. М. Баранова, М. В. Домашенко та ін.; за ред. В. І. Борисової, І. В. СпасибоФатєєвої, В. Л. Яроцького. – 2-ге вид., переробл. та доповн. – Харків : Право, 2014. – Т. 1. – 656 с.
3. Егоров Н. Д. Наследственное правоотношение / Н. Д. Егоров // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 6. Философия. Социология. Право. – 1988. – Вып. 3 (№ 20). – С. 67–71.
4. Заїка Ю. О. Спадкове право України. Становлення і розвиток: монографія / Заїка Ю. О. – Київ : КНТ, 2007. – 288 с.
5. Кухарєв О. Є. Спадкове право. Навч.-практ. посібник / О. Є. Кухарєв. – Київ : Алерта; ЦУЛ, 2011. – 222 с.
6. Гражданское уложение. Книга 4. Наследственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И. М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – 296 с.
7. Гражданский Кодекс ДНР: Закон ДНР №81-ПНС от 13.12.2019 (ред. по сост. на 5.10.2020) Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 20.10.2020).
8. Буркацький Л. К. Спадкове право України: теорія, коментарі, практика, зразки заяв : навч. посіб. [для студ. вищ. навч. закл.] / Л. К. Буркацький. – Київ : Ін Юре, 2008. – 384 с.

УДК 347.426

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО РАБОТНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дербишев Р. О.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
rus_don@mail.ru

Введение. В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) продолжается процесс построения правового государства и одной из гарантий прав и свобод участников гражданских отношений есть надлежащая правовая защита конституционных прав граждан.

В современных условиях зачастую становится невозможной защита прав субъектов права от противоправных посягательств без использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Как отмечает А. М. Ефремов, оперативно-розыскная деятельность состоит из системы взаимосвязанных организационных действий, направленных на решение конкретных тактических задач [1, с. 304]. Исключительно процессуальных действий при раскрытии и расследовании преступлений однозначно

недостаточно, поэтому повышается роль сущности оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой добывается информация, которую возможно использовать при расследовании уголовных дел.

По мнению А. Ю. Шумилова ситуации, при которых приходится причинять вред третьим лицам, возникают в деятельности большинства подразделений и служб органов внутренних дел [2, с. 186]. Однако наиболее острыми и трудно регулируемые являются вопросы, связанные с оценкой правомерности действий сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и наносящих вред интересам третьих лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Основная часть. Основные положения осуществления оперативно-розыскных мероприятий определены Законом ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности» № 239-ІНС от 24.08.2018 г. [3]. Как указывает Г. С. Шкабин, большинство оперативно-розыскных мероприятий характеризуются конспиративностью и протяженностью во времени, угрожающей правам и интересам личности, общества или государства, а также чрезвычайностью самой ситуации при их проведении [4, с. 22].

Нарушение прав в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности чаще всего носит длящийся характер. Субъектами, способными пресечь допущенное нарушение и обеспечить восстановление прав, которые были нарушены, являются органы и должностные лица, осуществляющие контроль и надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности, а именно, вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность; прокурор; судья. По мнению Г. П. Афонькина, зачастую указанные субъекты ограничиваются мерами пресечения правонарушений, игнорируя необходимость восстановления нарушенных прав путем не только устранения такого нарушения, но и возмещения причиненного имущественного и морального вреда [5, с. 18].

У лица возникает законное право на возмещение вреда с момента осуществления в отношении него неправомерных оперативно-розыскных мероприятий. Однако, как справедливо отмечает А. М. Ефремов, характер оперативно-розыскной деятельности предполагает отсутствие у граждан сведений об осуществлении в отношении них этой деятельности. В случаях, установления компетентными органами нарушений гражданских прав в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, граждане нередко остаются неуведомленными относительно нарушения их законных прав и интересов [1, с. 218].

Основания гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда закрепляются в ст. 1199 ГК ДНР [6].

В ст. 59 УПК ДНР [9] установлена обязанность правоохранительных органов разъяснения лицу порядка восстановления его нарушенных прав по возмещению вреда, причиненного результате незаконных осуждения,

привлечения в качестве обвиняемого, задержания, применения меры пресечения, а также незаконного продления исполнения назначенного наказания в случаях, если уголовный закон, устраняющий наказуемость деяния, вступил в силу.

В свою очередь, Закон ДНР «Об оперативно-разыскной деятельности» № 239-ІНС от 24.08.2018 г. не содержит положений об обязанностях органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в результате неправомерных действий которых был причинен вред, сообщать об этом лицам, чьи права были нарушены.

В данном случае есть необходимость легального закрепления обязанности должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, информирования субъектов о нарушении их прав при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий для обеспечения дальнейшей возможности защиты их нарушенных прав и возмещения им вреда согласно ст. 59 УПК ДНР и ст. 1199 ГК ДНР.

Заключение. На основании вышеизложенного можем прийти к выводу о целесообразности дополнения Закона ДНР «Об оперативно-разыскной деятельности» статьей 24 следующего содержания: «В случае если при осуществлении оперативно-разыскной деятельности станет известно о нарушении прав граждан или юридических лиц, руководители органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность или прокуроры, указанные в части 1 статьи 22 настоящего Закона обязаны сообщить об этом заинтересованным лицам в течение 48 часов с целью обеспечения возможности защиты их прав согласно действующего законодательства Донецкой Народной Республики».

Список литературы

1. Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод личности в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Ефремов Анатолий Миронович. – СПб, 2001. – 45 с.
2. Шумилов А. Ю. Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть: учеб. пособие. – М., 2000. С. 432.
3. Об оперативно-разыскной деятельности: Закон Донецкой Народной Республики № 239-ІНС от 24.08.2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-operativno-razysknoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 09.10.2020).
4. Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Шкабин Геннадий Сергеевич. – Москва, 2004. – 28 с.
5. Афонькин Г. П. О некоторых проблемах интеграции ОРД и уголовного процесса. Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2007. – 54 с.

6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета от 13.12.2019 г. № 81-ІІНС [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 09.10.2020).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 № 240-ІІНС [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 09.10.2020).

УДК 347.9

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Дербишев Р. О., Матвеевко А. Н.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
rus_don@mail.ru, matveenkoanna@gmail.com

Введение. Институт компенсации морального вреда для гражданско-процессуального законодательства является сравнительно молодым, который находится только на стадии развития. На этапе современного развития общества возмещение морального вреда является социально-правовым явлением, который требует всестороннего теоретического осмысления, совершенствования на законодательном уровне, а так же эффективного применения.

Основная часть. Под моральным вредом следует понимать физические или нравственные страдания, причиненные действиями или же бездействием, непосредственно посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, семейная и личная тайна и т. д.). Право на компенсацию причиненного морального вреда является неотъемлемой частью правового статуса гражданина. В статье 3 Конституции Донецкой Народной Республики сказано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [2]. Это говорит о развитии правовых институтов демократическо-правового государства. Моральный вред является одним из видов вреда, который может быть причинен человеку, то есть нравственные или физические страдания, которые непосредственно вызваны различными неправомерными действиями.

По общему правилу, обязанность возмещения морального вреда непосредственно возникает лишь при условии вины. В общем понимании, вина считается психическим отношением лица к своему противоправному

поведению, в котором проявляется пренебрежение к интересам общества или же отдельных лиц. Вина может выступать в форме умысла, то есть поведение сознательно направлено на правонарушение, или же в форме неосторожности, то есть отсутствие должной внимательности и осмотрительности. Возмещение морального вреда относится к способам защиты гражданских прав. Данный способ защиты состоит в возложении на нарушителя обязанности по выплате потерпевшему денежной компенсации за физические или нравственные страдания, которые тот испытывает непосредственно с нарушением его прав. Формирование правового государства, в котором человек является главной социальной ценностью, предполагает наличие высокого уровня защищенности прав, а так же свобод человека. То есть, в таком государстве должно происходить верховенство общечеловеческих ценностей.

Стоит отметить, что на современном этапе в юридической литературе активно затрагиваются вопросы о проблематике возмещения морального вреда. Однако остаются без внимания важные вопросы, по которым нет однозначной позиции ни в действующем законодательстве, ни у авторов. Среди них стоят такие вопросы, как, компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав граждан; определение размера компенсации; учёт отдельных критериев при определении размера возмещения морального вреда. В статье 196 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее ГК ДНР) содержится норма, которая устанавливает случаи, порядок и способы компенсации морального вреда. Статьями 1228, 1229 и 1230 ГК ДНР предусмотрено детальное регулирование вопросов, связанных с возмещением морального вреда[1]. Как уже упоминалось, одним из способов защиты гражданских прав и интересов в соответствии со ст. 13 ГК ДНР, является возмещение морального вреда. Моральный вред может возмещаться не только в денежной, но и в другой материальной форме, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда[4]. Потерпевший вправе требовать компенсации морального вреда при наличии таких условий, которые непосредственно определяют гражданско-правовую ответственность: наличие самого морально вреда; противоправные действия, которые непосредственно нарушают личные неимущественные права либо же посягают на блага потерпевшего; причинно-следственная связь между противоправным действием и наступившим вредом [3]. В связи с тем, что в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики отсутствует само определение понятия «вреда», мы считаем, что можно предложить использовать такое определение как: «под вредом стоит понимать негативные последствия повреждения или уничтожения имущественных благ и посягательства на личные неимущественные блага личности».

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно подвести итог, что институт компенсации морального вреда для гражданско-процессуального законодательства является сравнительно молодым, который находится только на стадии развития. Под моральным вредом следует понимать физические или нравственные страдания, причиненные действиями или же бездействием, непосредственно посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, семейная и личная тайна и т. д.).

Список литературы

1. Гражданский кодекс ДНР: Закон ДНР № 81-ІНС от 13.12.2019 г.//сайт Народного Совета <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-koдекс-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Конституция Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 г. № 17-ІНС, от 29.06.2015 г. № 63-ІНС, от 11.09.2015 года № 92-ІНС) // сайт Народного Совета ДНР – <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>
3. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
4. Эриашвили Н. Д. Гражданское процессуальное право России: учебник / Н. Д. Эриашвили и др.; под ред. Л. В. Тумановой, П. В. Алексия, Н. Д. Амаглобели. – 5-е изд., перарб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

УДК 347.921

ОПТИМИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ЗАМЕНЫ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В ДНР

Дербишева О. А.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. В условиях построения правового государства в Донецкой Народной Республике особую актуальность приобретает проблема защиты нарушенного или оспоренного права и охраняемого законом интереса. Гарантированное ст. 39 Конституции Донецкой Народной Республики право каждого на судебную защиту его прав и свобод находит свое отражение в гражданском процессе. В настоящее время отношения в обществе становятся более сложными, что, в свою очередь, порождает наличие дел в судах общей юрисдикции, отличающихся разнообразием правовой природы, в том числе, основанных на семейных, вещных и обязательственных комплексных правоотношениях. Правильное

определение субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений и юридического положения сторон, а также правильное решение вопросов, связанных с их участием в гражданском процессе, в том числе с необходимостью замены ненадлежащей стороны является одной из предпосылок успешного выполнения поставленных перед судом задач по осуществлению правосудия.

Основная часть. Причины появления в гражданском процессе ненадлежащей стороны могут быть различными, прежде всего, они связаны со сложностью установления фактических обстоятельств дела, со сложной структурой материальных правоотношений, с возможностью неоднозначного толкования норм действующего законодательства [1, с. 76].

Рассматривая научную литературу, посвященную замене ненадлежащей стороны в гражданском процессе, приходится часто сталкиваться с мнением ученых, что одной из проблем в этом направлении, является то, что данная дефиниция – «ненадлежащая сторона», до сих пор не закреплена законодательно.

Ученый Васильева-Шаламова Ж. В. и Гуменюк К. П. указывают, что «Сторонами в гражданском процессе являются истец и ответчик. Истцом и ответчиком могут быть физические и юридические лица, а также государство» [2, с. 205]

В теории гражданского процессуального права существуют разные мнения специалистов по определению исследуемого нами понятия.

А. Ф. Козлов предлагает следующее определение: «ненадлежащие стороны – это те граждане или организации, в отношении которых судом при рассмотрении дела установлено, что им не принадлежит право требования или на них не лежат спорные обязательства» [3, с. 78].

М. А. Викут определяет ненадлежащую сторону как действительную сторону процесса. При этом, подчеркивает автор, участие в процессе ненадлежащей стороны не является основанием для его ликвидации [4, с. 75–76].

По мнению М. И. Штефана, ненадлежащими сторонами будут те лица, которые не являются субъектами права требования или несения обязанности [5, с. 107]. При определении ненадлежащей стороны В. В. Комаров акцентирует свой взгляд на том, что «замена ненадлежащей стороны надлежащей – вопрос процессуальный ..., чтобы признать сторону ненадлежащей, кроме отсутствия права требования у истца или обязанности отвечать у ответчика, суд должен иметь данные о том, что право требования или обязанность отвечать по иску принадлежит другим лицам» [6, с. 76].

Бычкова С. С. предлагает при определении юридической природы ненадлежащей стороны в гражданском процессе учитывать два аспекта: материально-правовой и процессуальный [7, с. 76].

Материально-правовой аспект юридической природы ненадлежащей стороны определяется отсутствием вероятной принадлежности ей спорных прав и обязанностей. Следовательно, лица могут участвовать в процессе в качестве надлежащей стороны не потому, что они являются субъектами спорного материального правоотношения, а потому, что они могут ими быть [8, с. 69]. Таким образом, чтобы правильно определить, участвует в процессе надлежащая или ненадлежащая сторона, по мнению Мельникова А. А., необходимо установить отсутствие вероятного наличия у истца права требования по предъявленному иску, как и отсутствие вероятного наличия у ответчика обязанности отвечать по этому иску [9, с. 146].

Как считает Щеглов В. Н., о ненадлежащей стороне можно говорить лишь условно, потенциально. Не исключено, что по результатам процесса ненадлежащей стороной окажется вовсе не та сторона, которая первоначально ней предусматривалась [10, с. 77].

Заключение. Анализ рассмотренных проблем в сфере замены ненадлежащей стороны в гражданском процессе, позволил нам сделать следующие предложения для усовершенствования замены ненадлежащей стороны в гражданском процессе:

1. При разработке ГПК ДНР предлагается изложить статью, определяющую лиц, участвующих в деле с учетом определения понятия «стороны», «истец», «ответчик», а также указания лиц, которые могут выступать в роли сторон.

2. При разработке ГПК ДНР изложить статью, определяющую лиц, которые могут быть представителями с учетом положений о том, что представительство может возникать на основании договора и закона и предоставить возможность быть законными представителями всех полностью дееспособных лиц, а договорным представителем – только адвокату или иному лицу, достигшему восемнадцати лет и имеющему гражданскую процессуальную дееспособность.

3. При разработке норм, регулирующих замену ненадлежащей стороны внести существенные дополнения по сравнению с ныне действующим порядком, а именно: закрепить понятие ненадлежащей стороны, а также ненадлежащего истца и ответчика; закрепить правовые последствия выявления в ходе рассмотрения дела ненадлежащего истца и ненадлежащего ответчика; установить возможность взыскания судебных расходов с истца по требованию и в пользу ненадлежащего ответчика; закрепить необходимость подачи мотивированного ходатайства истцом о замене ненадлежащего ответчика; определить правовым последствием замены ненадлежащего ответчика признание судом отказа истца от своих требований к нему; предоставить право суду в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчиков привлекать этих лиц к участию в деле по своей инициативе; установить правило изменения

подсудности в случае изменения субъектного состава в результате замены ненадлежащего ответчика.

Список литературы

1. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 702 с.
2. Васильева-Шаламова, Ж. В. До питання про поняття сторін як основних учасників цивільного процесу / Ж. В. Васильева-Шаламова, К. П. Гуменюк // Актуальні проблеми держави і права. – 2014. – Вип. 74. – С. 205-211.
3. Советское гражданское процессуальное право: учебник / под общ. ред. К. С. Юдельсона. – М.: Юрид. лит., 1965. – 471 с.
4. Викут М. А. Стороны – основные лица искового производства / М. А. Викут. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1968. – 76 с.
5. Штефан М. Й. Цивільне процесуальне право України: Академічний курс: підручник / М. Й. Штефан. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2005. – 624 с.
6. Цивільне процесуальне право України / за ред. В. В. Комарова. – Х.: Основа, 1992. – 416 с.
7. Бичкова С. С. Визначення неналежної сторони у цивільному процесі України / С. С. Бичкова // Форум права. – 2010. – № 4. – С. 75-80.
8. Чечот Д. М. Участники гражданского процесса / Д. М. Чечот. – М. Гос. изд-во, юрид. лит., 1969. – 191 с.
9. Мельников А. А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / А. А. Мельников. – М.: Наука, 1969. – 248 с.
10. Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса / В. Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 129 с.

УДК 347

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Дербишева О. А., Терещенко А. В.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел», г. Донецк, ДНР
olga.aleksandrovna.d@mail.ru, gs1_ksnpa@minjust-dnr.ru

Введение. Развитие гражданского общества регламентирует расширение пределов объекта, относящегося к авторскому праву.

Целесообразно проанализировать основные подходы к понятию «авторское право», поскольку именно от теоретического осмысления (в экономических, политических, социальных плоскостях) напрямую зависит отношение к объектам авторского права и направление дальнейших разработок нормативного правового регулирования.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 Конституции Донецкой Народной Республики каждому гарантируется свобода литературного,

художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом [1].

Статья 1347 Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) определяет права авторов и дает определение авторского права. Так, ч. 1 указанной статьи установлено следующее: «Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства являются авторскими правами» [2].

С появлением глобальной сети «Интернет» интеллектуальная собственность приобрела общедоступный характер. Основная проблема заключается в отсутствии надлежащего государственного мониторинга за такими «интеллектуальными результатами».

Следует отметить, что с появлением сети «Интернет» возможность донести результаты интеллектуальной деятельности (литературные, научные, художественные, музыкальные и иные произведения) до неопределенного круга лиц стало проще, соответственно отслеживать законность распространения интеллектуальной авторской собственности стало гораздо сложнее.

Возникает вопрос и о своевременности выявления нарушений авторских прав, так как отсутствует надлежащий контроль и надзор с позиции государственных органов власти в Донецкой Народной Республике.

Основная часть. Международный источник права – преамбула Директивы № 2012/28/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 25 октября 2012 г. – раскрывает содержание авторского права с позиции экономики, так под авторским правом понимается экономическая основа, регламентирующая развитие индустрии творчества. Кроме того, авторское право направлено на стимулирование инноваций и производство [3, с. 5].

Л. А. Новоселова объективно выражает мнение о том, что современное законодательство Российской Федерации устанавливает условия, посредством которых происходит определение результатов интеллектуальной деятельности подлежащих (признаваемых) охраняемыми законом [4, с. 67].

М. Н. Кочеткова и Э. В. Сысоев верно указывают, что современное гражданское право выделяют как обособленную область применения сети «Интернет», игнорируя его специфику или приравнивая к иным средствам распространения информации [5, с. 195]. В Донецкой Народной Республике отсутствует нормативное правовое регулирование относительно вопроса распространения объектов интеллектуальной собственности физическими или юридическими лицами, например, в социальных сетях.

Ельчанинова Н. Б., анализируя механизмы правовой защиты авторского права в сети «Интернет», утверждает, что реализация правовой защиты может задевать интересы указанных лиц, так как будет

затрагиваться право на свободное распространение информации и созданного ими контента [6, с. 119].

Поддерживая мнение вышеуказанного автора можно сделать вывод о том, что реализация защиты авторского права в сети «Интернет» невозможна без дополнительных программных средств, при помощи которых появилась бы возможность своевременно выявлять нарушения.

Важно отметить, что прежде, чем выявлять нарушения авторских прав необходимо разграничить сферу правового регулирования государственных органов. В данном случае можно привести пример: согласно п. 1.1 [7], Министерство информации Донецкой Народной Республики проводит государственную информационную политику и осуществляет функции по нормативному правовому регулированию, контролю (надзору) в сферах массовых коммуникаций.

Целесообразно Минфо ДНР разработать нормативный правовой акт, посредством которого можно было бы выявлять нарушения со стороны субъектов массовой информации, нарушающих авторские права.

До вступления в силу ГК ДНР действовало Временное положение об авторском праве в картографии, утвержденное приказом Государственного комитета по земельным ресурсам Донецкой Народной Республики (далее – Госкомзем ДНР) от 03.11.2017 г. № 176, регулирующее правоотношения, связанные с установлением авторского права на все виды картографических произведений и их использованием. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Госкомзем ДНР регулировал отраслевые правоотношения в сфере авторского права в отношении картографии.

Выводы. Проанализировав научную и учебную литературу можно сделать вывод о том, что авторское право на сегодняшний день является актуальным, так как глобальная сеть «Интернет» позволяет людям широко распространять интеллектуальные результаты своей работы, однако, законодательство «не успевает» проводить надлежащее нормативное правовое регулирование в частности охраны интеллектуальных результатов, соответственно, оно нуждается в совершенствовании и адаптации к новым жизненным нормам, сложившимся в сети «Интернет».

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ИНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 17.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 24.04.2020 № 140 ПНС, от 04.05.2020 № 146 ПНС, от 01.09.2020 № 184-ПНС, от 24.09.2020 № 194 ПНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/>

- zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 17.09.2020). – Загл. с экрана.
3. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2012/28/ЕС от 25 октября 2012 г. об определенном разрешенном использовании произведений, не определяемых по субъекту авторского права // Официальный журнал. – 27.10.2012. – № 299. – С. 5.
 4. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 367 с.
 5. Кочеткова М. Н. Конституционные основы охраны авторских прав в сети интернет / М. Н. Кочеткова, Э. В. Сысоев // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2014. – № 2(51). – С. 195–200.
 6. Ельчанинова, Н. Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет / Н. Б. Ельчанинова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 12. – С. 118–120.
 7. Положение о Министерстве информации Донецкой Народной Республики (утв. Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 августа 2018 г. № 10-37) / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-10-37-20180810/> (дата обращения: 17.09.2020). – Загл. с экрана.

УДК 347

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН ВСЛЕДСТВИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ОШИБКИ

Дербишева О. А., Чиж А. А.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
olga.aleksandrovna.d@mail.ru, chizh.alina11@mail.ru

Введение. Медицинские ошибки могут возникать по объективным причинам, а именно: отсутствие надлежащих условий оказания медицинской помощи; тяжесть состояния, и по субъективным, что может выражаться в неопытности медицинского работника, либо его невнимательности при обследовании пациента [1, с. 45].

В связи с этим, М. Н. Малеина высказывается о том, что юридическая ответственность наступает только по причине субъективных факторов, но если присутствуют объективные причины, в таком случае врачебные ошибки не влекут ответственности. Автор говорит о том, что такие ошибки чаще вызваны организационно-экономическими трудностями функционирования лечебных учреждений. В таком случае врач не может повлиять на сложившуюся ситуацию, например, отсутствие медикаментов или необходимого оборудования [2, с. 165].

Основная часть. Объективные причины могут пересекаться с особенностями строения организма больного. Примером может служить случай, если врач не оказывает медицинскую помощь и больной умирает. А затем выясняется, что стертая клиническая картина привела к тому, что было практически невозможно поставить правильный диагноз. В данном примере, в действиях врача отсутствует вина, так как ошибка была допущена вследствие объективных причин [3].

В медицинской практике существуют множество врачебных ошибок. Например, если же врач назначил больному лечение препаратом, а у пациента на него аллергия. Таким образом, если врачу было известно о наличии у пациента аллергии, то это вина в форме умысла, но если же врач не знал об аллергии, то это вина врача в форме неосторожности [4]. Анализ судебной практики [5] показал, что увеличился рост случаев, где пациенты обращаются в судебные органы и с исками о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинской помощи.

В Донецкой Народной Республике, к сожалению, не ведется статистики по совершению медицинских ошибок. При сравнении статистики России и Украины, можно отметить несколько моментов. В Украине ежегодно от врачебной ошибки умирает более 10 тысяч человек. На территории РФ же такие ошибки и непрофессионализм медработников косвенно приводят к гибели более 70 тысяч пациентов. Но, если учесть разницу между уровнем здравоохранения в различных развитых странах, то можно предположить насколько больше случаев ошибок врачей может быть на самом деле [6].

Таблица

Страна	Количество летальных исходов в год
США	90 000 – 100 000
Великобритания	70 000
Италия	50 000
Германия	25 000
Австралия	18 000
Венгрия	7 000 – 10 000
Израиль	7 000 – 9 000
Болгария	7 000
Испания	3 000

На территории Донецкой Народной Республики действует ст. 502 Гражданского кодекса ДНР, которая предусматривает основания, по которым лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности [7].

Так, согласно п. 1 ст. статья 1197 ГК ДНР юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых

обязанностей на основании трудового договора или гражданско-правового договора. По имеющейся на сегодняшний день практике ответственность за вред, причиненный в результате повреждения здоровья пациента, несет перед ним медицинское учреждение. Лечебно-профилактическое учреждение признается виновным, если установлена вина его работников, выражающаяся в ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей по оказанию медицинской помощи.

Заключение. Вопрос оказания медицинской помощи был актуален всегда. Многочисленные специалисты заявляют, что трудности медицины связаны с недостатком вложения финансовых средств и отсутствия эффективной системы контроля качества оказания медицинской помощи. Мы считаем, что уровень врачебных ошибок может уменьшиться, если в законодательстве Донецкой Народной Республики будет введено право на правильный диагноз. Многие пациенты считают, что поставить правильный диагноз – это дело, касающееся непосредственно врачей. Однако мы придерживаемся той идеи, что врач и пациент должны работать над диагнозом совместными усилиями, в этом случае диагноз получится более точным. Именно от пациента зависит качество информации, точность тех данных, основываясь на которые врач будет ставить диагноз. Если пациент ответственно передаст врачу, что происходит в его организме, то есть большая вероятность, что диагноз будет отражать картину в целом. Важна ясность изложения того, что происходит с пациентом. На практике можно заметить, что больные нередко предоставляют либо недостаточно информации, либо перегружают свою речь деталями, которые не относятся к делу. Если в законодательстве будет указано это право то, по нашему мнению, врачи будут более ответственно относиться к постановке диагноза, а пациенты будут более точно осведомлять врачей информацией о своем здоровье, не утаивая подробностей историй болезни, которые могут существенно влиять на вынесение правильного диагноза. Также, в нашей Республике очень мало организаций, которые защищают права пациентов, а также способствуют им включаться в лечение.

Таким образом, можно подвести итог, что специальное правовое регулирование отношений по оказанию медицинских услуг необходимо незамедлительно улучшать. И на основании этого, мы предлагаем ввести обязательное страхование профессиональной ответственности медицинских работников. Так как страхование – это наиболее надежный экономический механизм возмещения убытков. И в таком случае ответственность за возникающие риски медицинского учреждения будет брать на себя страховая компания.

Список литературы

1. Стеценко С. Г. Врачебные ошибки и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Юрист. – 2004. – № 2. – С. 47

2. Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве : учеб. и практ. пособие. – М. : БЕК, 1995. – С. 260
3. Данные Фонда обязательного медицинского страхования. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ffoms.ru/portal/page/portal/top/index>
4. Гражданско-правовая ответственность в медицине за причинение вреда здоровью пациента. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zdrav.ru/articles/77648-grajdansko-pravovaya-otvetstvennost-v-meditsine-za-prichinenie-vreda-zdorovyu-patsienta>
5. Обзор судебной практики, связанной с ненадлежащим оказанием медицинских услуг от 6 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.krassud.ru
6. Статистика врачебных ошибок: данные по разным странам. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vawilon.ru/statistika-vrachebnyh-oshibok/>
7. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 24.09.2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

УДК 347.635.3

СОВМЕСТНАЯ ОПЕКА: ПРОБЛЕМЫ «РАЗВЕДЕННЫХ» РОДИТЕЛЕЙ

Дрёмова А. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
anadre44@yandex.ru

Введение. Согласно Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей, кем бы эти действия ни выполнялись, первоочередное внимание следует уделять наилучшему обеспечению интересов ребенка (ст. 3 Конвенции о правах ребенка). Согласно статье 38 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении детей (ст. 61 СК РФ) [1].

Основная часть. Воспитание ребенка предполагает в первую очередь постоянный или систематический контакт с ним. Хотя в большей степени требуется именно постоянное общение, которое позволяет родителям бережно и систематически воздействовать на детское сознание. Предполагается, что мать и отец обладают равными правами и несут одинаковые обязанности по воспитанию своих детей. Однако при разрешении судами споров родителей о месте жительства малолетних детей (при раздельном проживании родителей), как правило, могут возникать вопросы, которые имеют гендерные аспекты. В постсоветской правовой сфере широко обсуждалась явная дискриминация отцов в

отношении их права определять условия жизни своих детей после развода [2].

Анализ судебных решений по вопросам определения места жительства ребенка после развода его родителей показывает, что судьи в большинстве случаев склонны отдавать предпочтение матерям, тем самым несколько ограничивая права отца. В некоторой степени данную ситуацию можно объяснить тем, что по статистике в российском судебном корпусе доля женщин составляет 66 %, в отличие от многих других стран. В государственных органах, занимающихся вопросами опеки над детьми, подавляющее количество сотрудников также женщины.

Хотя юристы не рассматривают защиту прав отцов как критическую проблему, растущее число инициатив по защите прав отцов, появляющихся в настоящее время, предполагает, что это действительно важный юридический вопрос. Соответственно, когда учитываются интересы ребенка, возраст, мнение, а также личные и моральные качества родителей, суд редко разрешает спор в пользу отца. Более того в Российской Федерации обобщение судебной практики показало, что суды, как правило, не выясняют мнение детей тогда, когда в суде родители заключают мировое соглашение о месте проживания ребенка. Тем самым не выполняются требования ст. 57 СК РФ, что само по себе является нарушением прав ребенка. Похожие ситуации с правами отца возникают в других странах мира.

Предвзятые судебные решения относительно прав отцов на опеку и возможность свободно общаться со своими детьми после развода привело к возникновению 2 декабря 2002 года общественного движения «Отцы за справедливость» (Fathers 4 Justice). В качестве примера явного ограничения прав разведенного отца на общение со своим ребенком можно привести ситуацию, которая сложилась в Великобритании, где в четырех случаях из пяти суд оставляет ребенка с матерью, а в 40% случаев разведенный отец лишен полноценного общения со своими детьми. Причина подобных нарушений прав разведенных отцов заключается в том, что право отца на свидание со своими детьми не закреплено в законодательстве Великобритании как обязательное, однако при этом законодательство содержит положения об ответственности родителей, которая дает им право участвовать в принятии решений относительно будущего ребенка. Напротив, в Шотландии родительские обязанности и права – это правовой статус, который означает, что родители обязаны заботиться о ребенке и защищать его [3]. Отдельно проживающий родитель, как правило, не может осуществлять свои правомочия в том же объеме просто потому, что проводит с ребенком значительно меньше времени. Во многом его положение зависит от отношений, складывающихся между ним и родителем, с которым проживает ребенок. Природа семейных отношений такова, что заставить одного из их участников совершить те или иные действия практически

невозможно. В результате это приводит к ограничению прав родителей, не проживающих со своими детьми. Такое ограничение прав может считаться «урезанным» правом разведенного родителя, поскольку он характеризуется, прежде всего, меньшими правами по сравнению с правами родителей, живущих с ребенком.

Среди достигнутых мировых соглашений между разведенными родителями, а также судебных решений можно встретить несколько, в которых право одного родителя на общение со своим ребенком в достаточной мере ограничено и имеет место, к примеру, «каждый третий календарный выходной день, с 12 до 15 часов, на нейтральной территории или по адресу проживания, в присутствии матери ребенка или без таковой».

В Российской Федерации, исходя из обзора последних практики правоохранительных органов, происходит дисбаланс в реализации родительских прав между разведенными родителями, что может быть объяснено тем фактом, что правоприменительные нормы не всегда соответствуют семейному кодексу РФ. Несмотря на то, что в семейном кодексе разработан целый механизм обеспечения прав отдельно проживающего родителя, если совместно проживающий родитель активно этому препятствует, его права остаются записанными только на бумаге.

Заключение. С учетом вышеизложенного целесообразно следующее законодательное решение: предусмотреть юридическую возможность ограничить родительские права и обязанности в случаях, когда родитель использует свои родительские права с намерением отомстить другому родителю без учета интересов ребенка в родительских обязанностях. В таких случаях родительские права не могут быть сохранены. Необходимо добавить положение в ст. 7 Семейного кодекса РФ, согласно которому неосторожное осуществление родительских прав одним из родителей разрешает другому потребовать ограничения прав бывшего родителя. Такой подход к решению этой проблемы согласуется с новыми тенденциями и требованиями современного семейного права. В таких случаях было бы разумно расширить правовую основу для ограничения родительских прав, когда один из родителей нарушает семейные права детей, даже если это нарушение не угрожает здоровью или жизни детей. Такое положение защитит права детей в случае разлучения родителей.

Также представляется необходимым внести дополнения в ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которым похищение или незаконное удерживание родителем своего ребенка, который по суду должен жить с другим родителем будет наказываться принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 31.01.2014) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996.

2. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. – издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.
3. FATHERS AND CHILDREN: THE LAW // DAD.info. — 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dad.info/divorce-and-separation/fathers-rights-and-law/fathers-rights-to-see-their-children-law-in-the-uk> (дата обращения: 12.03.2020).
4. Декларация прав ребенка принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 16.09.2020).

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, *Авдеева О. Р.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.efremova@donnu.ru, olenka_avdeeva@mail.ua

Введение. Вопрос о правовой природе исполнительного производства в юридической научной литературе считается дискуссионным. Под правовой природой исполнительного производства понимается определение места исполнительного производства в системе права Донецкой Народной Республики. Процесс защиты нарушенного или оспоренного права не завершается вынесением судебного акта. Цель гражданского процесса состоит в том, чтобы право не только существовало, но и действовало. Исполнительное производство одно из самых действенных механизмов защиты прав, свобод, интересов человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства. Мы считаем, что в условиях современного этапа перестройки внутригосударственного законодательства в постсоветское пространство правовая наука всё больше имеет влияние на общественные отношения, требует соответствующего основательного правового анализа. Поскольку анализировать юридически значимые процедуры без определения её в правовой системе государства не возможно, мы предлагаем своё видение сущности исполнительного производства.

Основная часть. Споры о самостоятельности исполнительного производства ведутся уже почти четыре десятилетия. Для определения места исполнительного производства в правовой системе государства следует установить его сущность. Исполнительное производство следует рассматривать с нескольких сторон. Так, мы знаем, что исполнительное производство – это деятельность субъектов общественных отношений,

возникающая в связи с принудительным осуществление требований судебных актов и актов других органов [1, с. 246]. При этом, исполнительное производство – это массив юридических норм, регулирующих соответствующую деятельность и отношения, возникающие в связи с ней.

Обращаясь к историческому аспекту, видно характерную особенность советского гражданского процесса, которая заключается в том, что оно должно не только обеспечивать правовое и быстрое рассмотрение гражданских дел, но и на всех стадиях гражданского процесса создавать условия, необходимые для исполнения судебных решений в части достижения полного возобновления нарушенного права [2, с. 205]. Рассмотрим альтернативные подходы к месту исполнительного производства в гражданском процессуальном праве: Юрков М. К. считал, что совокупность норм, регулирующих отношения по исполнению решений юрисдикционных органов, представляет собой отдельное правовое образование – исполнительное право, которое имеет специфический предмет правового регулирования, собственные принципы, особый метод правового регулирования, а также общие положения. В связи с чем, автор полагал, что необходимо выделить исполнительное право в самостоятельную отрасль права. Аналогичной позиции придерживался Ю. Белоусов [3, с. 583].

Процессуалист Ю. С. Гамбаров исключал исполнительное производство из курса лекций по гражданскому процессу. Он отмечал, что исполнение судебных решений поручается не судам, а другим органам власти, не обладающим теми специальными качествами, которые необходимы для проверки обоснованности юридических требований. Исаенкова О. В., характеризуя в своих трудах исполнительное право как отрасль права, говорит о том, что необходимо признать, что исполнительное производство обладает всеми признаками самостоятельной отрасли права, поскольку имеет свой собственный предмет, метод правового регулирования, нормативно-правовую базу, принципами, особым субъектным составом, субъекты могут быть призваны к ответственности при определенных обстоятельствах [4, с. 30–31].

В. В. Комаров и В. В. Баранкова являются современными исследователями вопроса об исполнительном производстве, по их мнению, связь исполнительного производства с предыдущими стадиями судебного процесса определяется единством целей, закрепленных законом для всего судопроизводства в целом, и заключается в защите прав и охраняемых законом интересов. Процесс защиты права после вынесения решения и вступления его в законную силу продолжается в форме исполнительного производства и составляет заключительную стадию гражданского процесса [5, с. 421].

С. М. Пелевин полагает, что стадия исполнения является следствием рассмотрения и разрешения гражданского дела, защита субъективных

гражданских и законных интересов находит в ней свое реальное воплощение и эта стадия является завершающей в гражданском судопроизводстве [6, с. 184].

Мы же считаем, что исполнительное производство это неотъемлемая часть правосудия, поскольку осуществляется в процессуальной форме, субъектами публичного права, уполномоченными на приведение в исполнение судебного решения в порядке, установленном законодательством Донецкой Народной Республики.

Заключение. Исполнительное производство занимает особое место в системе права. Значение норм, его составляющих трудно переоценить. Исполнительное производство является разновидностью правоприменительного процесса, включающего в себя материальную и процессуальную сторону. Это определяется тем, что, во-первых, конечной целью исполнительного производства выступает защита нарушенного права, при этом право является материальной составляющей правоприменительных отношений, а во-вторых, деятельность по его защите или исполнению решения компетентного органа или должностного лица представляет собой процессуальную сторону данного отношения, протекающую с учетом основных принципов юридического процесса. Сопоставляя мнение указанных выше авторов, полагаем, что сущность исполнительного производства в реализации предписанных судом действий, которые способствуют восстановлению нарушенных прав и законных интересов. Безусловно, исполнительное производство не является только лишь стадией гражданского процесса Донецкой Народной Республики. Исполнительное производство – это целый механизм, способствующий исполнению судебных решений.

Судебный процесс и исполнительное производство соотносятся между собой как целое и часть. Нельзя рассматривать и утверждать, что исполнительное производство отдельно от гражданского процесса, потому что исполнительное производство обладает производственно-вспомогательной функцией по отношению к гражданскому процессу и в полной мере отражает процесс реализации цели гражданского процесса, исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что рассмотрение института исполнительного производства в полной мере, как самостоятельной отрасли права представляется не возможным. Потому, что нужно различать, когда речь идет об исполнительном производстве и об исполнительном праве. Поскольку исполнительное право – это действительно, по нашему мнению, самостоятельная отрасль права, потому как представляет собой систему процессуальных правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, где субъективное материальное право или охраняемый законом интерес нарушены должником, подтвержденные

юрисдикционным актом получает свою реализацию через механизм государственного принуждения. Тогда как исполнительное производство совокупность действий, целью которых является принудительное исполнение решений уполномоченных органов. Предлагаем, рассматривать исполнительное производство в нескольких значениях: как механизм реализации предписаний суда; как правовой институт, обладающий комплексным характером, поскольку затрагивает материальные и процессуальные нормы права.

Список литературы

1. Шакарян М. С. Гражданское процессуальное право: учебник / М. С. Шакарян. – М.: Проспект-Москва, 2004. – 472 с.
2. Заворотько П. П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения / П. П. Заворотько. – М.: Юрид. лит., 1974. – 360 с.
3. Юрков М. К. Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – С. 579-586.
4. Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... доктора юридических наук: 12.00.15 / Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 46 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002331804> (дата обращения 15.10.2020).
5. Комаров В. В. Виконавче провадження: навчально-практичний посібник / Баранкова В. В., Бігун В. А., та ін.; – Х.: Право, 2014. – 717 с.
6. Мусин М. А. Гражданский процесс: ученик 3-е изд., переработанное и дополненное / М. А. Мусин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечота. – М.: Проспект, 2001. – 370 с.

УДК 347.952.3

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, *Авдеева О. Р.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

a.efremova@donnu.ru, olenka_avdeeva@mail.ua

Введение. Исполнение судебных решений является проблематикой современного правосудия. Исполнение судебного акта должником может быть добровольным или принудительным. Вопрос добровольного исполнения судебного акта является дискуссионным. Законодательством Донецкой Народной Республики этот вопрос практически не урегулирован. В связи с чем, статья посвящена исследованию правовой природы добровольного исполнения судебных решений, в её рамках

рассматривается вопрос о целесообразности предусмотрения стимулирующих мер для должника, к добровольному исполнению предписаний суда. Потому, что, несмотря на то, что основной задачей исполнительного производства является принудительное исполнение, как мы видим, исходя из статистики любого постсоветского государства, объем нагрузки от этого не уменьшается.

Основная часть. Порядок исполнения судебных решений в Донецкой Народной Республике регулируется Временным порядком «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года. Изучая указанный нормативно-правовой акт, мы пришли к выводу, что он детально регулирует порядок принудительной реализации исполнительных документов. Так, Временный порядок раскрывает субъектов процесса принудительного исполнения судебного решения, перечень исполнительных документов, сроки исполнения, восстановление пропущенных сроков, меры принудительного исполнения решений и т.д.

В ходе исследования было установлено, что о добровольном исполнении во Временном порядке нет ни одной статьи, за исключением ч. 2 ст. 25 Временного порядка «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики», в которой сказано, что государственный исполнитель в течение трех рабочих дней со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление об открытии исполнительного производства. В постановлении государственный исполнитель указывает о необходимости должнику самостоятельно исполнить решение в срок до семи дней с момента вынесения постановления. В случае исполнения решения о принудительном выселении должника этот срок продляется до пятнадцати дней. Также предупреждается, что в случае не предоставления должником документального подтверждения исполнения решения будет начато принудительное исполнение этого решения с взысканием с должника исполнительного сбора и расходов, связанных с организацией и осуществлением исполнительных действий, предусмотренных Временным порядком. Таким образом, мы можем предположить, что срок, назначенный в постановлении государственного исполнителя и данный лицу на самостоятельное исполнение решения, это и есть добровольный порядок исполнения судебного предписания или иного исполнительного документа для должника.

Необходимо понимать, что добровольное исполнение – это нормальный итог окончания судебного процесса, свидетельствующий об уважении к правосудию, о соблюдении правопорядка и законодательства Донецкой Народной Республики, а так же об уровне правовой воспитанности граждан.

Существенным недостатком действующего в Донецкой Народной Республике законодательства об исполнительном производстве является

отсутствие закона об исполнительном производстве, который бы в полной мере регулировал вопросы исполнения судебных решений. Во Временном порядке, который мы указывали ранее, отсутствует норма дефиниции добровольного исполнения исполнительных документов, а также отсутствуют меры стимулирующие должника к добровольному исполнению.

Придерживаясь позиции А. К. Сергун, который говорит: «процессуальное право должно устанавливать меры, побуждающие должника к исполнению», в связи, с чем предлагаем закрепить такие меры в законе «Об исполнительном производстве» Донецкой Народной Республики, ведь это один из способов повышения эффективности исполнения предписаний исполнительного документа [1, с. 114].

Наша позиция подкреплена статистическими показателями принудительного исполнения судебного решения, которые не так уж и высоки. Практика принудительного исполнения решений судов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей, показывает, что такого рода судебные решения исполняются менее чем на 50 процентов [2, с. 22]. В российской юридической литературе констатируется самый высокий процент неисполнения судебных решений – 90 %, по делам о предоставлении жилых помещений и проведении ремонтных работ в жилых помещениях [3, с. 61].

Дадим характеристику добровольного исполнения исполнительных документов:

1. Инициатива исполнения обязанностей исходит исключительно от должника.
2. Исполнение обязанностей в разумные сроки;
3. Процесс исполнения обязанностей никем не контролируется;
4. До исполнения обязанностей к должнику не применялись санкции и иные неблагоприятные последствия в целях стимулирования.

Добровольное исполнение возможно в двух случаях: когда исполнительное производство еще не открыто либо в течение срока, указанного в постановлении государственного исполнителя, а именно семь дней. Общие же правила предоставления и исчисления срока для добровольного исполнения сводятся к следующему: во-первых, такой срок устанавливается лишь в случае первичного поступления исполнительного листа в исполнительную службу; во-вторых, он является фиксированным и не может быть изменён по усмотрению государственного исполнителя. В некоторых случаях в исполнительном документе указан срок исполнения, который был определен решением суда. При таких обстоятельствах срок для добровольного исполнения определяется в соответствии со сроком, указанным в исполнительном документе. Мы не являемся сторонниками позиции авторов, которые предлагают увеличение срока на добровольное

исполнение, поскольку убеждены, что это создает препятствие для реального исполнения судебных решений. Целесообразно не увеличение сроков, а наоборот закрепление статьи за нарушение сроков на добровольное исполнение, что следует квалифицировать, как неуважение к суду. Европейский суд по правам человека, в своих документах широко использует термин «неуважение» [4, с. 189].

Заключение. Подводя итог, мы считаем, что потребность в принудительном исполнении должна возникать, в качестве исключения из общего правила. Для этого законодательство об исполнительном производстве должно быть внутренне выстроено несколько иначе. Необходимо установление дефиниции определения «Добровольного исполнения исполнительных документов», а также закрепление комплекса мер стимулирующих к исполнению, разумные сроки выполнения. Структурно порядок добровольного исполнения должен быть расположен выше в нормативном акте, а затем уже следует закрепить регламентацию о принудительном исполнении исполнительных документов. При этом необходимо закрепить норму о неблагоприятных последствиях для должника, поскольку государственный исполнитель затрачивает силы и время исполнительного производства на период применения стимулирующих мер. Полагаем, что это будет более грамотно с точки зрения юридической техники самого нормативного акта и даст государственному исполнителю больше способов воздействия на должника.

В процессе построения правового регулирования различных общественных отношений, нашему государству необходимо задуматься о мерах, способных придать судебным решениям реального и быстрого исполнения. Низкий показатель приведения в исполнение судебных решений и иных документов может негативно сказываться на формировании правового государства, самостоятельной и сильной судебной власти, более того теряется смысл судопроизводства и не исполняется право каждого лица на судебную защиту и восстановление своих нарушенных прав.

Предлагаем принять закон об исполнительном производстве ДНР, закрепить в нем раздел о добровольном исполнении, а также статью «неуважение к суду», предусмотрев ответственность за её нарушение, аналогичную норму предлагаем внести в гражданско-процессуальный кодекс ДНР, неуважение к суду – неисполнении предписаний суда, а также умышленное нарушение сроков на добровольное исполнение исполнительного документа.

Список литературы

1. Сергун А. К. Исполнение решений, обязывающих должника совершить определенные действия // Труды ВЮЗИ. Т. XVII. Вопросы гражданского процессуального права. – М., 1971. – 216 с.

2. Шершень Т. В. Проблемные вопросы исполнения решений судов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей: теоретические и практические аспекты // Российский судья. – М.: Юрист, 2013. – С. 20-24.
3. Анисимова Л. В. Неисполнение судебного решения как нарушение права на судебную защиту // Омбудсмен: государство и защита прав человека. – М.: Юрист, 2012. – № 1 – С. 59-62.
4. Гилязов И. И. «Право на уважение собственности» в практике Европейского Суда по правам человека и необходимость применения требований ст. 1П Протокола № 1 судами общей юрисдикции при рассмотрении имущественных споров / И. И. Гилязов // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – Выпуск 2. – Казань, 2007. – С. 188–191.

УДК 615.849

ВЛИЯНИЕ ФАКТА ОПЛАТЫ ЕДИНОГО ВЗНОСА НА ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, *Цокур А. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.efremova@donnu.ru, tsokur.art@yandex.ru

В Донецкой Народной Республике охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются гарантии социальной защиты. Одной из них является гарантия на социальное обеспечение лиц имеющих право на получение пенсионных выплат.

В данный момент Республика переживает процесс законотворчества и на переходной период согласно ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики, а также Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» (с изменениями и дополнениями) законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции Донецкой Народной Республики, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики.

В свою очередь п. 2 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10.01.2015 № 1-12 «О некоторых вопросах назначения (перерасчёта) пенсий в Донецкой Народной Республике в переходный период» (далее – Постановление № 1-12) предусмотрено, что

до принятия соответствующего законодательства Донецкой Народной Республики на время действия переходного периода на территории Донецкой Народной Республики применяются нормы Закона Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» от 09.07.2003 № 1058 (с изменениями и дополнениями) (далее – Закон Украины № 1058), данным законом регламентирован порядок назначения пенсий, а также дается понятие страхового стажа, так согласно ст. 24 Закона Украины №1058, страховой стаж – период (срок), в течение которого лицо подлежит общеобязательному государственному пенсионному страхованию и за который ежемесячно уплачены страховые взносы в сумме не меньшей, чем минимальный страховой взнос. Исходя из данной нормы явно прослеживается, что страховой стаж при назначении пенсии учитывается только при уплаченном едином взносе с заработной платы работника, в случае невозможности предоставления данных системы персонифицированного учета за период после 01.07.2000, документом подтверждающим сумму начисленной заработной платы (дохода), является справка о заработной плате, выданная по форме, утвержденной Постановлением №1-12, в которой помимо заработной платы работника указывается также уплата страховых взносов за определенный период трудовой деятельности. В Донецкой Народной Республике на данный период времени минимальная заработная плата составляет 2436 руб., так как Правительством Донецкой Народной Республики на данный момент не утверждена минимальная заработная плата для трудоспособных лиц, следовательно в Республике действует минимальная заработная плата утвержденная Законом Украины «О внесении изменений в Закон Украины "О Государственном бюджете Украины на 2014 год» от 27.03.2014 г. № 1165-VII, следовательно единый социальный взнос на общеобязательное социальное страхование составляет 422,65 руб. (34,7 % от минимальной заработной платы за 2014 год).

В соответствии с ч. 3 ст. 44 Закона Украины № 1058, органы Пенсионного фонда имеют право требовать соответствующие документы от предприятий, организаций и отдельных лиц, выданные ими для оформления пенсии, а также в необходимых случаях проверять обоснованность их выдачи и достоверность представленных сведений о лицах, подлежащих общеобязательному государственному пенсионному страхованию, условия их труда и других сведений, предусмотренных законодательством для определения права на пенсию. Во исполнение данной нормы в Донецкой Народной Республике был принят Порядок проведения проверок достоверности сведений, предоставленных для назначения пенсии, утвержденный приказом Председателя Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики от 27.04.2015 №24 (далее – Порядок № 24).

В свою очередь раздел II Порядка №24 предусматривает организацию проверок достоверности сведений предоставленных для назначения пенсии, а именно сроки на передачу документов в отдел контрольно-проверочной работы (который составляет не более одного рабочего дня), на проверку предоставленных материалов и подтверждение первичными документами на предприятиях, учреждениях, организациях.

Для реализации такого положения органами Пенсионного фонда издается приказ, который в обязательном порядке должен содержать:

- наименование предприятия, которым выданы документы для назначения пенсии;
- предмет проверки;
- сроки проведения проверки (они должны не превышать два рабочих дня);
- фамилию, имя и отчество должностного лица, которое будет проводить проверку.

На основании изданного приказа на бланке органа Пенсионного фонда оформляется направление на проверку, составляется направление в двух экземплярах (один экземпляр вручается предприятию, на котором проводится проверка, второй – подшивается к акту проверки).

После проведения проверки предоставленных документов для назначения пенсии составляется соответствующий акт, в котором указываются результаты проверки, в соответствии с содержанием которого, возможно два исхода событий:

- когда в предоставленных документах не имеется расхождений с первичными документами, период трудовой деятельности учитывается в страховой стаж для назначения пенсии;

- когда в предоставленных документах для назначения пенсии имеются расхождения с первичными документами и, которые повлекли за собой нарушение порядка использования средств Пенсионного фонда (образование переплаты пенсии), (орган Пенсионного фонда проводит работу по возмещению ущерба с виновных лиц).

В случае невозможности определения виновного лица или наличия признаков системности в предоставлении недостоверных сведений начальником органа Пенсионного фонда принимается решение о направлении материалов в соответствующие правоохранительные органы для дальнейшей реализации, согласно законодательства, действующего на территории Донецкой Народной Республики.

С целью улучшения работы органов Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики, был введен Временный порядок формирования, ведения и использования сведений из Реестра застрахованных лиц Государственного реестра общеобязательного социального страхования Донецкой Народной Республики (далее – Реестр), утвержденный

Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики от 05.07.2019 № 14-6. Вышеупомянутый реестр позволяет сократить время для назначения пенсии и помогает эффективней реализовать права граждан на социальную защиту в Донецкой Народной Республике.

Резюмируя указанные выше доводы, следует так же отметить, что на данный момент органы Пенсионного фонда не имеют соответствующих полномочий для наложения административных санкций на предприятия, учреждения, организации, которые умышленно или в силу своей некомпетентности предоставляют неверные сведения для назначения пенсии. Усовершенствование полномочий органов Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики в сторону их расширения позволит увеличить ответственность организаций по предоставлению документов для назначения пенсии в Донецкой Народной Республике, повысит уровень ответственности предприятий за качество предоставленной информации, и, также повысит уровень социальной защищенности работников в части реализации права на получение пенсии.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. — Режим доступа:<http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>.
2. Об общеобязательном государственном пенсионном страховании: Закон Украины от 09.07.2003 № 1058[Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины. — Режим доступа:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1058-15>.
3. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. — Режим доступа:<https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-2-iyunya-2014-g-№-9-1-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perehodnyj-period/>.
4. Временный порядок формирования, ведения и использования сведений из Реестра застрахованных лиц Государственного реестра общеобязательного социального страхования Донецкой Народной Республики: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 05.07.2019 №14-6[Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. — Режим доступа:<https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-05-iyulya-2019-g-№-14-6-ob-utverzhenii-vremennogo-poryadka-formirovaniya-vedeniya-i-ispolzovaniya-svedenij-iz-reestra-zastr/>.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Каравацкая С. А., Аверин В. Ю.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
svetun1997@mail.ru, Vityshatop4ick@yandex.ru

Защита интеллектуальных прав на сегодняшний день является одной из важных сторон общественной жизни, ведь с ней напрямую связано естественное развитие отношений по созданию и использованию результатов творческой деятельности человека (произведения науки, литературы, искусства и др.), а также внутренняя оценка состояния и перспектив благоприятного климата в государстве. Именно поэтому защита права интеллектуальной собственности приобретает все большее значение в условиях нынешней экономики, когда результаты интеллектуальной собственности приобретают черты товара, из-за того что товаром может являться все, что может быть продано. Самостоятельная материальная ценность обладания исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности состоит в способности приносить доход ее обладателю. Для того чтобы сохранить право человека на реализацию и получения дохода от своего исключительного права на результат интеллектуальной деятельности следует ознакомиться с нормативно-правовой базой, которая охраняет интеллектуальную собственность в Донецкой Народной Республике.

Защита интеллектуальной собственности – это совокупность мероприятий, направленных на установление и признание прав интеллектуальной собственности в случае их нарушения, оспаривания или непризнания. Однако действенность защиты субъективного права зависит от правовой оценки объекта защиты и верного решения принятого при соответствующем способе защиты.

Право интеллектуальной собственности охраняется Конституцией, которая, в свою очередь, устанавливает, что интеллектуальная собственность охраняется законом [1]. Кроме того, защита интеллектуальная собственность может осуществляться в гражданско-правовом, уголовно-правовом и административно-правовом порядке.

У автора как владельца интеллектуальной собственности имеются личные имущественные и неимущественные права, которые в первую очередь могут быть подвергнуты посягательству.

В качестве личных неимущественных прав выступают права на авторство, право на имя, право на защиту своей репутации, право на промульгацию результата интеллектуальной деятельности и право на

отзыв [2, с. 48]. Данный перечень прав принадлежит автору независимо от принадлежащих ему как автору личных имущественных прав. Наиболее встречающимся в гражданском праве видом нарушения личных неимущественных прав автора является апроприация авторства другим лицом или же плагиат – присвоение авторства другим лицам. Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности принадлежат авторам или правообладателям – то есть лицам, которые в установленном порядке приобретают имущественные права на объекты интеллектуальной собственности. Обладателю таких прав принадлежат права на правомерное использование данного объекта по своему мнению в любой форме и любым способом. В отличие от неимущественных прав имущественные права имеют срок их действия, следовательно, охрана имущественных прав осуществляется в пределах срока их действия. В случае, когда личные неимущественные и имущественные права были нарушены, лицо имеет право обратиться в суд и путем гражданско-правового способа защиты отстоять свои права в суде. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики регламентирует защиту интеллектуальной собственности и неимущественных прав автора с учетом сути нарушенного права и последствий нарушения этого права путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда. Правовая охрана объектов авторского и смежного права осуществляется с момента их создания, и охраняются знаками охраны, в случае авторского права – ©, в смежном праве – ® [3].

В целях защиты и признания за собой права на объекты интеллектуальной собственности автор может требовать прекращения действий нарушающих его авторские или смежные права или остановить те действия, которые могут создать угрозу нарушения данных прав. В требования автора также входят – возмещение убытков, восстановление упущенной выгоды, взыскание доходов полученных вследствие нарушения авторских и смежных прав и выплата компенсации [4].

Также автор может отстаивать свои права в уголовно-правовом порядке ст. 152 УК ДНР предусматривает уголовное наказание за присвоение авторства (плагиат) и ст. 153, которая предусматривает наказание за незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца [5], или же административно-правовом порядке, который предусматривает, порядок защиты исключительного права лица на интеллектуальную собственность регулируется ст. 51 Кодекса Украины об административных правонарушениях. Данная статья признает административно наказуемым такое нарушение прав на объект права интеллектуальной собственности, как незаконное использование объекта права интеллектуальной собственности, присвоение авторства на такой

объект или иное умышленное нарушение прав на объект права интеллектуальной собственности, охраняемого законом [6].

Обладатели исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности могут использовать разноплановые правовые способы защиты своих прав на результат интеллектуальной деятельности, каждый из которых выделяется своими особенностями отстаивания прав в установленном законодательством порядке. Выбор конкретной меры, с помощью которой осуществляется восстановление нарушенных или признание оспариваемых прав и воздействие на нарушителя, зависит как от вида объекта интеллектуальной собственности, так и от вида нарушения прав автора, содержания права и пределов его осуществления.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1 от 14.05.2014 г.
2. Мачковский Л. Г. Интеллектуальная собственность: уголовно-правовая охрана // «Законодательство» – № 11 – 2015 – 68 с.
3. ГОСТ Р. 7.0.1: Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу 01.01.2004
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019г.
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014
6. Кодекс Украины об Административных Правонарушениях от 07.12.1984 № 8073-Х.

УДК 347

РЕАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Каравацкая С. А., Завриловский Д. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
svetun1997@mail.ru, shadow63203@gmail.com

В современном мире авторское право, как и право в целом, развивается с невероятной скоростью, но при этом все равно не успевает за темпами развития регулируемых им общественных отношений. Невозможность успеть за современными тенденциями дает возможность недобросовестным гражданам находить недоработки и недочеты в существующем законодательстве. Большинство из них появились с повсеместным распространением сети интернет. Но это проблемы стран с передовым уровнем развития, страны же, находящиеся на постсоветском пространстве, как и очень часто бывает, отстают на шаг или даже

несколько шагов во многих сферах жизнедеятельности и в том числе в сфере авторского права [1].

Хотя, если немного углубиться в историю, когда даже на просторах СССР большой популярностью пользовались VHS кассеты с пиратским переводом фильмов. После распада Советского Союза к пиратским кассетам добавился новый рынок – поддельные картриджи для актуального в то время третьего поколения консолей. Стоит также отметить, что эти самые поддельные картриджи выпускались для поддельных консолей, известных на пространстве СНГ как Dendy, которые были клоном NES (Nintendo Entertainment System), и если оригинал проектировался и собирался в Японии, то «версия», существующая на нашем рынке, собиралась в Тайване из китайских комплектующих под руководством компании Steepler. На этом примере можно пронаблюдать, что несостоятельность законодательства в данной сфере была в итоге урегулирована самими производителями консолей, которые начали прибегать к самозащите своих гражданских прав, сделав невозможность функционирования поддельных консолей на уровне оригинала введя как аппаратные, так и введением специальных цифровых подписей, которые консоли проверяли при считывании ими контента, который был получен неправомерным образом [3].

Еще одним объектом неправомерного использования авторских прав на постсоветском пространстве были диски, которые в современных реалиях уже во многом утратили свою актуальность, как и VHS кассеты в свое время. Так на пиратских дисках продавались музыка, фильмы, сериалы, игры и т.д. Сейчас же главная проблема всех правообладателей и патентообладателей – это сеть интернет. «Оплот свободы» современного общества позволяет безнаказанно распространять пиратскую продукцию в масштабах гораздо больших чем на физических носителях, очень часто случается, что даже не нужно иметь физическую копию оригинала, пригодную для копирования, а достаточно иметь электронную версию, например, трека известного исполнителя, которую можно загрузить на торрент-трекеры. В каких-то сферах владельцы интеллектуальных прав приспособились к «пиратам», так в игровой индустрии как на дисковые копии, так и на электронные издатели устанавливают защитные программы, позволяющие избежать копирования распространяемого материала [2]. Еще один из способов защиты предоставляет сам интернет, путем постоянного подключения к последнему издатели и разработчики могут проверять наличие лицензионной копии своего продукта у потребителя.

В чем же причина того, что в наших странах так часто нарушаются права авторов и патентообладателей? Можно выделить две взаимоисключающие причины:

1) Правовая безграмотность людей и сопутствующий правовой нигилизм других;

2) «Привычка», оставшаяся после жизни в СССР, где очень многое доставалось людям бесплатно.

У обеих причин есть свои аргументы, так в поддержку второй причины можно сказать, что «постсоветские» люди не привыкли к жизни в странах с капиталистическим строем в котором они оказались и соответственно не считают правильным платить за то, что, по их мнению, должно быть бесплатно. Опровержение же этой причины также существует – это то что за почти 30 лет существования в условиях капиталистического строя статистика пиратства была подвержена исключительно росту, с одной стороны это связано со все большим распространением смартфонов, компьютеров и сети интернет, а с другой почему же наши люди так и не одумались и продолжают нарушать чужие права.

Если же рассматривать первую причину, которая, по нашему мнению, является более вероятной, то в её поддержку нужно сказать, что правовая безграмотность обуславливается нежеланием людей разбираться в правовой системе государства и вытекающий из этого правовой нигилизм – отрицание права как института и недоверие к правовой парадигме государства. Здесь начинается длинная цепочка проблем, вероятно основная из которых – низкий уровень жизни на всем постсоветском пространстве. Люди просто не желают тратить с огромным трудом заработанные средства на набор пикселей на экране или строки цифрового кода.

На основании вышеописанного можно сделать определенные выводы о том, что вероятно не всегда человек нарушает закон по своей воле, случается, что определенные жизненные обстоятельства не позволяют ему жить по букве и духу закона.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1 от 14.05.2014 г.
2. Гражданский кодекс Украины: С изменениями и дополнениями по состоянию на 1 января 2008 года / Составители: В. И. Борисова, В. Л. Яроцкий. — Харьков: Право, 2008. — 432 с.
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 г.

МЕСТО ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Комаров В. А., канд. юрид. наук, **Аршинникова Н. Ю.**
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gpd-dua@yandex.ru, n.o.rostova@gmail.com

Международное право в современном мире является основополагающим механизмом разрешения не только региональных споров, но также внутригосударственных локальных конфликтных ситуаций. Европейский суд по правам человека является одним из наиболее популярных средств осуществления правосудия на международном уровне. В связи с этим существует необходимость в определении места общепризнанных международных норм и принципов в системе частного и публичного права Донецкой Народной Республики.

Европейский суд по правам человека (далее по тексту – ЕСПЧ) был основан в 1959 году в Страсбурге и является международным судебным органом, в полномочия которого входит вынесение постановлений в отношении жалоб, поданных государствами или индивидуальными заявителями. Компетенция Суда касается гражданско-правовых и политических жалоб, изложенных в Европейской Конвенции о защите прав человека 1950 года [1]. И, в соответствии с Регламентом работы ЕСПЧ, Суд рассматривает жалобы государств и физических лиц, которые являются участниками данной Конвенции. Однако ее нормы и принципы в наше время считаются общепризнанными и включаются в национальное законодательство чуть ли не любого государства вне зависимости от наличия признания его на международной арене [6,7].

«Донецкая Народная Республика является демократическим правовым социальным государством» – Статья 1 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР). Исходя из данного положения, следует, что наивысшей ценностью государства является человек и народ (Статья 3 Конституции ДНР). И, как в любом другом демократическом государстве, в нашем государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в той части, что не противоречит Конституции (статья 12 Конституции ДНР) [5].

Внутреннее законодательство ДНР предусматривает государственную защиту прав и свобод человека, а также не запрещает ее осуществление путем обращения в международные органы правосудия в

соответствии с заключенными соглашениями и если все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты были исчерпаны [5]. Такие международные договоры занимают одно из главенствующих мест в законодательной иерархии Донецкой Народной Республики наряду с общепризнанными нормами и принципами международного права [3, 2].

Однако на данный момент наше государство не имеет возможности заключать международные соглашения или присоединиться к уже существующим, в силу своей непризнанности основными международными организациями (ООН, ЕС и т.п.), а также иными странами. Поэтому примат международного права сейчас реализуется в области применения общепризнанных норм и принципов международного права в той части, что не противоречит внутринациональному законодательству.

Формально Донецкая Народная Республика может присоединиться к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что впоследствии позволит ей и ее гражданам обращаться в ЕСПЧ для разрешения гражданско-правовых и политических споров.

В таком случае, в соответствии со статьей 56 Конвенции решения Суда будут распространяться на территорию данного государства в пределах, не противоречащих законодательству ДНР [1]. Процедура подачи заявления в Европейский суд по правам человека будет стандартной согласно законодательству Донецкой Народной Республики.

Для того чтобы направить жалобу в международные органы осуществления правосудия необходимо решение судов первой инстанции (межрайонные, городские, районные суды), апелляционного суда (Апелляционной Палаты Верховного Суда ДНР), Верховного суда и Конституционного [4].

Решение по гражданскому спору (или политическому) должно пройти стадию апелляции и кассации в государстве первоначального судопроизводства по делу. И тогда, при наличии достаточных оснований, дело может быть рассмотрено в ЕСПЧ согласно установленному Регламентом порядку.

Любая жалоба, направленная в Суд подается в письменном виде и подписывается заявителем (заявителями) или его представителем (представителями) (статья 46 Регламента Суда). В результате разрешения спора Суд выносит постановление/решение/разъяснение, которое подлежит обязательному исполнению [7].

Из вышеизложенного следует вывод, что Европейский суд по правам человека играет важную роль в системе гражданского судопроизводства Донецкой Народной Республики, однако до тех пор, пока государство не станет участником Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года, оно не может в полной мере использовать свое право на

обращение в данный международный судебный орган. Из-за неполной правосубъектности Республики нет возможности разрешать государственные споры в международных органах осуществления правосудия, так как их решения не будут являться обязательными к исполнению на территории Донецкой Народной Республики. Для того чтобы решения ЕСПЧ имели юридическую силу в ДНР, последней необходимо присоединиться к международному соглашению, регулирующему деятельность Суда.

Список литературы

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>.
2. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 (действующая редакция на территории Донецкой Народной Республики 02.03.2014 года), № 1618-IV // Верховная Рада Украины. 2014 г.
3. Донецкая Народная Республика. Законы. Закон Донецкой Народной Республики «О международных договорах Донецкой Народной Республики» № 66-ІНС от 29.06.2015 (действующая редакция по состоянию на 04.02.2020). – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-mezhdunarodnyh-dogovorah-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
4. Донецкая Народная Республика. Законы. Закон Донецкой Народной Республики «О судебной системе Донецкой Народной Республики» № 241-ІНС от 31.08.2018 (действующая редакция по состоянию на 16.03.2020). – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
5. Донецкая Народная Республика. Законы. Конституция Донецкой Народной Республики: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 06.03.2020: [принята постановлением № 1-1 от 14 мая 2014 года]: одобрена председателем Верховного Совета Донецкой Народной Республики Д. В. Пушилыным – Донецк, 2014. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения 01.11.2018)
6. Официальный сайт Европейского Совета – www.coe.int
7. Регламент работы Европейского суда по правам человека от 4 ноября 1998 года (с изменениями, принятыми на пленарном заседании Суда 1 июня и 5 октября 2015 года). – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_rus.pdf

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ)

Комаров В. А., канд. юрид. наук, *Тришкина К. Г.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gpd-dua@yandex.ru, summer2711@mail.ru

Введение. Усыновление предоставляет специфический вид правоотношений в рамках семейного права. Реализация усыновления ребёнка из другого государства является проблемой науки и практики, разрешение которой даст возможность правовыми методами снизить остроту сиротства в государствах, правосубъектность которых ещё не получила международно-правового признания.

Целью исследования является попытка научного анализа актуальных проблем трансграничного усыновления.

Основная часть. Усыновление – один из древнейших институтов семейного права. Правовое регулирование усыновления претерпело длительную эволюцию, однако основополагающие принципы его сохранились до наших дней.

Правовое регулирование отношений по поводу усыновления направлено на защиту стремления индивида реализовать родительские чувства и защиту первоочередных интересов ребёнка.

Ещё в античном Риме сформировался базовый постулат усыновления, гласящий, что оно должно отражать естественное положение вещей, а значит, между усыновляемым и усыновителем должна существовать возрастная разница не менее 18 лет [4, с. 125]. Это правило до настоящего времени сохраняется в семейно-брачном законодательстве практически всех стран мира. Исключением является Испания, в которой разница в возрасте между усыновителем и усыновлённым должна быть не менее 14 лет [2, с. 210].

Усыновление (удочерение) в специальной юридической литературе рассматривается как оптимальная форма обретения ребёнком семьи и защиты его интересов [8, с. 129]. При этом в первую очередь рассматриваются имущественные интересы и материальное положение ребёнка, возможность получения им качественного образования. На взгляд автора исследования, необходимо более полно учитывать ряд морально-нравственных аспектов, включающих правовую охрану конфиденциальной информации о ребёнке.

Правоведы отмечают, что в начале XXI века на постсоветском пространстве для устройства детей чаще всего избираются две формы: помещение в государственное воспитательное учреждение (интернат) или

опека (попечительство), граждане стремятся избежать правоотношений, связанных с усыновлением ребёнка [7, с. 152].

В современной социально-политической и правовой мысли институт усыновления (удочерения) зачастую связывается с целым рядом других актуальных проблем, среди которых изменения половозрастного состава населения и миграционные процессы [6]. Усыновление (удочерение) с такой точки зрения может рассматриваться не только как одна из форм семейного воспитания, но и как инструмент противодействия негативным демографическим тенденциям. С правовой точки зрения усыновление (удочерение) представляет юридический факт, который может быть применён судом для защиты или восстановления законных интересов несовершеннолетнего лица.

Правовое регулирование усыновления (удочерения) в Донецкой Народной Республике сталкивается с целым рядом проблем. Связанных с политической ситуацией вокруг мирного урегулирования, экономическими трудностями и санитарно-эпидемиологической обстановкой. Так, директор органа, ведущего контроль и координацию деятельности, связанной с усыновлением С. Майборода констатировала, что изменение отношения граждан к возможности усыновить ребёнка меняется весьма медленно. В результате из 1163 детей для которых по имеющимся основаниям возможно усыновление, данная процедура была осуществлена лишь в отношении 45. В то же время, в нашей стране существуют семьи, рассматривающие перспективу коллективного усыновления несовершеннолетних граждан Республики [9].

Усыновление (удочерение) возможно двумя путями. Во-первых, это правовая фиксация уже сложившихся отношений, когда усыновителем (удочерителем) становится отчим или мачеха ребёнка. Согласно существующей статистике, именно этот путь является на сегодня преобладающим [6]. Во-вторых, это принятие ребёнка в семью лицами, не состоящими с ним в родстве ни по крови, ни по закону.

Второй вариант может включать трансграничное усыновление (удочерение). В данном случае правовые нормы, регулирующие его осуществление, чаще всего, имеют коллизионный характер. Процедура проведения усыновления (удочерения) приобретает бесспорный характер в случае соответствия семейно-брачному законодательству как страны происхождения ребёнка, так и государства, куда он попадёт на постоянное жительство. При этом могут быть затронуты интересы достаточно широкого круга лиц – самого ребёнка, его биологических родителей и приёмной семьи.

Такая ситуация представляет научную и практическую проблему, находящуюся в поле зрения правоведов, социологов и психологов. С юридической точки зрения на первый план выходит коллизионная

составляющая проблемы, рассматриваемая в рамках международного частного права.

Существующая практика международно-правового регулирования вопросов усыновления (удочерения) опирается на нормы Конвенции о правах ребёнка 1989 г., принятой под эгидой ООН [3] и Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. [1], которая на постсоветском пространстве ратифицирована только государствами Балтии и Казахстаном. Первая устанавливает принцип равноправия, провозглашая, что усыновлённый приобретает за границей те же права, что и урождённые дети, вторая требует наделить ребёнка всем объёмом прав страны происхождения. В соответствии с законодательством РФ, например, действует правило, что усыновление и его отмена осуществляются только по праву страны усыновителя. Эта норма распространяется и на вопросы, касающиеся тайны усыновления [5, с. 46].

Весьма интересным представляется опыт Франции, семейно-брачное законодательство которой различает полное и частичное усыновление. При первом усыновлённый теряет всякую юридическую связь с биологическими родителями и считается ребёнком усыновителя, а при втором правовая связь сохраняется [2, с. 211].

Заключение. Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Усыновление (удочерение) представляет правоотношение, которое может испытывать отягощение иностранным элементом и в этом случае его необходимо урегулировать с помощью коллизионных юридических норм. Несмотря на древность института усыновления (удочерения), его правовое регулирование остаётся несовершенным с точки зрения охраны моральных прав участников.

Таким образом, усыновление (удочерение) представляет для ДНР один из способов решения важной социальной проблемы сиротства и безнадзорности детей. Однако правовой механизм применения инструментов усыновления нуждается в совершенствовании и учёта опыта регулирования стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. По мнению автора, наиболее целесообразно развивать и стимулировать усыновление внутри Республики, по мере возможности, избегая трансграничного усыновления.

Список литературы

1. Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. Гаага, 29 мая 1993 г. // Компьютерная справочная правовая система «Гарант» – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2556181/> – Дата обращения: 02.09.2020.
2. Катионова А. О., Лукьянов Н. Е. Законодательство стран в области усыновления: опыт сравнительно-правового анализа. // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 208-214.

3. Конвенция о правах ребёнка 1989 г. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml Дата обращения: 06.09.2020.
4. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: Учебник / Под ред. Д. В. Дождёва. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 400 с.
5. Тринченко К. О. Трансграничное усыновление: тайна усыновления или право на индивидуальность? // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 42-54.
6. Уханов Ю. Д. Понятие и значение усыновления (удочерения) детей в законодательстве Российской Федерации.[Электронный ресурс]. // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. – 2018. – Т. 6, №3 (23). – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> Дата обращения: 06.09.2020.
7. Цветков В. А. Усыновление: актуальные проблемы теории и практики. // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – №3. – С. 150-153.
8. Шерстнёва Н. С. Юридическая природа усыновления и его направленность на обеспечение приоритета семейного воспитания детей. // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – №1. – С. 128-136.
9. Светлана Майборода рассказала о ситуации по усыновлению детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, в Донецкой Народной Республике. [Электронный ресурс]. // Государственная служба по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики. Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml Дата обращения: 20.09.2020.

УДК 347.65/.68

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц., *Загуменный К. И.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kosach@donnu.ru, zagumenny2011@mail.ru

Введение. На сегодняшний день, наследственное право находится в состоянии постоянного совершенствования и развития. Особый интерес в рамках преобразований данной подотрасли гражданского права вызывает институт совместного завещания супругов.

Цель – гражданско-правовая характеристика и исследование основных положений совместного завещания супругов, проведение анализа норм зарубежного законодательства относительно наличия и регулирования изучаемого института, формулирование основных достоинств и недостатков совместного завещания супругов.

Основная часть. Актуальность исследования данного института заключается в том, что 1 июля 2020 года вступил в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, положения которого в части

совместного завещания супругов практически полностью дублируют положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), поэтому результаты изучения совместного завещания супругов в контексте российской правовой науки вполне применимы и к Донецкой Народной Республике.

Появление такой новеллы, как совместное завещание супругов влечет за собой изменение правил наследования гражданами имущества наследодателя, а также расширяет круг возможностей по распоряжению имуществом в случае смерти. [1, с. 41-45].

Исчерпывающий перечень условий, составляющих содержание совместного завещания супругов содержится в ч. 4 ст. 1247 ГК ДНР: «В совместном завещании супругов они вправе по обоюдному усмотрению определить следующие последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно: завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам; любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной массе; определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц; лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения; включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения...» [2].

Трудно не согласиться с мнением Мовсуми Р. С. о том, что ключевыми условиями составления совместного завещания является:

- наличие официально зарегистрированного брака;
- достижение договоренностей супругами по распоряжению их имуществом на случай смерти;
- в случае совершения каким-либо из супругов последующего завещания, совместное становится недействительным [3, с. 136].

Законодателем установлено, что каждому из супругов предоставлено право в любое время совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов.

Очевидно, что только длительная практика покажет востребованность составления совместного завещания супругов и полноту его законодательной урегулированности, однако уже сейчас следует согласиться с определенными плюсами нормативного закрепления данного института. По мнению Вагановой О., достоинством совместного завещания является возможность заранее определить судьбу личного и общего имущества супругов на случай смерти одного или одновременно обоих супругов.

С другой стороны, очевидно, что достижение общего волеизъявления, особенно касающегося судьбы имущества и тем более

назначения наследников – достаточно сложная задача. Совпадение общих взглядов у супругов по этим позициям не всегда возможно [4, с. 124-126].

Следует отметить, что помимо достоинств данного института, в научных кругах возникает достаточно много вопросов относительно совместного завещания супругов.

К недостаткам также часто относят риск оспаривания совместного завещания по общим правилам недействительной сделки наследниками, не указанными в нем.

Немаловажной проблемой при совместном завещании супругов, является сохранение тайны завещания после смерти одного из супругов. При наступлении такого события, нотариус, вправе разглашать только те сведения, которые касаются его последствий. Однако, на практике, происходит иначе. В случаях, когда определенные лица лишены наследства, нотариусы знакомят наследников с завещанием, поскольку, они вправе оспорить данное завещание и им необходимо знать, на чём при реализации этого права основываться. Очевидно, возникает вопрос, как, не нарушив тайну завещания в отношении второго супруга, передать такое завещание в суд при его оспаривании.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что изучив доктринальные источники, проанализировав мнения ученых мы можем прийти к выводу, что с одной стороны внедрение в гражданское законодательство положений, предоставляющих лицам, состоящим в зарегистрированном браке, самостоятельно решать вопрос о переходе прав на имущество в случае смерти каждого из супругов, является необходимым. С другой стороны, в отношении совместного завещания продолжает вестись дискуссия, поскольку на сегодняшний день как у ученых-юристов, так и практиков возникают проблемы при составлении и исполнении данного завещания.

Список литературы

1. Барков Р. А., Блинков О. Е. Формальная действительность завещания как акта реализации активной завещательной правосубъектности (сравнительно-правовой аспект) // Наследственное право. – М.: Юрист, 2013. – № 3. – С. 44-45.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Дата обращения: 10.10.2020
3. Мовсуми С. Р. К вопросу о совместном завещании супругов / С. Р. Мовсуми // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. – 2019. – С. 135-138.
4. Шевчук С. С. Институт совместного завещания супругов: за и против / С. С. Шевчук, А. Ф. Быкодорова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №2(170). – С. 124-126.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Котляр А. В., Скиданова А. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

axa_anna@mail.ru

Введение. Начиная вопрос рассмотрение функций общественных объединений, необходимо обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова в котором под функциями рассматривают «...обязанность, круг деятельности» [1].

Функция является основой, из которой вытекают полномочия, формы и методы деятельности субъекта. Рассматривая общее понятие функций, можно дать определение функций общественных объединений как главных направлений и видов деятельности общественного объединения, характеризующие его сущность и социальное назначение и обусловленные уставными задачами и целями организации. Функции общественных объединений являются основой, из которой вытекают формы и методы их деятельности.

Основная часть. Важным моментом в исследовании функций общественных объединений выступает вопрос о природе функций. При изучении данного вопроса следует исходить из того, что общественное объединение является социальным институтом. Функции, обусловленные юридической природой общественных объединений, их местом в системе общественного строя, задачами и целями, на достижение которых направлена их деятельность. Исходя из этого, следует, что функции общественных объединений имеют негосударственную природу. Так, Ц. А. Ямпольская, считала наличие функций общественных объединений и их соотношение сердцевиной понятия общественной организации, и в то же время ее отличительной чертой [2].

Общественные объединения, выступая институтом самоорганизации граждан на основе общих интересов, выполняют две главные функции: они выступают основой структурирования гражданского общества, являются фактором политической социализации.

Также к числу основных, общих для всех общественных организаций и объединений следует отнести функции:

- 1) Выявление и удовлетворение интересов и потребностей членов объединения;
- 2) Функция социальной интеграции и мобилизации;
- 3) Функция социализации;
- 4) Репрезентативная функция.

Однако следует сказать, что в определенных случаях при предоставлении общественным организациям внешневластных полномочий осуществляемые ими функции сохраняют государственный характер. Это можно сказать о деятельности такого объединения как профессиональный союз в вопросах охраны труда и социального страхования.

Сегодня одним из важнейших вопросов, возникающих в процессе исследования функций общественных объединений, является вопрос об их классификации. Сложность классификации связана с разнообразием сфер деятельности общественных объединений, с особенностями форм и методов реализации их функций [3]. Понятно, что при огромном разнообразии общественных объединений и их достаточно трудно определить единый критерий для универсальной классификации.

Следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев критериями классификации функций должны выступать элементы деятельности общественных объединений, а именно: направленность деятельности, участники объединения, способы деятельности.

Классифицировать функции общественных объединений необходимо с направленности деятельности (лоббирование интересов своих участников), сферам жизни, в которых осуществляется деятельность соответствующего объединения: социальные, культурные, экологические, экономические и др. функции.

По участникам, на защиту прав и интересов которых направлена деятельность данного объединения, функции можно разделить на функции молодежных, детских, спортивных, потребительских объединений и др.

Еще одним критерием классификации функции является совокупность способов, методов деятельности, которая ведется общественным объединением. К таким функциям относятся правоохранительные, организационные, финансовые, информационные, нормотворческие функции.

Заключение. Для эффективного функционирования системы общественных объединений необходима реализация всего комплекса их основных функций, которые взаимосвязаны между собой и составляют единую целостную систему.

Анализируя проблемы практической реализации функции общественных объединений, следует указать на недостаточность закрепления данного вопроса на нормативно-правовом уровне.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997. — 944 с.
2. Общественные организации в политической системе: Аспекты взаимодействия с партией, гос. органами, труд. коллективами / [Ц. А. Ямпольская, Ж. Колев, К. Шульце и др.]; Отв. ред. и авт. предисл. Ц. А. Ямпольская. — М.: Наука, 1984. — 272 с.

3. Вашук О. М. Конституційно-правовий статус громадських організацій України: Автореферат дисертації на здобуття вченого ступеня канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. М. Вашук ; НАН України, Ін-т д-ви і права ім. В. М. Корецького. – Київ, 2004. – 17 с.

УДК 347.172

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА БЕЗВЕСТНОГО ОТСУТСТВИЯ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Левченко И. А.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
admsud19@mail.ru

Введение. Принятие и вступление в законную силу Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики ознаменовало начало новой правовой эпохи в истории отечественной цивилистики.

Цель. В связи с введением Гражданским кодексом Донецкой Народной Республики ряда новелл в отношении практической реализации института безвестного отсутствия, а также необходимостью дальнейшего совершенствования норм гражданского законодательства, целью данного научного исследования является проведение анализа исторических особенностей формирования нормативно-правового регулирования института безвестного отсутствия в советском гражданском праве.

Основная часть. Советский период формирования института безвестного отсутствия интересен, в первую очередь, тем, что впервые в истории отечественной цивилистики произошло мощное нормативно-правового регулирования мощное нормативно-правового регулирования правовой процедуры, определения условий и правового статуса как лиц, пропавших без вести, так и иных лиц, интересы и права которых находятся в круге взаимодействия физическим лицом, пропавшим без вести.

Как отмечает Цыбизова Н. А. в научной работе «Безвестное отсутствие и акты гражданского состояния» уже в начальных этапах строительства советского государства, советское право наделяет факт безвестного отсутствия фактором важности в жизни граждан и устанавливает условия и порядок регистрации данного события государством.

Также, как указывают советские цивилисты, внедрение в правовое поле института государственной регистрации актов гражданского состояния, в частности, факта объявления физического лица умершим, позволило в полной мере отделить церковь от процедуры регистрации юридических фактов в жизни граждан [1].

В результате развития системы исполнительных органов советской власти формируется отдельная новая структура – отдел записей браков и рождений регистрирующая данные акты гражданского состояния.

Отдельным вопросом, связанным с созданием и фактическим функционированием новосозданных отделов записей актов гражданского состояния являлся вопрос соединения старой системы делопроизводства и новых правовых запросов государства.

Как указывает Павлов А. С. уже в начале 20-х годов 20 столетия становится очевидным, что новая реформа делопроизводства в части регистрации актов гражданского состояния невозможно провести быстро и требует разработки определенных механизмов для подготовки и передачи уже созданных ранее документов в данной сфере. Так, причты храмов в течение определенного времени передавали документы и наравне с органами Загсов регистрировали акты гражданского состояния (в которых отсутствовали книги о регистрации безвестно отсутствующих), а так же выдавали повторные документы. Затем архивы метрических книг были, почти полностью переданы на хранения отделам ЗАГС [2].

Первым нормативно-правовым актом в сфере регистрации актов гражданского состояния на территории Советского Союза стал Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [3]. В указанном кодексе, в частности, устанавливалось, местные отделы записей актов гражданского состояния реализуют ведение таких реестров в виде книги записей рождений; книги записей смертей; книги записей отсутствующих; книги записей браков; книги записей разводов; книги заявлений о происхождении зачатых детей; книги записей лиц, изменивших фамилии и прозвища, и алфавит к ней.

В последствии законодательным органом власти на территории Советского Союза в довоенный период были приняты следующие нормативно – правовые акты, устанавливающие порядок и механизм регистрации актов гражданского состояния, в том числе и факта безвестного отсутствия: Кодекс о браке, семье и опеке, Постановление «О введении в действие Положения о Государственном нотариате». Примечательно, что согласно норм Постановления «О введении в действие Положения о Государственном нотариате», указывалось, что к предметам ведения нотариальных органов относится: выдача свидетельств о признании гражданина безвестно отсутствующим и безвестно отсутствующего умершим.

Отдельным этапом в формировании института безвестного отсутствия стало время Великой Отечественной Войны. Как отмечает ряд авторов, в частности, Цыбизовой Н. А., Шайдулиной А. Н., в силу того, что в военное время пропавшему советскому человеку презюмировалось отступление от общепринятых правил, что влекло наступление наказания и по сей день такое положение сохранилось и современном обществе без

учета анализа возможных условий добросовестности безвестно отсутствующего гражданина [1, 4]. Следовательно, на наш взгляд, вопрос добросовестности безвестно отсутствующего физического лица из числа военнослужащих на территории ДНР также является актуальным для исследования.

Анализируя аспекты исторического становления института безвестного отсутствия в период существования Советского Союза, были исследованы важнейшие нормативно-правовые акты, оказавшие значительное влияние на формирование указанного правового института. В базу исследования вошли такие нормативно-правовые акты как Указ от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов», Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по упорядочению регистрации актов гражданского состояния» от 8 января 1946 г., Постановление Совет Министров РСФСР «Об организации руководства Загсами» № 524 от 07.06.1957 г., Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния, Кодекс о браке и семье РСФСР от 1969 года, а также Гражданский кодекс УССР.

Заключение. В отечественной цивилистике на протяжении более шестидесяти лет наблюдается достаточно неактивный интерес правоведов в отношении исследования и дальнейшего развития института безвестного отсутствия. Так, на современном этапе развития гражданского права как РФ, Украины, так и ДНР законодатель не относит безвестного отсутствия к таким отдельным юридическим фактам, которые обязательно отражаются в актах гражданского состояния.

При этом, поскольку для ДНР по прежнему актуальным является разрешение ситуации правовой неопределенности тех лиц, с которыми у пропавших без вести были трудовые, семейные, гражданские правоотношения, считаем необходимым внести предложение о проведении дополнительных научных исследований данного гражданского института для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан.

Список литературы

1. Цыбизова Н. А. Безвестное отсутствие и акты гражданского состояния // сайт Киберленинка – [Электронный ресурс] – режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/bezvestnoe-otsutstvie-i-akty-grazhdanskogo-sostoyaniya>, дата обращения – 05.09.2020
2. Шайдулина А. Н. Некоторые проблемы правового регулирования института безвестного отсутствия в российском праве // сайт Киберленинка – [Электронный ресурс] – режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravogo-regulirovaniya-instituta-bezvestnogo-otsutstviya-v-rossiyskom-prave>, дата обращения – 05.09.2020.
3. Павлов А. С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с. (Мир культуры, истории и философии).

4. Ластовка В. А. О презумпциях при неизвестном отсутствии // сайт Киберленинка – [Электронный ресурс] – режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prezumpciyah-pri-bezvestnom-otsutstvii>, дата обращения – 05.09.2020

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ»

*Меживой А. В.*¹, канд. юрид. наук,
*Железняк В. Ю.*², канд. экон. наук, доц.

¹ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР,

²Министерство юстиции Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР
aleksejmez@yandex.ru, zheleznyak_valeriya2017@mail.ru

Введение. Право собственности, являясь важнейшим институтом гражданского права в условиях любой общественно-экономической формации, все еще остается понятием, вокруг которого постоянно ведутся научные споры. Несмотря на многовековую историю изучения право собственности как правовая категория во многих странах не имеет легального определения: в основных актах гражданского права содержится только указание на содержание права собственности, но не закрепляется его наполнение.

Отсутствует и единый доктринальный подход к проблеме дефиниции права собственности: теоретиками и практиками на данный момент предложено множество определений данного понятия, начиная от самых кратких до пространно емких. При этом в научных публикациях представлены определения, рассматривающие право собственности как с позиций правовой науки, так и с позиций экономической науки, интерпретирующей правовое отношение собственности как форму экономического отношения собственности. Многообразие мнений относительно содержательного наполнения понятия права собственности в современной цивилистике обусловило необходимость краткого обзора существующих научных подходов к решению данной проблемы.

Основная часть. На данный момент представляется возможным выделить две доминирующие научные парадигмы права собственности [1], первая из которых сформировалась в романо-германской правовой семье и рассматривает консолидированное (централизованное) право собственности, которое формируется через понятие, данное в кодифицированном источнике; вторая сформировалась в англо-саксонской правовой семье и рассматривает право собственности как комплекс прав на имущество (диссеминированное право собственности).

Для романо-германской правовой семьи характерно рассматривать право собственности посредством сведения его к правомочиям, среди которых преобладает следующая триада: владение, пользование и распоряжение. Вышеуказанная триада правомочий предусмотрена и частью 1 статьи 268 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики [2]. Следует также отметить, что страны, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье, можно также подразделить на два вида: страны, гражданское законодательство которых содержит понятие права собственности (напр., Республика Венесуэла, Латвийская Республика, Австрийская Республика) и страны, гражданское законодательство которых содержит только указание на содержание права собственности (напр., Российская Федерация, Донецкая Народная Республика).

В российской науке Феоктистовым А. В., Лысенко И. М. и Шишовой М. Н. [3] выделяется три подхода к структурному содержанию права собственности. Согласно первому подходу право собственности раскрывается через призму общепризнанной триады правомочий (Толстой Ю. К., Сергеев А. П., Алексеев С. С.); согласно второму вышеуказанную триаду необходимо дополнить, изменить (Аксененок Г. А., Венедиктов А. В.); согласно третьему – данную дефиницию следует раскрывать через призму субправомочий собственника (Белов В. А., Крашеннинников Е. А.).

Среди научных работ, посвященных господствующим в англосаксонской юриспруденции подходам к содержанию права собственности, особо следует отметить исследование Шабаса В. И. [4], в котором автор провел анализ данной проблемы через призму исторического становления соответствующего гражданско-правового института. Отправной точкой своего исследования Шабас В. И. выбрал 60-е гг. XVIII в., когда вышел в свет фундаментальный труд У. Блэкстоуна, в понимании которого право собственности носило вещный характер и понималось как «единоличное и деспотическое господство, которого лицо может требовать и которое может осуществлять в отношении объектов внешнего мира, целиком и полностью исключая права всех других лиц» [4]. Впоследствии так называемый «Блэкстоуновский монолит» Тьерри Г. разложил на элементарные права собственности, устоявшиеся комбинации которых образуют систему титулов, сохранив за конструкцией в целом вещный характер. С вещной природой права собственности в XX в. уверенно порвал Хохфельд У. Н., выдвинув революционное предположение о принципиальном тождестве прав *in rem* правам *in personam*, получившее свое продолжение в теории юридических противоположностей и юридических коррелятов, согласно которой собственность рассматривается как сеть обеспеченных государством правопритязаний и обязанностей между людьми. Таким образом, как отмечает Шабас В. И. [4], в начале XX в. были заложены аналитические основы англо-

американской традиции понимания права собственности как «связки» или «пучка прав» («bundle of rights»), являющейся на данный момент доминирующей парадигмой в США. Одной из наиболее известных разработок теории «bundle of rights» является так называемый «джентельменский набор собственника» Оноре Т., включающий 11 стандартных элементов: право владения, право пользования, право на управление, право на доход, право на капитал, право на защиту, способность к передаче, отсутствие срока, обязанность предотвращать вред, претерпевание обращению взыскания и собственность и меньшие интересы. Логическим продолжением развития теории «bundle of rights» стал теоретический разгром собственности Грэм Т., который пришел к выводу, что в американской юриспруденции «собственность стала выражением бессвязного множества идей, «набором перемежающихся словоупотреблений» [4].

Следует также учитывать, что правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом не могут реализовываться без учета общих принципов гражданского законодательства, которые в числе прочего подразумевают, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, не допускать злоупотребления правом и не извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения (части 3, 4 статьи 1 и статья 11 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, а также статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Право собственности не может пониматься абсолютно, как ничем не ограниченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим собственнику имуществом [5].

Заключение. На данный момент существуют принципиальные различия в направлениях решения проблемы содержания понятия права собственности, определяемые системами координат правовых семей: в романо-германской правовой семье наиболее распространен подход выражения права собственности посредством «триады правомочий», в англо-саксонской семье собственность к началу XXI в. фактически выродилась в ярлык в результате имевшей место в течение прошлого века деконцептуализации.

Список литературы

1. Карпов Е. А. Философские основы собственности и парадигм права собственности / Е. А. Карпов // Сервис+. – 2020. – № 1. – С. 59-67.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su>
3. Феоктистов А. В. Актуальные проблемы института права собственности в Российской Федерации / А. В. Феоктистов, И. М. Лысенко, М. Н. Шишова // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 103-112.

4. Шабас В. И. Теоретическая модель собственности в американской юриспруденции: очерк одной метафоры / В. И. Шабас // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14, № 2. – С. 267-301.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2015 № 309-ЭС15-6673 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrff.ru/stor_pdf_ec.php?id=1380984.

УДК 338.242.4;346.5

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Меживой А. В., канд. юрид. наук, *Кизилова А. В.*

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР,
aleksejmez@mail.ru, allakizilovaalla@mail.ru

Введение. Создание оптимальных отношений между всеми участниками рынка, условий для предпринимательской деятельности, конкурентоспособной среды, единого экономического пространства, повышение уровня жизни населения – особые задачи государства и условия экономической безопасности государства. Государственное регулирование экономики и предпринимательской деятельности заключается в обеспечении баланса между интересами самого государства и стабильностью предпринимательской и экономической деятельности, и в то же время стимулированию к активности предпринимателей.

Основная часть. В научных исследованиях ученых и практиков определение понятия «государственное регулирование экономики и предпринимательской деятельности» относится к числу дискуссионных, специалисты склоняются к мнению, что эту дефиницию необходимо законодательно закрепить. Обобщение высказанных мнений позволяет выявить следующие позиции.

Так, Е. И. Ершова приводит следующее высказывание: «Государство регулирует предпринимательскую деятельность, закрепляя в законодательных актах право органов государственной власти и местного самоуправления на контроль и надзор за ее ведением» [1, с. 171]. Исследователь рассматривает государственный контроль осуществления предпринимательской деятельности как стадию (этап) государственного регулирования с целью обеспечения законности экономической деятельности.

Р. Н. Аганина и Т. А. Андропова же в своей работе относят государственный контроль к самому «критичному» компоненту, так как в этой области много проблем, предполагающих реформирование [2]. Ученые приходят к выводу, что наиболее лаконичное и содержательное

определение дано Г. Д. Отнюковой: «государственное регулирование предпринимательской деятельности – воздействие государства на нее путем принятия нормативных правовых актов, правовых актов индивидуального регулирования, организация контроля соблюдения требований законодательства предпринимателями и применение мер стимулирования ответственности к нарушителям этих требований» [2].

Т. Ф. Тимофеева и Л. Г. Зиновьева пришли к выводу о том, что государственное регулирование – это основа для развития и стабилизации предпринимательской деятельности и экономической ситуации в стране [3, с. 137].

С. Н. Шишкин и Е. И. Шишкина настаивают на такой позиции, что «созидательная позитивная направленность государственного регулирования предпринимательской деятельности невозможна без надлежащего правового обеспечения» [4, с. 97]. При этом, по их словам, совершенствование правового обеспечения должно затрагивать не только гражданское законодательство, но и другие отрасли права. К похожему выводу приходит и Н. В. Рубцова, указывая на то, что властные методы управления содержатся не только в нормах Гражданского кодекса, но и в специальных законах, а нормативное регулирование предпринимательской деятельности является важной частью правового регулирования [5, с. 127].

С. В. Игнатьева утверждает, что регулирование предпринимательской деятельности невозможно только средствами частного права, существует необходимость обеспечения оптимального сочетания частных и публичных интересов [6, с. 158]. Так, регулирование гражданско-правовыми методами создает защиту для предпринимателей только друг с другом или потребителем и не в состоянии урегулировать их защиту в отношении с государством и его органами [7, с. 43].

Е. Б. Абакумова отношения, возникающие в процессе регулирования предпринимательской деятельности, делит на две подгруппы: отношения по государственному регулированию предпринимательства и отношения, складывающиеся при осуществлении саморегулирования предпринимательской деятельности [8, с. 204]. Согласно исследованию автора государственное регулирование предпринимательства – отношения, возникающие между уполномоченными государственными органами, органами местного самоуправления и предпринимателями в целях уравнивания частных, государственных и общественных интересов [8, с. 204]. По ее мнению существуют системные взаимосвязи между правовыми предписаниями государства (нормами права) и правовым (правомерным) поведением субъектов предпринимательства.

Как видно из приведенных определений, существуют разрозненные мнения среди ученых по вопросам государственного регулирования экономики и предпринимательства, однако и законодатель не решает проблему такого упорядочения, а также отсутствует орган по регуляторной

политике в Донецкой Народной Республике. Так, экономика Донецкой Народной Республики находится под управляющим воздействием государства, а решение первоочередных задач по повышению качества жизни населения и развития предпринимательской деятельности должно опираться на четкую и понятную законодательную базу.

Заключение. Проблема большинства исследований по вопросам государственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности состоит в том, что они посвящены средствам государственного регулирования (государственный заказ, лицензирование, патентование, сертификация, стандартизация, применение нормативов и лимитов, регулирование цен и тарифов) и контролю (надзору), но при этом государство не должно забывать, как и научные круги, что государственное регулирование экономики и предпринимательской деятельности должно носить также созидательный и позитивный характер, например, выражаясь в предоставлении льгот, дотаций, компенсаций, субсидий и т.п.

Список литературы

1. Ершова И. В. Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности: законодательные и доктринальные подходы / И. В. Ершова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – №3. – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrol-za-osuschestvleniem-predprinimatelskoy-deyatelnosti-zakonodatelnye-i-doktrinalnye-podhody> (дата обращения: 25.09.2020).
2. Аганина Р. Н. Модернизация института государственного контроля предпринимательской деятельности / Р. Н. Аганина, Т. А. Андропова // Право и политика. – 2020. – №2. – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-instituta-gosudarstvennogo-kontrolya-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.09.2020).
3. Тимофеева Т. Ф. Государственное регулирование предпринимательской деятельности / Т. Ф. Тимофеева, Л. Г. Зиновьева // Вестник РУК. – 2016. – №2 (24). – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-predprinimatelskoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 25.09.2020).
4. Шишкин С. Н. О некоторых современных проблемах правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности / С. Н. Шишкин, Е. И. Шишкина // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – №1 (61). – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-sovremennyh-problemah-pravovogo-obespecheniya-gosudarstvennogo-regulirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.09.2020).
5. Рубцова Н. В. Антимонопольное регулирование как основное направление нормативного регулирования предпринимательской деятельности / Н. В. Рубцова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №8 (117). – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antimonopolnoe-regulirovanie-kak-osnovnoe-napravlenie-normativnogo-regulirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.09.2020).

6. Игнатъева С. В. К вопросу о правовом регулировании предпринимательской деятельности / С. В. Игнатъева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2014. – №1. – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-predprinimatelskoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 25.09.2020).
7. Игнатъева С. В. Концептуальные подходы к пониманию роли государства и права в регулировании предпринимательской деятельности в России / С. В. Игнатъева // Государство. Право. Экономика. Сборник научных статей. Под редакцией Г. Г. Бернацкого. Санкт-Петербург, 2020. – С. 39-47. – Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU». – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42549383> (дата обращения: 25.09.2020).
8. Абакумова Е. Б. Предметно-методологические основы правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Е. Б. Абакумова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – №5. – Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-metodologicheskie-osnovy-pravovogo-regulirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.09.2020).

УДК 347.19

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДНР

Меживой А. В., канд. юрид. наук, *Ляшенко В. В.*

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
aleksejmez@mail.ru, lyashenko_vladimir@mail.ru

Введение. Государство осуществляет регулирование хозяйственной деятельности акционерного общества (далее – АО) в двух плоскостях: в частной и в публичной. Отношения в первом направлении определяют правовой статус общества, взаимоотношения внутри общества и с другими субъектами хозяйственной деятельности. В ином направлении – это отношения между государством как регулятором общественного производства и самим АО.

Следует отметить, что акционерное законодательство не является кодифицированным и состоит из различных нормативно-правовых актов. В определенной степени это имеет объективный характер. Хотя АО, безусловно, является важным элементом системы рыночного хозяйства, но все же его элементом, а не обособленной сферой хозяйственных отношений.

Основная часть. Как субъект рыночного хозяйства АО рассматривается как субъект хозяйствования, как хозяйственное общество, как самоуправляемая система, как сторона социальных и трудовых отношений, как объект государственного регулирования и т.д. Поэтому в

практике правового регулирования нет необходимости в полной кодификации акционерного права. Развитие хозяйственных отношений может вести к систематизации законодательства об АО, примером которого является закон об акционерных обществах. В этом случае важно чтобы деятельность АО отражалась в нормативно-правовых актах, и они в совокупности регулировали все аспекты его деятельности с тем, чтобы не было противоречий и пробелов [1, с. 72].

На основе определения правового статуса АО государство определяет типы АО и порядок их создания. Закон возлагает создание общества на учредителей, которые могут быть физическими и юридическими лицами. В основе их намерений располагается договор, который не относится к учредительным документам общества. В нем определяются взаимоотношения сторон по поводу создания АО [2, с. 162]. Важность такого договора и его очевидна, поскольку согласно ст. 12 закона об акционерных обществах учредители несут солидарную ответственность по обязательствам, возникающим до государственной регистрации общества.

Закон достаточно либерально регулирует правовое положение учредителей АО, допуская значительную возможность саморегулирования отношений между учредителями. В Законе не выписаны отношения между учредителями и лицами, приобретающими статус акционеров. Если учитывать, что АО занимаются различными видами деятельности, включая финансовую, то в действиях учредителей могут присутствовать намерения, направленные на осуществление финансовых махинаций, например, связанные с созданием финансовых пирамид. Поэтому в законе об акционерных обществах отсутствуют нормы, предотвращающие действия противоправного характера при создании АО.

Нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности АО осуществляется преимущественно Гражданским кодексом ДНР, Законом Украины «Об акционерных обществах» и другими нормативно-правовыми актами. В законодательном отношении для АО важное закрепление за ним статуса хозяйственного общества, дает ему возможность осуществить весь комплекс характерных для него прав и обязанностей. Это дает возможность функционирования в общественно-правовом поле. Для практики это означает возможность создания исключительного акционерного законодательства и возможность пользования общим законодательством. Вместе с тем, особенности отдельных видов деятельности АО требуют специализированного законодательства.

АО, как хозяйственное общество, реализует себя как полноценный участник рыночного хозяйства в отношениях с другими субъектами. Закрепленные в законе право собственности и право участвовать в товарном обороте дают ему возможность строить имущественные и личные неимущественные права и обязанности, иметь обособленное имущество, входить в обязательственные отношения, принимая на себя

обязательства в результате действия других лиц и передавать права и обязанности другим лицам, нести имущественную и иную ответственность за свою деятельность [2, с. 163].

Важным элементом государственного регулирования деятельности АО являются акции. Несмотря на тесную связь акций и АО, первые являются обособленным элементом и выступают самостоятельным субъектом рынка ценных бумаг. Поскольку акции являются разновидностью ценных бумаг, то государством они регулируются в общенормативном порядке. Основными законами, регулирующими функционирование акций как ценных бумаг, является Закон Украины «О ценных бумагах и фондовом рынке» и Закон Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине».

Как указывает А. В. Меживой, значительной проблемой корпоративного права и корпоративной юридической ответственности в ДНР является неурегулированность деятельности АО. Так, согласно п. 239.1.2 ст. 239 закона ДНР от 25.12.2015 № 99-ІНС «О налоговой системе» на территории ДНР запрещена деятельность по выпуску ценных бумаг [3, с. 197]. Поскольку создание АО любого типа подразумевает выпуск и регистрацию акций, то в силу указанного запрета в ДНР открытие новых АО сейчас не представляется возможным. В то же время продолжают функционировать те АО, которые ранее были зарегистрированы по законодательству Украины, а с 2014 года прошли перерегистрацию в ДНР. По данным ЕГР все они являются обществами закрытого типа.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона ДНР от 16.03.2015 № 18-ІНС «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» предусмотрен такой вид деятельности как профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг, разрешения на осуществление которой уполномочен давать ЦРБ ДНР. Однако специальные законы, регламентирующие данный вид деятельности в ДНР, отсутствуют.

Следует отметить наличие определенных предпосылок урегулирования отдельных вопросов функционирования АО. Приказом МДС ДНР от 27.05.2016 № 152 закреплены правила написания наименования АО и его организационно правовой формы (публичное или частное). Согласно п. 2.19 данного приказа словосочетание «акционерное общество» и производные от него в своем наименовании могут использовать только те юридические лица, которые зарегистрировали в установленном порядке выпуск собственных акций и осуществляют деятельность в соответствии с законодательством. Ч. 2 ст. 15 Закона ДНР от 16.03.2015 № 14-ІНС «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» предусматривает составление акционерными обществами в ДНР финансовой (бухгалтерской) отчетности в соответствии с международными стандартами. А ч. 3 ст. 17 указанного закона устанавливаются требования относительно обнародования (опубликования) годовой финансовой отчетности АО.

Заключение. В завершение следует отметить, что вертикальные отношения по государственному регулированию АО основываются на общем и специальном законодательстве, работающем как единая система. В целом, Закон Украины «О хозяйственных обществах» и Закон Украины «Об акционерных обществах» создают рамки правовых отношений в АО. В то же время государственное регулирование АО в первую очередь должно быть направлено на создание цивилизованных отношений между участниками АО (между акционерами, между акционерами и управленческими структурами АО). Однако особенностью корпоративного права в ДНР является установленный запрет на осуществление деятельности по выпуску и обращению ценных бумаг, что парализует акционерные отношения.

Список литературы

1. Корягина Т. В. Совершенствование организационно-правовых методов государственного регулирования хозяйственной сектора / Совершенствование механизмов государственного управления и местного самоуправления / Т. В. Корягина. – Ч. 2. – М., 2000. – 208 с.
2. Тихончук Г. Нормативно-правовое регулирование акционерной формы хозяйствования // Актуальные проблемы государственного управления. – 2014. – № 2. – С. 162-165. – Текст: непосредственный.
3. Меживой А. В. Развитие корпоративного права ДНР на современном этапе / А. В. Меживой // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: матер. III междунар. науч. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 8: Юридические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 195-199.

УДК 347.13

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В ДНР

Меживой А. В., канд. юрид. наук,

Патрина З. И.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
aleksejmez@mail.ru, patrina_zinaida@mail.ru

Введение. В соответствии со ст. 27 Конституцией Донецкой Народной Республики любой гражданин имеет право заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью. Одной из самых удобных и популярных организационно-правовых форм юридических лиц в РФ и ДНР является общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Данная форма

хозяйствования стремительно «набирает обороты» и в настоящий момент занимает значительную часть существующих экономических образований.

Основная часть. Отношения, которые возникают при регистрации общества с ограниченной ответственностью (до принятия соответствующего Закона), регулируются Порядком государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей [1]. Создание общества с ограниченной ответственностью можно условно разделить на два этапа: подготовку к регистрации и саму регистрацию.

На первом этапе учредителям (учредителю) следует определиться с такими важными моментами:

1. Наименование будущего ООО. В соответствии с действующим законодательством, юридическое лицо обязано иметь свое наименование, которое должно содержать информацию об организационно-правовой форме и название. Подбор наименования юридического лица в Республике имеет ряд особенностей, содержащихся в Правилах по написанию наименования юридического лица или его обособленного подразделения, не имеющего статуса юридического лица» [2].

2. Определение местонахождения (юридического адреса) ООО. Ведомости о местонахождении ООО указываются в уставе общества, вносятся в Единый государственный реестр юридических лиц и физических лиц-предпринимателей и базы данных других органов. Юридический адрес общества с ограниченной ответственностью не обязательно должен совпадать с фактическим. При этом, выбирая местонахождение юридического лица, следует учитывать, что им может быть лишь здание или помещение, которое не относится к жилому фонду [3].

3. Назначить директора и указать его данные в регистрационных документах. Директор будет иметь право подписи документов и представительства интересов общества.

4. Подбор видов деятельности предприятия (КВЭДов).

5. Уставной капитал ООО, который, согласно украинскому законодательству должен быть оплачен не позднее года с момента регистрации. Как отмечалось выше, если основатель один – он будет владеть 100% капитала, если несколько – каждый будет иметь свою долю, пропорциональную вносу.

Решение вышеуказанных вопросов оформляются протоколом на общем собрании учредителей общества. Если учредителем выступает одно лицо, документ оформляется в форме решения. Согласно действующего законодательства одно лицо может быть единственным участником только в одном ООО. Одним учредителем ООО не может быть также юридическое лицо, основателем которого является один учредитель.

Следующим этапом является непосредственно государственная регистрация ООО для чего учредитель (учредители) или уполномоченное ими лицо подают в Департамент государственной регистрации МДС

необходимый перечень документов. Если документы будет подавать представитель, необходимо подготовить нотариальную доверенность.

Государственная регистрация юридических лиц включает в себя: проверку комплектности предоставленных документов, полноты их сведений указанных в регистрационной карточке; проверку документов на отсутствие оснований для отказа в проведении государственной регистрации; внесение сведений в Единый государственный реестр, оформление и выдачу свидетельств о государственной регистрации [4; 5].

После получения свидетельства о регистрации ООО и устава, необходимо обратиться в банковское учреждение для открытия банковского счета. С этого момента ООО может приступать к осуществлению хозяйственной деятельности. Однако, на сегодняшний день в ДНР отсутствует нормативно-правовой акт, определяющий процедуру реорганизации и ликвидации юридических лиц, и хотя многие существующие в республике юридические компании предлагают услуги прекращения деятельности хозяйственных обществ, на практике подобных случаев практически нет. Исключением стало ООО «Компания энергосервис «Виколд», относительно которой Постановлением Совета Министров ДНР от 26.09.2016 № 11-13 «О реорганизации субъектов хозяйствования» было принято решение о её присоединении к Республиканскому предприятию «Региональная энергопоставляющая компания». и ряд ликвидированных государственных предприятий [6].

Заключение. Общество с ограниченной ответственностью является одной из самых удобных и популярных организационно правовых форм юридических лиц в РФ и ДНР. Отношения, которые возникают при регистрации обществ урегулированы с помощью подзаконного нормативно-правового акта. В то же время отношения по реорганизации и ликвидации ООО не урегулированы. С учётом отсутствия законодательного урегулирования вопроса прекращения деятельности юридического лица и наличия практики, данный вопрос необходимо рассматривать теоретически, исходя из практики соседних государств.

Список литературы

1. Постановление Совета Министров ДНР № 36-10 от 29.09.2014 «Об утверждении Порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей», с последующими изменениями.
2. Правила по написанию наименования юридического лица или его обособленного подразделения, не имеющего статуса юридического лица», утв. приказом Министерства доходов и сборов ДНР от 27.05.2016 №152.
3. Приказ МДС № 193 от 26.05.2017 «Об установлении местонахождения юридического лица».
4. Приказ МДС № 194 от 27.05.2017 «Об утверждении форм в сфере государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и филиалов юридических лиц-нерезидентов».

5. Приказ МДС № 70 от 17.03.2015 «Особенности государственной регистрации налогообложения субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность на территории городов Дебальцево и Углегорск, поселков городского типа Булавино и Ольховатка города Енакиево».
6. Постановление Совета Министров ДНР от 26.09.2016 № 11-13 «О реорганизации субъектов хозяйствования».

УДК 347.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Ниякая М. П., Барина К. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
ni.mara@yandex.ru, kristina_barinova_1999@inbox.ru

Вопрос о пределах субъективного права является одним из самых трудных в юридической науке, а трудность заключается в том, что пределы права, так или иначе, ограничивают свободу человека. Учитывая то, что свобода человека заканчивается ровно там, где начинается свобода другого человека. Именно поэтому необходимо соблюдать адекватный баланс интересов при установлении пределов для субъективных прав. Отсюда следует, что субъективное право – это свобода субъекта, ограниченная конкретными пределами.

Пределы, устанавливающие рамки для конкретных субъективных прав имеют как объективный, так и субъективный характер. Объективные пределы формируются соответствующим законодательством; субъективные в свою очередь, определяются самим субъектом правоотношений [8, с. 114]. Понятие «пределы осуществления субъективного права» уточняет субъективные составляющие правоприменения, так как они определяются носителем самостоятельно, по его усмотрению, для достижения собственного интереса.

Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) в статье 11 запрещает гражданам и юридическим лицам осуществлять действия, которые совершаются «исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотреблять правом в иных формах» [2]. В пункте 5 статьи 11 ГК ДНР закреплен принцип добросовестности и разумности как основа и базис осуществления гражданских прав.

Так п. 4 ст. 12 Конституции Донецкой Народной Республики устанавливает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [1].

Для верной реализации нормы права закрепленной в ст. 11 ГК ДНР действуют принцип запрета злоупотребления субъективными гражданскими правами, в виде общего правового ограничения, имеющего императивную форму. Запрет на злоупотребление правом как отраслевой принцип гражданского права вытекает из принципа юридического равенства участников гражданских правоотношений и принципа добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей. Таким образом, злоупотребление субъективным правом является не правонарушением, а особым видом правового поведения, правовыми последствиями которого выступают санкции, которые не предполагают дополнительных обременений для участника отношений, злоупотребившего правом, однако стимулирующие восстановление существующего до злоупотребления положения [3, с. 23].

Не смотря на то, что зачастую участники гражданских правоотношений реализуют свои права свободно, посредством волеизъявления, заключаю договоры и другие юридические сделки, есть случаи, когда возникают обстоятельства юридического и фактического характера, которые препятствуют самостоятельной реализации субъективных гражданских прав. Обстоятельства юридического характера – отсутствие дееспособности (в силу несовершеннолетия или вступившего в силу решения суда). Обстоятельства фактического характера – болезнь, отдаленность места жительства, юридическая неграмотность, и др. [6, с. 84]. Уменьшение объема материального содержания субъективного права, происходит, как по воле правообладателя (договорное право), так и в случаях вмешательства государства в частные дела. Субъективное право ограничивается путем установления допустимых пределов, а также при наличии определенных обстоятельств [4, с. 116]. Любое неограниченное проявление свободы, грозит риском возникновения произвола и хаоса.

Осуществляя субъективные права как добросовестно, так и злоупотребляя ими, лицо может затрагивать права других лиц, поэтому стоит руководствоваться такими критериями, как: намерение лица, умышленность в действиях, преследуемые цели и личный интерес. Задача состоит в разумном распределении бремени неблагоприятных издержек от осуществления права между субъектом и третьими лицами.

Конкретизируя суть ограничения субъективных гражданских прав, следует опираться на следующие аспекты:

1. Цель установления ограничений – интерпретация принципа справедливости, должна быть направлена на поиск компромисса между интересами общества и правообладателя.

2. Способы установления ограничений. Ограничения устанавливаются законодателем при помощи правовых механизмов: запретов, дозволений и позитивных обязываний.

3. Форма установления ограничений, которая определяется законодателем, и базируется на том, что ограничения субъективных прав могут вводиться только законами либо актами уполномоченных на то органов власти.

4. Основания установления ограничений. Ограничения субъективных прав должны ссылаться на статью закона, а также иметь основания, поскольку они по своей сути являются умалением свободы.

5. Результат установления ограничений должен выражаться в равнозначном уменьшении объема содержания субъективного права по сравнению с субъективным правом на идентичный объект между всеми субъектами права [7, с. 25].

Ограничение как предел субъективного гражданского права, рассчитано на корректировку поведения субъекта, его целью не является вытеснение какого-либо общественного отношения из сферы гражданско-правового регулирования. Ограничены, могут быть не только вещные права (прежде всего, право собственности), но и обязательственные и исключительные права [5, с. 31].

Границы, установленные нормами права, а также положениями договора, относятся к границам правовым. Ценностные ориентиры общества являются границами не правовыми. Право может и должно закреплять общественные ценности, хоть эти ценности и не зарождаются путем издания нормативного акта. Однако это даст положительный результат для правотворческой деятельности, которая, должна основываться на аксиологии, если она развивается с целью создания благоприятного обществу «живого» права.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 06.03.2020: [принята постановлением № 1-1 от 14 мая 2014 года]. – Донецк, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения 01.11.2018)
2. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики: текст с изм. и доп. Вступ. в силу с 24.09.2020: [принят постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 года]: одобрен Главой Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>(дата обращения 06.09.2020)
3. Камышанский В. П. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное (вопросы соотношения) / В. П. Камышанский, Н. Ю. Ветер // Власть закона. – 2013. – № 4. – С. 23.
4. Ломидзе О. Г. О правовой природе ограничения права собственности иным субъективным гражданским правом / О. Г. Ломидзе // Вестник ВАС РФ. – 2003. – № 12. – С. 116.
5. Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву / И. Б. Новицкий // В 2 т. Т. 1. – 2006. – С. 31.

6. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О. А. Портникова. – 2007. – С. 84.
7. Пчелинцев С. В. О понятиях «Пределы осуществления прав и свобод граждан» и «Пределы ограничения прав и свобод граждан»: теоретические аспекты / С. В. Пчелинцев. – 2006. – № 4. С. 25.
8. Сорокин В. Д. Указ. соч. Вестник ВГУ / В. Д. Сорокин // Серия: Право. – 2016. – С. 114.

УДК 347.73:351.82

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., *Рыбак И. В.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
irina_podmarkowa@list.ru

Введение. Донецкая область, находясь в составе Украины, обладала мощным экспортным потенциалом, часть которого, даже несмотря на значительное сокращение объемов производства практически во всех отраслях экономики, сохранилась и в Донецкой Народной Республике (ДНР). Внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) выступает одним из основополагающих условий выживания и восстановления экономики молодого государства. Однако разработка собственных законов и нормативно-правовых актов в сфере ВЭД в Республике существенно отстает по сравнению с правовым обеспечением ряда других сфер хозяйствования: финансовой, бюджетной, налоговой, торговой и др., что обуславливает необходимость в более ускоренном развитии, систематизации и совершенствовании института правового регулирования ВЭД.

Основная часть. В условиях глобализации международных экономических связей отдельно взятые государства не обладают абсолютной самостоятельностью в отношении своей как внешней, так и внутренней экономической политики. Тем не менее, в рамках государственного регулирования экономики, в том числе такой ее составляющей, как ВЭД, определенные меры государственного воздействия, такие, как таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, налоговое регулирование, валютное регулирование и валютный контроль, регулирование инвестиционной деятельности, регулирование и контроль экспортно-импортных операций и др., могут быть как достаточно

эффективными, так и, напротив, при их недостаточной продуманности и согласованности, оказывать негативное воздействие на экономику.

Под государственным регулированием ВЭД хозяйствующих субъектов, по определению А. В. Лаптевой, следует понимать внутреннюю функцию государства, выраженную в применении компетентными государственными органами правовых мер организационного и экономического воздействия, обеспечивающуюся контрольными полномочиями регулирующих органов, направленными на недопущение нарушения интересов государства и общества [1]. Соответствующие правовые меры находят свое закрепление в законах и иных нормативно-правовых актах государства.

Как показывает опыт развития правового регулирования ВЭД в Российской Федерации (РФ) и в Украине, в этих государствах указанный правовой институт является комплексным, содержащим механизмы частноправового и публично-правового воздействия. В РФ он относится преимущественно к отрасли предпринимательского права, в Украине – хозяйственного. В то же время хозяйственное законодательство Украины является кодифицированным, а предпринимательское законодательство РФ – нет. В обоих государствах принят целый ряд законов в сфере ВЭД (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика правового обеспечения ВЭД в РФ, Украине и ДНР

Сфера регулирования	Российская Федерация	Украина	ДНР
Общее регулирование ВЭД, легитимация субъектов ВЭД	ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ	Хозяйственный кодекс Украины, раздел VII Закон Украины (ЗУ) «О внешнеэкономической деятельности» от 16.04.1009 г. № 959-ХП	Временное положение о порядке аккредитации субъектов ВЭД и регистрации внешнеэкономических договоров (контрактов)... [2]
Таможенно-тарифное и нетарифное регулирование	Таможенный кодекс «О таможенном тарифе» от 21.05.93г. № 5003-1 «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» от 08.12.2003 г. № 165-ФЗ;	Таможенный кодекс Украины от 13.03.2012 г. № 4495-VI ЗУ «О таможенном тарифе Украины» от 04.06.2020 г. № 674-IX	Временное положение о Едином таможенном тарифе от 16.10.2015 № 19-29; Закон ДНР «О таможенном регулировании в ДНР» от 25.03.2016 г. № 116

Регулирование экспорта и импорта	«Об экспортном контроле» от 18.07.99 г. № 183-ФЗ		НПА МДС ДНР
Валютное регулирование и валютный контроль	«О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.03 г. № 173-ФЗ;	ЗУ «О валюте и валютных операциях» 21.06.2018 г. № 2473-VIII	НПА ЦРБ ДНР
Регулирование инвестиционной деятельности	«Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.99 г. № 39-ФЗ; «Об иностранных инвестициях в РФ от 09.07.99 г. № 160-ФЗ	ЗУ «О режиме иностранного инвестирования» от 19.03.1996 г. № 93/96-ВР	–

Как видно из табл. 1, в ДНР правовое регулирование ВЭД на законодательном уровне обеспечено только в области таможенно-тарифного регулирования, все остальные сферы в той или иной мере урегулированы подзаконными актами, прежде всего актами МДС ДНР и ЦРБ ДНР. Существенным недостатком законодательства ДНР в сфере ВЭД представляется отсутствие общего концептуального регулирования ВЭД, поскольку до сих пор ни в одном нормативно-правовом акте не определены принципы правового регулирования ВЭД, цели государственного регулирования ВЭД, виды ВЭД, органы государственного регулирования ВЭД и многие другие основные положения. Во Временном положении о порядке аккредитации субъектов ВЭД и регистрации внешнеэкономических договоров (контрактов) субъектов ВЭД ДНР, являющимся подзаконным актом, дается определение ВЭД, указывается круг ее субъектов и определен порядок легитимации субъектов ВЭД, включающий две обязательные процедуры: их аккредитацию и регистрацию заключенных ими внешнеэкономических договоров (контрактов) [2].

Границы государственного регулирования ВЭД, как справедливо отмечают А. В. Корнеева и Г. У. Корнеев, определяются, с одной стороны, потребностью в расширении национального экспорта и в развитии форм международной кооперации, а с другой – правилами международных организаций и условиями межгосударственных соглашений [3, с. 26]. Несмотря на то, что ДНР не является признанной на международном уровне, субъекты ВЭД ДНР в своей деятельности придерживаются норм международного экономического, в том числе торгового права.

Заключение. Учитывая важность ВЭД и ее должного правового обеспечения для развития экономики ДНР, считаем целесообразным разработку и принятие в ближайшее время законов ДНР «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «Об экспортном контроле», «О валютном регулировании и валютном контроле».

Список литературы

1. Лаптева А. В. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов: по законодательству Российской Федерации и Украины: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Лаптева Алина Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. – Москва, 2010. – 157 с.
2. Временное положение о порядке аккредитации субъектов внешнеэкономической деятельности и регистрации внешнеэкономических договоров (контрактов) субъектов внешнеэкономической деятельности ДНР: Утверждено Приказом МДС ДНР от 14.05.2015 г. № 154 и Постановлением Правления Центрального Республиканского Банка ДНР от 14.05.2015 г. № 3 (в редакции приказа МДС ДНР от 19.10.2015 г. № 370). – URL: <http://mdsdnr.ru/normativnye-dokumenty/14-normativnye-dokumenty/378-vremennoe-polozhenie-o-poryadke-akkreditatsii-sub-ektov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-i-registratsii-vneshneekonomicheskikh-dogovorov-kontraktov-sub-ektov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-donetskoj-narodnoj-respubliki-novaya-redaktsiya>.
3. Корнеева А. В., Корнеев Г. У. Регулирование ВЭД в Российской Федерации: структурирование системы // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2019. – № 2 (79). – С. 24-35. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39239741_51126992.pdf.

УДК 347.633

О ПРАВЕ РОДИТЕЛЕЙ НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Ревунова А. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.revunova@donnu.ru

Введение. Основное оправдание детской недееспособности заключается в том, что у детей отсутствует «разум», чтобы принимать ключевые решения или должным образом заботиться о себе. Считается, что из этого следует, что компетентные взрослые должны заботиться о детях и принимать важные решения за них. Часто считается само собой разумеющимся, что, поскольку дети нуждаются в заботе со стороны взрослых, статус-кво родительских полномочий является действенным средством, позволяющим родителям обеспечивать такую заботу. Это служит основой родительской власти над детьми.

Основная часть. Оценивая объем законных прав родителей, мы не должны просто учитывать, как идеальные родители реализуют свою власть, чтобы обеспечить эффективный уход и руководство, в которых нуждаются дети. Необходимо принимать во внимание то, что закон позволяет несовершеннолетним родителям делать со своими детьми. Вопрос не только в том, какую роль, как мы надеемся, родители играют в жизни своих детей, но и в том, как полномочия, фактически предоставленные родителям, могут быть использованы и злоупотреблены в лучшую или худшую сторону. Думать только о том, как ведут себя лучшие родители, – ошибка; также необходимо учитывать то, что может сойти с рук худшим родителям.

Родители автоматически получают опеку над своими детьми при рождении, а вместе с ними и законное право принимать почти все важные и второстепенные решения за своих детей. Широко распространено мнение, что это правовое устройство основано на «естественных правах» родителей. Суды установили, что «это общепринято, что родители являются естественными опекунами своих детей с юридическим, а также моральным обязательством по поддержке воспитывать и заботиться о развитии и благополучии своих детей» [1].

Верховный суд установил, что существует «частная сфера семейной жизни, которую государство не может войти». Говорят, что родители «имеют преимущественное право воспитывать своих детей в соответствии с велениями своей совести». Решения, которые разрешено принимать родителям, варьируются от самых серьезных до самых личных. У родителей есть законные власть контролировать и направлять своих детей в целом. Родители могут определять курс обучения своего ребенка. Родители могут решить, где живет их ребенок, будь то с родителем или с предпочтительным другом родителя, родственником или даже с учреждением. Родитель в Соединенных Штатах может, например, отправить своего ребенка в психиатрическую больницу против воли ребенка в рамках «добровольного заключения» в обход прав на надлежащую правовую процедуру, предоставляемых в ходе судебных разбирательств по принудительному гражданскому обязательству. Совсем недавно родители воспользовались индустрией учебных лагерей для «проблемных подростков», где компании часто буквально похищают подростков вынудить их покинуть их комнаты ночью и заключить их в нечеловеческие условия, пока их родители не решат их освободить или им не исполнится восемнадцать. Родители также имеют широкие юридические права требовать от своих детей участия в их религиозных обрядах и прививают им их предпочтительные религиозные убеждения. Родители имеют право принимать личные повседневные решения для своих детей, например, кого посещают их дети, с какими идеями они

сталкиваются, что они едят, с кем им разрешено общаться и дружить, когда они ложатся спать и встают утром, что им разрешено носить, какие фильмы и литературу им разрешено смотреть и читать.

Права родителей, описываемые как правовой статус опеки, резюмируются в американской юриспруденции следующим образом: опека включает в себя совокупность родительских прав в отношении воспитания ребенка, включая его заботу. Оно включает право на услуги и заработок ребенка, а также право руководить его деятельностью и принимать решения, касающиеся ухода за ним и контроля, образования, здоровья и религии. Эти решения и полномочия не обязательно должны приниматься в соответствии с каким-либо набором философски оправданных принципов, правил или взглядов [3].

Хотя существует множество теорий относительно того, как следует использовать родительскую власть, родители не обязаны следовать ни одной из них. Даже если родительская власть считается справедливой, когда решения принимаются в соответствии с принципами либеральной справедливости или с целью максимизировать способность ребенка развиваться в самостоятельную личность, или в соответствии с текущими медицинскими и психологическими данными и теориями, родительская власть не обязательно должна осуществляться в соответствии с этими утверждениями или каким-либо другим набором защищаемых принципов. Можно надеяться, что родители принимают эти решения в «наилучших интересах» ребенка или в соответствии с другим предпочтительным основанием, по закону родители не обязаны это делать. За исключением споров, поднятых другим родителем, их решения практически не имеют шансов когда-либо быть пересмотрены или обжалованы в суде. В то время как приемные родители обычно проходят строгие процедуры проверки для защиты благополучия своих детей, биологические родители не требуют квалификации, обучения, лицензирования или проверки биографических данных, чтобы иметь такие же чрезвычайно широкие юридические полномочия в отношении своих детей. Хотя это считается естественным, точный набор законных прав, которыми обладают родители, обязательно является вопросом государственной политики и судебного признания. Когда два биологических родителя оспаривают опеку, суды определяют, какому из родителей предоставляется физическая опека в соответствии со стандартом «наилучших интересов ребенка». Этот стандарт, однако, не может представлять собой общую основу родительской власти, поскольку обычно учитывается только тогда, когда родители оспаривают опеку. Опека или посещение не могут быть изменены, если ребенок или третье лицо демонстрирует, что в наилучших интересах ребенка находиться под опекой кого-либо, кроме его родителей. Более того, суды обычно не предпринимают каких-либо значимых попыток определить, какая форма

опеки отвечает наилучшим интересам ребенка, если оба родителя добровольно соглашаются на опеку и свидания. Для того, чтобы родитель фактически лишился опеки над ребенком при других обстоятельствах, требуется серьезное или хроническое насилие или пренебрежение, а не опека, просто не отвечающая интересам ребенка [2].

Исходя, из вышеперечисленного можно сделать вывод, что права родительской автономии были оправданы как по мотивам, ориентированным на ребенка, так и по мотивам, ориентированным на родителей, апеллирующим к разнообразным предполагаемым родительским интересам независимо от интересов детей. При оценке статус-кво требований о родительских правах необходимо отделить их от отдельных аргументов в пользу протекционизма или патернализма как основных рамок правового статуса детей. Это связано с тем, что родительские права в том виде, в котором они существуют в настоящее время, позволяют иметь над детьми гораздо более широкую власть, чем та, которая может следовать из программы защиты детей. Они могут и иногда используются как для нанесения ущерба, так и для защиты интересов детей. Правовая норма родительских прав не должна основываться на идеализированной модели родительского поведения, а должна защищать права детей от родителей, которые будут действовать против их интересов.

Список литературы

1. Арутян Г. В. Правовое регулирование усыновления в Российской Федерации / Г. В. Арутян // Гражданское право. – 2012. – № 3. – 509 с.
2. Дзугаева А. З. Усыновление детей в Российской Федерации // Юридический консультант. – М.: Юрмин, 2014. – № 1. – С.44.
3. Крашенинникова П. В. Комментарий к Семейному Кодексу Российской Федерации. – 3-е изд, перер. и доп. под ред. П. В. Крашенинникова и П. И. Седугина. – М., «Норма», 2016.

УДК 347.633

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РАЗВЕДЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА

Ревунова А. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк ДНР
a.revunova@donnu.ru

Введение. Согласно Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей, кем бы эти действия ни выполнялись, первоочередное внимание следует уделять наилучшему обеспечению интересов ребенка

(ст. 3 Конвенции о правах ребенка). Согласно статье 38 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении детей (ст. 61 СК РФ) [1,3].

Основная часть. Недостатки современного семейного права могут привести к сокращению обязанностей разведенных родителей. Практика показывает, что хороший родитель отказывается от некоторых своих потребностей ради чрезвычайных обстоятельств ребенка. Ретроспективный анализ родительских обязанностей относительно содержания ребенка говорит о его безусловном характере. Моральные обязанности обязывают родителей заботиться о своих детях до совершеннолетия.

Дореволюционные адвокаты подчеркивали тот факт, что родители обязаны заботиться о ребенке даже за счет полного игнорирования их собственных потребностей. Это послужило прочной правовой основой для выплат детям, известной как алименты.

Если один из родителей оказывает финансовую поддержку ребенку, это всегда тот родитель, который живет отдельно от ребенка. Суды, как правило, требуют, чтобы родители платили определенный процент своего дохода в качестве обязательных алиментов своему ребенку, в то время как фиксированная сумма выплаты финансовой поддержки менее часто применяется судами и рассматривается как вещь второстепенной важности.

Ст. 81 Семейного кодекса РФ определены доли дохода или заработной платы плательщика финансовой поддержки, если он является разведенным родителем разлученным, т. е. не проживающим с ребенком. Эти доли были закреплены в семейном законодательстве с 1936 года для преодоления ситуаций, когда размер поддержки был недостаточным по сравнению с доходом плательщика. Закон был направлен на предотвращение диспропорции между возможным увеличением дохода платящего родителя и фиксированным уровнем финансовой поддержки и быстрое принятие судебных решений. Тем не менее, независимо от форм выплаты алиментов, в России на практике плательщик алиментов часто либо не раскрывает свой доход, либо передает права на владение имуществом своим близким родственникам и т. д. Подобные проблемы часто возникают в международной практике. [1,2]

Что касается ответственности родителей за уклонение от уплаты алиментов, то практика уклонения от уплаты алиментов путем регулярных минимальных выплат широко распространена. В таких случаях плательщик не несет ответственности по Уголовному кодексу на основании грубого нарушения алиментов или по ст. 69 Семейного кодекса РФ на основании избежания исполнения родительских обязанностей.

Такой подход не соответствует принципу благополучия и развития ребенка. Таким образом, таким родителям удастся избежать уголовного наказания и лишения родительских прав за уклонение от родительских обязанностей по Уголовному кодексу Российской Федерации или по ст. 69 Семейного кодекса РФ. Такая практика не соответствует принципам ухода за ребенком. [1,2]

Дети, которые еще не достигли совершеннолетия, не могут содержать себя без родителей, поэтому финансовая поддержка является единственным источником удовлетворения их потребностей. Кроме того, вышеупомянутые нормы, связанные с алиментами, нарушают равенство родительских прав, при которых один из родителей полностью заботится о ребенке, а другой платит лишь небольшую часть своего дохода за уход за ребенком и только тогда, когда источник его дохода юридически доказан. Очевидно, что родитель не перестает быть родителем, даже если он разлучается с ребенком, что означает, что он должен придерживаться принципа родительского равенства даже при уходе за ребенком. Кроме того, много споров о родительских обязанностях возникли в международных правовых исследованиях.

Более того, судебная практика показывает, что если один из разлученных с ребенком родителей по закону состоит в браке с другим лицом, условия выплаты ему алиментов становятся более сложными. Например, есть некоторые решения Конституционного Суда России, которые устанавливают приоритет текущего семейного положения над родительскими обязанностями по незаконному содержанию ребенка. Чтобы проиллюстрировать этот факт, мы можем использовать пример судебного иска, поданного супругой Х. и рассмотренного Невским районным судом Санкт-Петербурга в 2016 году. Суд основал свое мнение на ст. 35 (3) Семейного кодекса РФ, который предусматривал, что согласие и доверенность супруга являются обязательными для любого вида сделки, совершенной другим супругом, и пришел к выводу, что это решение не нарушает конституционные права граждан. Кроме того, в соответствии с правоприменительной практикой, если разлученный родитель выходит замуж, ему становится сложнее выплачивать алименты ребенку с учетом его нового семейного статуса. Даже мнения российского Конституционного Суда относительно ухода за детьми отдают приоритет правам супругов, состоящих в законном браке, по сравнению с сожителями. Например, г-жа Н. В. Видман обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации, выразив несогласие со ст. 35 (3) Семейного кодекса РФ. Она утверждала, что эта статья дискриминирует права незаконнорожденных детей, надеющихся получить достаточные положения на основе родительского согласия. Причиной этого иска является тот факт, что Невский районный суд отклонил соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетнюю дочь г-жу Видман и г-на Х. [1, 2]

В дальнейшем денежные выплаты, превышающие сумму алиментов, предписанную законом, обычно могут быть принудительными, только если разведенный супруг согласится на такое условие. Также по закону доход плательщика алиментов рассматривается как общая собственность супругов (ст. 34 Семейного кодекса РФ), за исключением случаев выплаты алиментов из источников индивидуальной собственности одного из супругов (ст. 36 Семейного кодекса РФ).

Согласно ст. 35 (3) Семейного кодекса РФ требуется, чтобы предполагаемый родитель, платящий алименты, представил свое согласие на это, и ожидание одобрения доверенности может препятствовать добровольной выплате алиментов, что делает его, в некоторых случаях, нереальным, если не возможно. Кроме того, новый супруг одного из родителей, разлученных с семьей, который не желает сокращать свое общее имущество, может не захотеть дать согласие своему нынешнему супругу использовать свои общие финансы для содержания ребенка от предыдущего брака [1, 2].

Целесообразно обеспечить механизм предотвращения конкурентных норм, касающихся распоряжения общим имуществом супругов, в делах, касающихся вопросов алиментов. Обязательства по содержанию ребенка, в том числе добровольные, носят личный характер. Вот почему они не могут быть переданы законному наследнику. Также ст. 45 Семейного кодекса РФ проводится различие между личными и общими обязанностями супругов и не требует согласования личных обязанностей предыдущего супруга с действующим [1].

Это означает, что согласованное соглашение о выплате материальной помощи на содержание ребенка не должно рассматриваться как сделка с общим имуществом супругов и не должно требовать обоснования доверенности. Например, посредничество и переговоры играют ключевую роль в разрешении конфликтов между судьями, живущими в разводе или в других странах.

В вышеупомянутом деле г-жи Видман ответчик должен был инициировать изъятие алиментов заемщика из общего имущества супругов. Это было бы в соответствии со статьями 38 и 45 Семейного кодекса РФ. [2]

Очевидно, что обеспечение стабильности в браках должно тщательно регулироваться, однако родительский и семейный статус, как правило, конкурируют друг с другом, и то, какой из них преобладает, определяется на основании действующих норм семейного права. Это означает, что существование новой семьи не должно отменять обязанности предыдущей семьи и что дееспособный человек, вступающий в повторный брак с ребенком от предыдущего брака, должен знать о юридических последствиях и выборе, который необходимо сделать в связи с этим в соответствии с Конвенцией о правах ребенка все судебные иски в отношении детей принимаются в наилучших интересах ребенка.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // «Российская газета», N 17, 27.01.1996
2. Крашенинникова П. В. Комментарий к Семейному Кодексу Российской Федерации. – 3-е изд, перер. и доп. под ред. П.В. Крашенинникова и П.И. Седугина. – М., «Норма», 2016.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

УДК 347.918

ПРОБЛЕМА ОБОЗНАЧЕНИЯ ОРИГИНАЛА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Савельева В. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Vlada70@list.ru

Введение. В судебной практике в последнее время все более возрастает использование электронных доказательств, что вызвано многими факторами. Усиленными темпами развивается цифровизация жизнедеятельности общества и как следствие хозяйственного оборота, соответственно развивается в этом направлении и судопроизводство. Это развитие способствует расширению применения электронных доказательств в арбитражном процессе. Этим обуславливается актуальность исследований, направленных на изучение электронных доказательств и разработку формулировки дефиниции понятия электронного доказательства.

Целью статьи является раскрытие разных подходов к пониманию оригинала в контексте электронных доказательств, выяснение критерия их оригинальности и обозначение на этом основного направления формирования процессуального законодательства.

Основная часть. Гарантией достоверности электронных доказательств и возможности их использования в судопроизводстве считается требование об их подаче в суд в оригинале

ХПК Украины [1], который применяется на территории республики до того момента, пока не будет принят Арбитражный процессуальный кодекс, не содержит понятия оригинала цифрового (электронного) доказательства. В контексте понимания электронных доказательств термин

«оригинал» традиционно употребляется в отношении одной их разновидностей – электронных документов. Такой подход имеет вполне рациональное объяснение, но в то же время может быть расширен и на другие формы выражения электронной информации.

Современный международный стандарт в сфере электронного документооборота ISO 2651-1:2012 обозначает оригинал электронного документа как электронное изображение (цифровое представление этого документа), что используется для создания дубликатов. В данном определении отсутствует указание на то, что оригинал является первым поколением изображения цифровых данных, допуская, таким образом, возможность признания оригиналом не только первый электронный документ или другую форму электронной информации, а и последующие варианты документа.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона Украины «Об электронных документах и электронном документообороте» оригиналом электронного документа является такой электронный экземпляр документа, который имеет обязательные реквизиты, в частности электронную подпись автора или другую подпись, приравненную к собственноручной [2]. Такое определение делает акцент на полноте электронного документа, его частях, обязательных атрибутах, обозначенных нормативно, отсутствие которых не позволит считать оригиналом такой объект.

В целом можно выявить отсутствие единого подхода к пониманию оригинала данных в электронно-цифровой форме. Решая вопрос о том, является ли электронное доказательство оригиналом следует, в первую очередь, обратить внимание на его происхождение. Выяснить это можно на основании, например, дефиниции родового понятия. С точки зрения права информация – нематериальный объект, который не имеет вещевой природы, но в то же время информация может иметь материальные носители, которые обеспечивают ее передачу в пространстве и времени. Но в любом случае информацию нельзя отождествлять с ее носителями. В судопроизводстве же доказательное значение имеет не форма информации, а только ее содержание.

Так как действующий ХПК не содержит понятия электронных доказательств, и таковые относятся к доказательствам письменным, то можно обнаружить, что согласно статье 36 кодекса письменные доказательства подаются в оригинале или надлежащем образе заверенной копии. Данное положение таким образом относится и к предоставлению электронных доказательств. Но, обращая внимание на то, что электронными доказательствами является только информация, возникает вопрос о том возможно ли изготовить с нематериального объекта копию. Так как информация не является материей, а только ее особенностью, то становится ясно, что невозможно скопировать информацию отдельно от

материи, особенностью которой она является. Как следствие возникает понимание того, что использование термина «копия» относительно электронных доказательств является не совсем уместным. А возможно ли применять термин «оригинал» к объекту, с которого невозможно изготовить копию? Согласно материалистического подхода – нет, и поэтому можно считать понятие оригинала электронного документа бессодержательным.

Для возможности определения оригинала электронного доказательства важное значение имеет также структура его смысла и анализ составных частей [3]. Нуждается в уточнении и то, что часто структурные элементы содержания цифровых данных сохраняются отдельно один от другого.

В контексте электронных доказательств правило подачи оригиналов требует от заинтересованных лиц подачу их в виде, содержащем все необходимые структурные элементы, как содержательные, так и логически с ними связанными. Обязательным реквизитом электронных документов как доказательств традиционно является электронная подпись, но является ли он тем реквизитом, который бесспорно доказывает, что перед нами единственный возможный оригинал электронного документа. Так как все электронные копии могут содержать обязательные реквизиты и быть скреплены электронной подписью, то ответ на этот вопрос будет отрицательным. Поэтому все образцы электронного документа считаются оригиналами вне зависимости от других обстоятельств. Это положение содержится и в ч. 3 ст. 7 Закона «Об электронных документах и электронном документообороте», создание автором идентичных по смыслу и оформлению нескольких электронных документов, влечет то, что все они будут считаться оригиналами и иметь равную юридическую силу.

Возникает вопрос, а возможно ли существование других реквизитов, которые могут служить основанием для различения оригинала и копий электронных доказательств. Отечественные ученые предлагают считать таковыми электронную печать и электронную отметку времени. Однако между электронными печатями и подписями отсутствует принципиальная разница, и любой образец электронного документа может быть скреплен печатью, что не позволяет однозначно идентифицировать оригинал [4]. Электронная отметка времени может служить критерием обозначения оригинала только при условии идентичности смысла нескольких образцов электронного документа и сравнения времени формирования квалифицированных электронных отметок времени. Здесь прослеживается явный недостаток, так как критерием разграничения тут выступает не наличие или отсутствие определенных реквизитов. А время их присоединения к определенным данным.

Интересной является мысль, что особенными реквизиты электронных документов являются метаданные, то есть смонтированная в

тело цифровых данных информация о самих данных. Но использование их не является эффективным с точки зрения практики. Во-первых, ценность метаданных зависит от конкретных обстоятельств дела и часто может не иметь никакого значения для дела, во-вторых, прикладное применение их является весьма сложным и затратным, ввиду привлечения к этому, специалистов [5].

Заключение. Понятие оригинала электронного документа является многоаспектным. Наиболее удачным при формировании арбитражного процессуального законодательства ДНР является использование следующей формулировки дефиниции электронного доказательства: электронное доказательство – это электронный документ, который содержит данные о фактах или обстоятельствах, которые имеют значение для дела. Также еще одним способом формирования процессуального законодательства может быть замена методологического подхода к правовому регулированию, отход от жестких обязывающих норм и замена их нормами рекомендационного характера, которые будут устанавливать приоритет оригиналов, но не исключают возможность доказывания на основании электронных копий. Не следует делать доказательства недопустимыми только по той причине, что они не являются оригиналами, а отдаленность предоставленной в суд копии от первичного должна влиять только на оценку ее достоверности.

Список литературы

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины от 06.11.1991 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1992.- №6. – (с изм. и доп.)
2. Пронь Н. О. Требования к электронным документам: международная практика и опыт Украины // Сборник научных работ Национального университета государственной налоговой службы Украины. 2012. № 1. С. 356-366.
3. Гонгало С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 367. – С. 95-97.
4. Лаевская А. В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.15. – Минск, 2017. – 28 с.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / В. И. Борисова, Л. М. Баранова, Т. И. Бегова и др.; под ред. В. И. Борисовой, И. В. Спасибо-Фетеевой, В. Л. Яроцкого. – Харьков, 2011. – Т. 1. – 656 с.

НОВАЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТ БРАКА

Савченко А. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.a.sav4enko@mail.ru

Введение. В соответствии с международными стандартами, каждый имеет право вступать в брак и основывать семью. В ст. 16 Всеобщей декларации прав человека закрепляется положение о том, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства [1]. В соответствии с действующим законодательством Донецкая Народная Республика признает браком, только зарегистрированный союз в органах записи актов гражданского состояния. С 01.09.2020 года вступил в силу Семейный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – СК ДНР) соответственно, актуальным является анализ изменений семейного законодательства в контексте регулирования заключения брака, как основы семейных отношений.

Цель данного исследования заключается в анализе изменений правовой основы регулирования заключения брака в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР).

Основная часть. В соответствии с ч.2 ст.86 Конституции Донецкой Народной Республики нормативно – правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до принятия Конституции применялись в части, не противоречащей положениям Конституции, так до 01.09.2020 г. на территории Донецкой Народной Республики действовал семейный кодекс Украины. Институту брака в предыдущем семейном кодексе посвящен раздел II Брак. Права и обязанности супругов, состоящий из 9 глав. В главе 3. Общие положения, законодатель определял брак как семейный союз женщины и мужчины, зарегистрированный в государственном органе регистрации актов гражданского состояния [2]. Особое внимание уделялось положению о том, что фактические брачные отношения не порождают прав и обязанностей между сожителями, также отклонялся религиозный обряд брака как основание для возникновения взаимных прав и обязанностей. В новом СК ДНР вопросам правового регулирования заключения брака отведен раздел II, в частности глава 3 носит название «Условия и порядок заключения брака», где отсутствует понятие «брак», раздел начинается со ст. 10, где законодатель фиксирует положение о том, что права и обязанности супругов возникают со дня

государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния [3]. Отсутствует понятие брака и в семейном кодексе Российской Федерации, однако, вследствие неоднозначной практики признания брака, заключенного за пределами Российской Федерации между лицами одного пола, в целях сохранения традиционных подходов к пониманию брака в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения в ст.72 где, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г.№1-ФКЗ, было зафиксировано, что государство гарантирует защиту института брака как союза мужчины и женщины [3]. В СК ДНР в ст.12 определяется, что для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижения ими брачного возраста [2]. Однако, в соответствии со ст.160 СК ДНР в Донецкой Народной Республике признаются браки между гражданами Донецкой Народной Республики и иностранными гражданами, заключенные за рубежом, в соответствии с семейным законодательством действующим на территории, где, собственно и заключался такой союз. Данный союз признается браком, если соблюдены условия, перечисленные в ст. 14 среди которых не допускаются браки между лицами, из которых хотя бы одно брачующееся лицо состоит в другом браке, близкими родственниками, усыновленным лицом и усыновителем, а также где в потенциальном союзе хотя бы одно лицо является недееспособным, в ст.14 отсутствует положение о том, что брак не может быть заключен между лицами одного пола.

Следующее существенное изменение связано с брачным возрастом, а точнее с возможным снижением брачного возраста. В прежнем СК в ст.23 определялось, что лицо, достигшее 16 лет по заявлению в судебном порядке, если это отвечает его интересам может получить разрешение на заключение брака, недостатком этой статьи было, в первую очередь отсутствие оснований снижения брачного возраста. В юридической практике такими основаниями чаще всего признавались: фактически сложившиеся брачные отношения, беременность и рождение ребенка. В статье также отсутствует требование о получении разрешения родителей, то есть мнение родителей (усыновителей, попечителей) о целесообразности предоставления их ребенку (подопечному) права на брак не является основанием для отказа в удовлетворении заявления, это соответствует принципу добровольности заключению брака. В ст. 13 СК ДНР ч. 2 уже определяет какими уважительными причинами должен обладать заявитель, среди них: рождение ребенка, беременность, непосредственная угроза жизни одной из сторон [3]. Статья не содержит порядок получения такого разрешения. И новеллой является тот факт, что такое разрешение выдает не суд, а органы местного самоуправления. Однако в ДНР на сегодня отсутствует нормативная база в отношении функционирования органов местного самоуправления, действует Закон

«О местных выборах», где в ст. 2 дается определение органов местного самоуправления, и в ст. 8 Конституции Донецкой Народной Республики законодатель признает и гарантирует местное самоуправление, поэтому в переходных положениях ч. 2 ст. 172 СК ДНР определено, что до формирования органов местного самоуправления функции могут осуществляться местными администрациями в пределах, определенных главой государства. В ст. 13 СК ДНР не определена форма получения разрешения, законодатель указал, что «органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающие вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет» [3]. Анализируя п. 3.11 Временного положения о государственной регистрации актов гражданского состояния, можно наблюдать, что несовершеннолетние лица при подаче заявления предъявляют вместе с паспортом копию вступившего в законную силу судебного решения о предоставлении права на государственную регистрацию брака.

Выводы. Таким образом, проанализировав новеллы семейного законодательства в Донецкой Народной Республике в сфере условий заключения брака, можно предположить о необходимости нормативного закрепления понятия брака (ст. 10 СК ДНР ч.1 дополнить: Брак – добровольный союз мужчины и женщины, основанный на взаимном уважении, заключается в органах актов гражданского состояния»). А также, внести изменения в порядок получения разрешения на снижение брачного возраста.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 217 А (III) от 10 декабря 1948 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.10.2020).
2. Сімейний кодекс України: Закон України від 10січня 2002 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 21-22. – Ст. 135.
3. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики: кодекс. – Д.: Издательский дом «Эдит» – 2020. – 80 с.
4. Конституция Российской Федерации: – Москва: Проспект, 2020.– 64 с.
5. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики № 46 (1). Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (книга первая). – Д: Издательский дом «Эдит», 2020. – 290 с.
6. Временное положение о государственной регистрации актов гражданского состояния (в ред. постановлений Президиума Совета Министров ДНР от 24.12.2015 № 26-7, от 17.12.2016 № 13-38, постановления Правительства ДНР от 19.07.2019 № 18-6) [Электронный ресурс]: Постановлением №16-16 от 22.07.2015 – URL: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-13-16-2015-07-22/>(дата обращения: 12.10.2020).

ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стрельцова Н. Л., канд. экон. наук, *Зарочинцев Д. Р.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
dnkc@ukr.net, d_z_01_urd@mail.ru

Введение. Целью данной работы является определение признаков предпринимательской деятельности путем сравнения понятий, которые выдвигают отечественные научные деятели, а также признаков, которые, по их мнению, считаются обязательными при формировании определения. Данная тема является актуальной, поскольку на сегодняшний день существует много различных форм экономической деятельности, которые не всегда являются деятельностью предпринимательской, однако соответствуют большинству её основным признакам.

Начиная с конца 1920-ых годов, предпринимательская деятельность на территории бывшей Российской империи являлась незаконной и уголовно-наказуемой. Вызвано это было особым, социалистическим путем развития, установившимся после Октябрьской революции.

После того, как Союз Советских Социалистических Республик прекратил своё существование в 1991 году, каждое новообразованное государство взяло путь на развитие предпринимательской деятельности, вследствие чего были изданы множество нормативно-правовых актов, закрепляющих понятие индивидуального предпринимателя и его основные отличия от самозанятых людей и других категорий граждан.

Основная часть. В основу данной классификации легли такие отличительные черты, которые содержатся в ст. 2 Гражданского Кодекса ДНР, а именно: «осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [1]».

В. С. Белых, в своей работе, посвящённой правовому регулированию предпринимательской деятельности в России, описывает риск, как возможность наступления события, которое может повлечь неблагоприятные имущественные последствия для предпринимателя [2].

Данное определение, не смотря на то, что оно является наиболее содержательным и содержится не только в нормативно-правовых актах ДНР, но также и в нормативно-правовых актах таких стран, как Российская Федерация и др. является спорным среди отечественных научных деятелей.

Так, например, С. Э. Жилинский выдвинул мнение о том, что риск, как один из ключевых факторов при осуществлении предпринимательской деятельности вовсе не является обязательным при формировании определения предпринимательства, так как не все предприниматели несут риск при осуществлении данной деятельности. Также автор не видит разумным связывать риск и предпринимательскую деятельность на законодательном уровне[3].

Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая и другие соавторы, в своем пособии по предпринимательскому праву предлагают приобщить к признакам предпринимательской деятельности такие её неотъемлемые элементы как систематичность и постоянность. Таким образом, они хотят закрепить, что предпринимательская деятельность осуществляется на протяжении неопределённого количества времени, что является нехарактерным для множества гражданских правоотношений, при этом с систематичностью, то есть, повторением выполнения аналогичных действий[4].

А. И. Агеев предлагает добавить ещё несколько характерных признаков для данного рода деятельности, а именно: экономическая свобода (как неотъемлемый критерий для осуществления предпринимательской деятельности), владение капиталом (как основа для её осуществления), соединение и комбинирования факторов производства и капитализация доходов[5].

О. Н. Ермолова, в своей работе о понятии предпринимательской деятельности также ставит под вопрос такой квалифицирующий признак предпринимательской деятельности, как «извлечение прибыли». По её мнению он не является основополагающим, поскольку субъекты мелкого предпринимательского бизнеса иногда не имеют прибыли, но при этом продолжают осуществлять предпринимательскую деятельность. Более того, автор приводит пример, в котором указано, что потенциальный предприниматель первоначально имеет цель не извлечь прибыль, а получить плату за свой товар или оказанную услугу. А наличие платы (денег) не предполагает наличие прибыли. Кроме того, автор также акцентирует своё внимание на том, что предпринимательская деятельность может осуществляться только лицами, которые зарегистрированы в установленном законом порядке как индивидуальные предприниматели. Данная позиция четко отражает основной отличительный признак предпринимательской деятельности от самозанятых людей, которые хоть и осуществляют свою деятельность в соответствии со всеми выше перечисленными признаками, однако не являются предпринимателями в силу отсутствия данного критерия [6].

Заключение. Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что предпринимательская деятельность, как научное понятие, включает в себя множество признаков, по которым её можно охарактеризовать. Однако некоторые из них характерны лишь для

определённого вида деятельности, а другие – для всей деятельности в целом, которые учитывают её многогранную специфику.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики принятый постановлением Народного Совета ДНР 13.12.2019 по сост. на 04.07.2020. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. Монография. – М.: «Проспект», 2014.
3. Жилинский С. Э. Предпринимательское право. – М.: Норма, 2002.
4. Афанасьева Е. Г., Белицкая А. В., Вайпан В. А. и др. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.
5. Агеев А. И. Предпринимательство: проблема собственности и культуры. – М., 1991.
6. Ермолова О. Н. О понятии предпринимательской деятельности и ее правовом регулировании, 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-predprinimatelskoj-deyatelnosti-i-ee-pravovom-regulirovanii/viewer>

УДК 346.1

КОДИФИКАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Стрельцова Н. Л., канд. экон. наук, *Крамарчук И. О.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
dnkc@ukr.net, ira13012001@rambler.ru

Введение. На современном этапе развития мировой практики сложилось две системы правового регулирования предпринимательского права. Первая состоит в том, что предпринимательские отношения регулируются гражданским законодательством. Данная система осуществляется в Италии, Нидерландах, Швейцарии, России. Вторая же исходит из того, что предпринимательские отношения регулируются специальным кодексом – Торговым или Коммерческим. Такая система применяется во Франции, Германии, Испании, Португалии, Украине, Японии. Решение вопроса о возможности рассмотрения гражданского права как одну из частей частного права, а предпринимательское право, как самостоятельную часть данного права позволит решить вопрос о целесообразности и допустимости предпринимательских кодексов.

Основная часть. Предпринимательское право как отрасль права является совокупностью юридических норм, регулирующих предпринимательские отношения и тесно связанные с ним иные, в том

числе некоммерческие отношения, а также отношения по государственному регулированию рыночной экономики, возникающие по поводу обеспечения интересов государства и общества в целом [2]. Как считает В. А. Рахмилович, что будучи товарно-денежными, отношения, вытекающие из предпринимательской деятельности, «...представляют собой предмет того же самого частного, гражданского права», что как раз и «...является предпосылкой и принципиальной основой решения вопроса о соотношении гражданского и так называемого торгового или предпринимательского права, а отсюда – и вопроса о кодификации». В свою очередь, К. К. Лебедев отмечал, что «кодификация предпринимательского и коммерческого законодательства, в принципе, возможна и необходима. Её необходимость обуславливается целым рядом причин, главной среди которых является требование создания единой понятийной и методологической базы для всех нормативных правовых актов, которыми регулируются предпринимательская деятельность и предпринимательские отношения». Таким образом, можно отметить, что вопрос о кодификации норм предпринимательского права вызывает споры в юридической науке и на данный момент не является до конца решенным.

В Донецкой Народной Республике до 2020 года действовала система правового регулирования, которая включала в себя специальный кодекс. Таким специальным кодексом являлся Хозяйственный кодекс Украины. В июле 2020 года вступил в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики. Данный факт позволяет нам заключить, что законодатель Донецкой Народной Республики не определяет нормы, регулирующие предпринимательское право, как самостоятельные нормы, а лишь включает их в нормы гражданского регулирования.

По нашему мнению, выделение норм, регулирующих предпринимательские отношения является нецелесообразным. Примером, отождествляющим данное положение, является Украина. Хозяйственный кодекс Украины не имеет четко обозначенного предмета регулирования, что можно подтвердить ссылаясь на статью 1 Хозяйственного кодекса Украины, где закреплено, что данный кодекс регулирует хозяйственные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности между субъектами хозяйствования, а также между этими субъектами и другими участниками отношений в сфере хозяйствования [1].

Анализируя предмет предпринимательского права, заметим, что среди ученых данный вопрос является дискуссионным. Так выделяют такие предметы правового регулирования предпринимательского права, как: отношения, связанные с государственным регулированием предпринимательского права; отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности; внутрихозяйственные отношения [2]. То есть ученые не имеют единого мнения о предмете правового

регулирования. Приведенные выше отношения относятся к частному и публичному праву, что не дает ни нам, ни законодателю четкого определения описываемой категории. Подводя итог в отношении предмета регулирования, отметим, что предпринимательское право невозможно считать самостоятельной отраслью права в связи с отсутствием самостоятельного предмета.

Ещё одной особенностью, доказывающей несостоятельность специальных кодексов на примере Украины — преобладание бланкетных норм. Часть 1 статьи 175 Хозяйственного кодекса Украины закрепляет, что имущественные обязательства, которые возникают между участниками хозяйственных отношений, регулируются Гражданским кодексом Украины с учетом особенностей, предусмотренных Хозяйственным кодексом Украины [1]. Исследуя нормы Хозяйственного кодекса Украины, невозможно упустить тот факт, что данный нормативно-правовой акт является дублированием действующего в Украине Гражданского кодекса. Таким образом, данное утверждение дает возможность заключить, что нормы, регулирующие предпринимательские правоотношения и закрепленные в Хозяйственном кодексе Украины, являются доказательством того, что специальный кодекс не имеет обособленности.

Стоит заметить, что кодификации норм предпринимательского права путем перекраивания уже действующих в течение определенного времени кодексов обречены на отсутствии практической реализации [3]. Ещё одним фактором подтверждающим нашу точку зрения является то, что предпринимательское право неразрывно связано с категорией экономики. При функционирующей рыночной экономики поднимать вопрос об использовании норм предпринимательского права, исключая дополнительное использование норм гражданского права является невозможным и крайне неверным.

Заключение. Таким образом, предпринимательское право — это совокупность норм, регулирующих личные неимущественные и имущественные отношения между лицами, принимающих участие в предпринимательской деятельности. Исходя из данного нами понятия, отметим, что категория личных неимущественных и имущественных прав свойственна гражданскому праву, что позволяет нам заключить о нецелесообразности выделения норм предпринимательского права в отдельный специальный кодекс. Как уже было сказано ранее, предпринимательское право регулируется нормами частного и публичного права. Отметим, что публичную организацию предпринимательской деятельности в Донецкой Народной Республике регулируется Кодексом административных правонарушений, что очередной раз доказывает несостоятельность выделения норм предпринимательского права в отдельные кодексы. То есть, исходя из вышесказанного, использование в Донецкой Народной Республике специального кодекса, регулирующего

предпринимательские правоотношения является неоправданным в связи с отсутствием необходимости выделения норм правового регулирования предпринимательского права отдельно от норм гражданского права. Перспективы внедрения такого специального кодекса неконструктивны для развития действующей системы законодательства Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Хозяйственный кодекс Украины от 16.01.2003 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 18, № 19-20, № 21-22. – 144 с.
2. Шишканов В. А. Проблемы кодификации российского предпринимательского права // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kodifikatsii-rossiyskogo-predprinimatelskogo-prava/viewer>
3. Шушканов П. А. О перспективах совершенствования правового регулирования хозяйственных (предпринимательских) правоотношений // Вестник Брянского государственного университета. 2018(1). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-sovershenstvovaniya-pravovogo-regulirovaniya-hozyaystvennyh-predprinimatelskih-pravootnosheniya/viewer>

УДК 347.673.1

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., *Петраченко Е. И.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kf.admfinpr.zav@donnu.ru, e.petrachenko@donnu.ru

В ст. 35 Конституции Российской Федерации закреплено, что право наследования гарантируется [1]. Следует отметить, что наследование затрагивает интересы каждого человека в тот или иной период жизни. На сегодняшний день все большее количество граждан Российской Федерации решает распорядиться принадлежащим им имуществом на случай смерти, то есть заблаговременно определить наследников и их доли. Посмертные распоряжения во все времена являлись краеугольным камнем цивилистики.

Несмотря на то, что наследование по завещанию, то есть возможность выразить своё волеизъявление в отношении принадлежащего имущества на случай смерти, является преимущественным видом наследованием перед наследованием по закону, некоторые граждане не задумываются о составлении завещания или сознательно отказываются от такой возможности. Это обусловлено тем, что существует

психологические убеждения, связанные со смертью, а также уровнем правовой культуры.

Помимо этого, на сегодняшний день существует ряд правовых сложностей, связанных с реализацией наследственного права. В частности, речь идет о реализации принципа свободы завещания.

В основе правового регулирования наследования по завещанию лежат нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. В статье 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что завещание относится к односторонним сделкам, которая создает права и обязанности после открытия наследства [2]. То есть правовая сущность завещания относит его к гражданско-правовым сделкам.

Особое внимание Гражданский кодекс Российской Федерации уделяет принципу свободы завещания, закреплённого ст. 1119 данного кодифицированного акта. Завещатель по своему усмотрению вправе завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в определенных случаях, включить в завещание иные распоряжения. Правила об обязательной доле в наследстве являются ограничителем свободы завещания.

Если вести речь об ограничении завещательной свободы в контексте обязательной доли, следует учитывать, что законодательно закреплённое положение об обязательной доле не препятствует завещателю распорядиться имуществом по своему усмотрению.

Законодательство Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Туркменистан также предусматривает принцип свободы завещания.

Необходимо подчеркнуть, что ст. 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] предусматривает наследование несовершеннолетними или нетрудоспособными детьми наследодателя, его нетрудоспособным супругом и родителями, а также нетрудоспособными иждивенцами наследодателя, подлежащих призванию к наследованию, независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля), если иное не предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации. Обязательная доля считается институтом гражданского права, который наполнен материальной и моральной составляющей. Необходимо обозначить, что право на обязательную долю в наследстве играет важную роль и несомненно является гарантией защиты имущественных интересов особой категории наследников.

Также Гражданским кодексом Российской Федерации предусмотрено, что в обязательную долю засчитывается все, что наследник, который имеет право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в т. ч. стоимость установленного в пользу такого

наследника завещательного отказа. Однако если осуществление права на обязательную долю в наследстве повлечет за собой невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания (к примеру, жилой дом, квартира, другое жилое помещение, дача и т.п.) или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию (к примеру, творческая мастерская, орудия труда, и т.п.), суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении. В нотариальной практике нередки случаи возникновения проблем с выделением и расчетом обязательной доли, когда завещана часть имущества.

При существовании близких родственников передача всего имущества по завещанию лицам, не состоящих в родственных отношениях с наследодателем влечет за собой нарушение семейных связей. Именно поэтому законодательно определены границы при реализации права наследования, в частности, есть четко конкретизированный круг лиц, который имеет возможность получить обязательную долю, при всем уважении к свободе наследодателя распоряжаться своим имуществом.

Следует отметить, что законодательство Англии и некоторых штатов США не признает институт обязательной доли, хотя в последние годы в законодательном порядке и установлены некоторые ограничения свободы завещания [3].

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 17 [1] предусматривает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Помимо этого, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [1] закреплено, что федеральным законом возможно ограничение прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов других лиц. Таким образом, ограничение принципа свободы завещания в виде обязательной доли в наследстве, соответствует нормам Конституции Российской Федерации.

Подводя итог, стоит сказать, что свобода завещания заключается, прежде всего, в свободном выборе наследников по завещанию. Однако свобода завещания не является безграничной и не носит абсолютный характер. Учитывая сегодняшнюю правовую реальность обязательная доля в наследстве является неотъемлемым ограничителем принципа свободы завещания. В связи с этим неверным является утверждение, что распределение наследственного имущества зависит полностью от волеизъявления завещателя. Следует подчеркнуть, что обязательная доля в наследстве, существующая в рамках гражданского законодательства, введена не для ограничения прав личности на свободу распоряжения

имуществом, а исключительно для материального обеспечения определенных лиц, которым необходима особая защита по состоянию здоровья или в силу возраста, и для поддержания уровня материального достатка. Вместе с тем принимая во внимание возможность суда с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении, норму о праве на обязательную долю в наследстве нельзя назвать строго императивной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации с изменениями от 04.07.2020. – СПб.: Питер, 2021. – 64 с.: ил.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ: в ред. от 03.07.2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
3. Лотарева Юлия Борисовна Свобода завещания и случаи ее ограничения // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2010. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-zaveschaniya-i-sluchai-ee-ogranicheniya> (дата обращения: 07.10.2020).

УДК 342.72/.73

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПАЦИЕНТА

Финкина А. П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.finkina@donnu.ru

Введение. Здоровье человека в эпоху динамически неустойчивых природных и общественных условий требует пристального внимания к организации здравоохранения. Особое значение имеют законодательные гарантии действенности системы медицинской помощи и социальной защиты. Известно, что эффективность деятельности системы охраны здоровья является одним из определяющих факторов социально-экономического развития любого государства.

Одним из наиболее актуальных вопросов в области медицинского права остается проблематика защиты прав пациентов – комплексной системы мероприятий, которые используются в тех случаях, когда без препятствий реализовать права пациента не удастся и когда на помощь неудовлетворенному интересу пациента должна прийти соответствующая

правоприменительная деятельность со стороны уполномоченных государственных и общественных организаций.

Основная часть. В научной литературе предлагается классификация способов защиты прав пациентов: система обжалования нарушенных прав в сфере здравоохранения; обращение к институтам судопроизводства; обращение в негосударственные органы и организации [1, с. 13].

Первым шагом к решению проблемы нарушения прав пациента является подача жалобы на действия (бездействие) должностных лиц в сфере здравоохранения и руководителей частных медицинских учреждений. Выделение обжалования в отдельный способ защиты прав пациентов наряду с судебными и альтернативными способами обусловлено такими признаками как досудебная процедура урегулирования конфликта и наличие властных полномочий органов относительно сферы здравоохранения. Среди основных органов обжалования можно выделить следующие: администрация медицинского учреждения; органы и подразделения органов исполнительной власти; управление защиты прав потребителей; органы полиции и прокуратуры; омбудсмен и другие организации, наделенные полномочиями защищать права пациентов.

Среди судебных способов защиты прав пациента выделяем гражданское, уголовное, административное, конституционное судопроизводство, обращение в Европейский суд по правам человека.

Показательной в вопросе защиты прав пациентов является деятельность Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). За годы своей деятельности ЕСПЧ принял немало решений, касающихся защиты прав человека в сфере здравоохранения [2].

Ключевым в этом контексте является Решение ЕСПЧ по делу «Биржиковский против Польши» (2006) [3]. В фабуле решения предусмотрено, что 11 июля 1999 года жену заявителя привезли в Медицинскую академию г. Вроцлава, где она должна была в тот же день рожать. Однако роды не начинались, а диагностические аппараты показывали, что у ребенка есть проблемы с сердцем. Жене заявителя сделали инъекцию, после чего она впала в кому. Попытки вернуть больную в сознание были безуспешными, а 31 июля 1999 года она умерла. У новорожденного сына заявителя сразу появились проблемы с сердцем, а также осложнения неврологического характера. Сейчас он нуждается в постоянном медицинском наблюдении. Суд установил, что произошло нарушение ст. 2 Конвенции, которое выразилось в отсутствии надлежащего расследования обстоятельств смерти жены заявителя и существенного ухудшения здоровья его сына. Согласно ст. 41 Конвенции Суд назначил выплатить заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 150 евро на возмещение судебных расходов. Но наиболее значимым для европейского правосудия при рассмотрении

медицинских дел и создании юридической практики в этой области, как представляется, является вывод Суда по данному делу, согласно которого отмечается на необходимости скорейшего решения дел, касающихся смерти лица в медицинских учреждениях. Ошибки, допущенные медработниками, должны быстро проясняться. Далее эта информация должна безотлагательно распространяться среди персонала медицинского учреждения в целом, чтобы не допустить повторения негативного опыта в будущем, а следовательно гарантировать пациентам предоставление более качественных медицинских услуг.

По состоянию на сегодня ЕСПЧ критически оценивает право человека на смерть. Хрестоматийным делом относительно права на прекращение жизни, которое слушалось в Суде стало дело «Претти против Великобритании» (2002) [4]. Гражданка Великобритании страдала неизлечимой формой редкой болезни – заболевания двигательного нейрона (все ее тело ниже шеи было парализовано). Г-жа Претти имела четкое желание прекратить свои страдания и достойно уйти из жизни, однако из-за болезни она не могла совершить никаких активных действий, направленных на совершение акта самоубийства.

Решение ЕСПЧ по делу Претти является чрезвычайно ценным для правопонимания. Суд не нашел в ограничении «права на самоубийство с помощью третьих лиц» противоречий правам человека, которые декларированы в Конвенции. В частности, Суд указывает, что право на жизнь, гарантированное ст. 2 Конвенции, не означает права на смерть с участием или умышленную помощь третьих лиц в самоубийстве, при этом Суд также ссылается на текст Рекомендации ПАСЕ № 1418 (1999). Заявитель аргументировала свою жалобу также и в первую очередь нарушением Великобританией ее права на свободу от жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения, которое гарантируется положениями ст. 3 Конвенции. Эта статья действительно возлагает на государств-участниц не только негативные обязательства – запрет жестокого обращения, но и позитивные обязательства по защите людей, находящихся под юрисдикцией этих государств, от такого обращения. Суд подчеркнул в этом деле, что позитивные обязательства государства по ст. 3 есть в трех плоскостях: а) обязанности государства защитить здоровье лица, лишённого свободы; б) обязанности государства обеспечить неприменение запрещенного Конвенцией обращения в отношении всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, со стороны частных лиц; в) обязанности государств привлекать к ответственности частных лиц, наносящих ущерб свободе лиц от жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения (наказания). Отказывая заявительнице в признании нарушения Великобританией предписаний ст. 3 Конвенции, Суд отметил: «Страдания, порожденные естественно возникающими физическими или психическими заболеваниями, могут подпадать под ст. 3,

когда страдания связаны также с условиями заключения, последствиями выдворения или другими мерами, ответственность за которые лежит на государстве». Суд также отклонил требование заявительницы признать нарушение ст. 8 Конвенции, запрещающей вмешательство в частную жизнь заявительницы.

В Решении ЕСПЧ по делу «Z против Финляндии» (*Z v. Finland*) (1997) [5] Суд подчеркнул, что защита персональных данных – в данном деле медицинского характера – имеет фундаментальное значение для реализации лицом своего права на уважение частной и семейной жизни. Соответственно, государство обязано определить эффективные гарантии, чтобы предотвратить обнародование такой информации. Суд принимает во внимание фундаментальное значение защиты персональных данных, причем не только медицинских, для осуществления права на уважение частной и семейной жизни, как это гарантируется ст. 8 Конвенции. Уважение конфиденциальности данных о физическом состоянии является существенным принципом в правовых системах всех государств-участников Конвенции.

Заключение. Итак, как видим, ЕСПЧ в своих Решениях касается широкого спектра вопросов, посвященных правам пациентов. Механизм обращения пациентов в ЕСПЧ можно определить следующим образом: нарушение прав пациентов, определенных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод со стороны государства и его органов; использование национальных инстанций правовой защиты, не приносит желаемого результата пациентам, чьи права нарушены; обращение пациента в ЕСПЧ с описательным письмом о факте нарушения прав человека; получение и заполнение пациентом формуляра заявления в ЕСПЧ; оценка ЕСПЧ заявления как соответствующего критериям приемлемости к рассмотрению; переписки ЕСПЧ с пациентом и уполномоченным органом по детализации позиций сторон и их доказывания; рассмотрение дела в ЕСПЧ и вынесения решения; выполнение решения ЕСПЧ.

Список литературы

1. Сенюта І. Права пацієнтів у рішеннях Європейського суду з прав людини / І. Сенюта // Вісник Львівського університету. – Серія юрид., 2009. – Вип. 48. – С. 13–20.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод от 04.11.1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html>. (дата обращения – 20.10.2020). – Загл. с экрана.
3. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Биржиковский против Польши» (*Burzykowski v. Poland*)) (2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://curia.europa.eu/>. (дата обращения – 20.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Претти против Великобритании» (*Pretty v. the United Kingdom*)) (2002) [Электронный ресурс]. –

Режим доступа. – <http://curia.europa.eu/> (дата обращения – 20.10.2020). – Загл. с экрана.

5. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Z против Финляндии» (Z v. Finland)) (1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://curia.europa.eu/> (дата обращения – 20.10.2020). – Загл. с экрана.

УДК 347.461

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ ОБ ЭВИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Финкина А. П., Стёпина В. Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.finkina@donnu.ru, vika.stiropina@mail.ru

Введение. В рамках гражданского законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) правил об эвикции является унаследованным явлением, которое впервые упоминается у римских юристов. Под эвикцией (от лат. «eviction») – лишение владения) следует понимать истребование у покупателя имущества, которое было им приобретено, по основаниям, которые возникли до продажи. Иными словами, если продавец, который не является законным собственником реализованного имущества, продаёт данное имущество, – то именно он обязан нести ответственность перед покупателем, в случае истребования у последнего спорного имущества его законным владельцем. На данном этапе исторического развития, применение правил об эвикции является очень актуальным и спорным вопросом. Рассматриваемое нами понятие нашло своё отражение в ст. 572 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК), норма которой предусматривает ответственность недобросовестного продавца, в том случае, если в сделку вступают третьи лица, изымающие у покупателя спорный товар [1] при соблюдении некоторых условий: 1) основания, по которым третье лицо изымает у покупателя спорный товар, должны были возникнуть до исполнения договорных отношений между продавцом и покупателем; 2) недобросовестный продавец спорной вещи обязан возместить убытки, причинённые его незаконными действиями; 3) покупатель не должен был и не знал о существовании прав третьих лиц на спорный товар. Ч. 5 ст. 11 ГК предусматривает добросовестность участников гражданских правоотношений [1]. Однако анализируемая практика показывает, что в экономической деятельности порой не всегда контрагенты ведут себя добросовестно. Наиболее распространено это в случаях, когда одно лицо продаёт другому лицу вещь, не имея на неё

законных прав. В результате такая сделка не может быть признана действительной, следовательно, ни о какой передаче права собственности говорить не приходится. Законный собственник данного имущества в любой момент может изъявить право на него, и в порядке реституции все нарушенные права должны быть восстановлены, и вещь должна быть возвращена её законному собственнику. Однако в данном случае мы сталкиваемся с новым нарушением прав, но уже покупателя, ведь зачастую данная сторона таких правоотношений является добросовестной.

Основная часть. ГК не содержит в себе перечень критериев, которые подтверждали бы добросовестность лица. В рамках судебной практики была предпринята попытка создания такого перечня, однако полагаться на него всецело не стоит, поскольку само явление «добросовестности» является сугубо субъективным и относительным, а потому каждый конкретный случай необходимо рассматривать отдельно, при этом тщательно изучая все обстоятельства. Исходя из положений ст. 361 ГК можно заключить, что законодатель под добросовестным приобретателем понимает лицо, приобретшее имущество у лица, не уполномоченного на реализацию данного имущества, причём приобретатель не мог знать и не знал об этом.

Анализ вышеприведённого определения позволяет выделить несколько критериев добросовестности лица:

1. Вещь должна быть приобретена на возмездной основе. Однако законодатель предусмотрел, что приобретение вещи на безвозмездной основе также будет считаться в случае возникновения ситуации, при которой на дату, когда покупателю стало известно о том, что вещь была получена им не законно, а оплата не была произведена вообще или в полном объёме (была уплачена лишь часть), либо ещё не наступило иное встречное исполнение [2].

2. Лицо, приобретшее вещь, не знало и не могло знать о праве третьих лиц на данную вещь, т.е. то, что лицо, реализующее данную вещь, не имеет на неё законных прав.

Таким образом, стоит отметить, что законодателем установлена необходимость совокупности названных критериев для признания лица добросовестным приобретателем. Однако, вполне очевидным является то, что названные критерии являются чересчур широкими и неоднозначными для возможности наделения лица статусом добросовестного приобретателя судом. В данной ситуации необходимо обратить внимание на критерии, которые были отображены в обзорах судебной практики, хотя данный перечень не может быть и не является исчерпывающим [5, с. 91].

Следовательно, законодателем предоставлено покупателю неограниченное право на подтверждение своей добросовестности.

В случае, если лицо докажет свою добросовестность, возможно два варианта развития событий: 1) спорное имущество может быть передано первоначальному собственнику, или может быть оставлено у

добросовестного приобретателя; 2) у добросовестного приобретателя возникает право собственности на спорную вещь.

Необходимо отметить, что действующее гражданское законодательство находится на стороне покупателя, поскольку вводит презумпцию добросовестности покупателя. Потому бремя доказывания недобросовестности покупателя лежит на законном собственнике имущества, однако при этом покупатель не ограничивается в праве предоставлении суду доказательств, подтверждающих его добросовестность. Однако данное правило несколько не облегчает судьбу покупателя на практике, ведь именно ему необходимо доказать, что действовав разумно, он не знал и не мог знать о праве третьего лица на спорное имущество. Исходя из этого, представляется возможным дать практический совет ответчикам по данным гражданским спорам. По вполне обоснованным суждениям учёных-цивилистов «истец, предъявляя иск, должен представить суду данные подтверждающие, что он является надлежащим истцом, а привлекаемое лицо является надлежащим ответчиком». Поэтому, ответчику необходимо ходатайствовать перед судом о возложении на истца обязанности доказать, что именно истец является предыдущим собственником спорной вещи [4, с. 145].

Кроме указанного нами случая, зачастую лицом приобретается вещь, находящаяся в залоге, а покупатель даже не подозревает этого. По общему правилу, если такое имущество было получено на возмездной основе, а покупатель отвечает всем установленным критериям добросовестности и может доказать это в суде, то залог прекращается (ч. 1 ст. 427 ГК) [1]. Однако в этом случае на покупателя возлагается обязанность доказывания ещё и следующих моментов: 1) договор, заключённый добросовестным приобретателем, в обязательном порядке должен содержать в себе условие об отсутствии у третьих лиц каких-либо притязаний на объект договора, и что последний не имеет любых обременений; 2) добросовестный приобретатель обязан убедиться, что у продавца имеются все необходимые документы о праве собственности, а также что указанные документы не являются фиктивными либо устаревшими; 3) добросовестный приобретатель должен получить все необходимые сведения, которые подтверждают свободу приобретаемого имущества из всех возможных и свободных ресурсов (например, ЕГРП). Только таким образом у покупателя будет возможность восстановить и защитить свои нарушенные права в порядке ст. 572 ГК [1].

Выводы. Таким образом, на основании всего вышеизложенного, необходимо отметить, что основной целью закрепления в законодательстве нормы об эвикции является восстановление нарушенных прав. Эвикция является наиболее актуальным и действенным способом защиты нарушенных прав [3, с. 16]. По нашему мнению закрепление норм об эвикции и критериев добросовестности в гражданском законодательстве

ДНР позволит защитить экономические интересы контрагентов, снизить риски и обезопасить стороны от возможных мошеннических действий и наиболее полно обеспечить исполнение договорных обязательств (в первую очередь со стороны продавца).

Список литературы

1. Гражданский кодекс: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 (действ. ред. по состоянию на 05.10.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения – 08.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – Июль (№ 7).
3. Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству / В. С. Ем // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 12-45.
4. Квициния Н. В. Судебные ошибки при применении норм о замене ненадлежащей стороны судопроизводства / Н. В. Квициния, Э. О. Осадченко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 142-147.
5. Осадченко Э. О. Применение правил об эвикции в отечественном гражданском праве // Legal Concept. – 2020. – №2. – С. 89-96

УДК 347.631.4

НАСЛЕДСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕБЕНКА, ЗАЧАТОГО ПРИ ЖИЗНИ И РОЖДЕННОГО ПОСЛЕ СМЕРТИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Харжевская Т. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
t.harzhevskaya@donnu.ru

Введение. Наследование, как древнейший институт права являлся и является актуальным с позиции его исследования, развития и совершенствования, поскольку касается личных интересов человека. Особого внимания требует обеспечение наследственных прав ребенка, в том числе зачатого при жизни и рожденного после смерти наследодателя.

В правовой доктрине на протяжении всего времени существования института охраны прав зачатых, но не рожденных детей продолжается дискуссия по вопросу об их гражданской правоспособности, которая до сих пор не завершилась формулированием единого и однозначного подхода. Не сложилось и аналогичного подхода относительно

наследственно-правового статуса такого ребенка, который именуется в научной юридической литературе насцитурусом.

Основная часть. Правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением наследственных прав ребенка, осуществляется Гражданским кодексом Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР).

Появление человека как субъекта гражданского права и, соответственно, его правоспособности, по общему правилу, с момента рождения не делает юридически неважным факт его эмбрионального развития с момента зачатия до рождения. Поэтому не исключается необходимость установления правовой охраны прав и интересов зачатого ребенка как будущего субъекта права.

В некоторых случаях закон устанавливает охрану будущей, т. е. такой, которая не наступила, правоспособности, охрану интересов субъекта права, который не явился на свет.

Согласно статьи 1 Конвенции ООН о правах ребенка, принятой Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года, ребенком является каждое человеческое существо до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применяемому к данной личности, оно не достигло совершеннолетия ранее [1].

Является ли зачатый, но не рожденный ребенок субъектом права и, соответственно, имеет ли он правоспособность; может ли здесь идти речь о правоспособности лица, которое не родилось.

С момента, когда гражданин считается родившимся, он приобретает гражданскую правоспособность. В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения ДНР от 02.02.2015 №43 утверждены Медицинские критерии рождения [2], этот момент называется «живорождением», т.е. моментом отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недель и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (не менее 500 грамм при ногоплодных родах) или в лучае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при отсутствии у новорожденного признаков живорождения.

Правоспособность зачатого лица в любом случае является условной и зависит от того, родится ли он живой. Такую формулировку восприняло законодательство Венгрии и Чехии [3]. Она имеет преимущество в том, что позволяет в общей форме охранять возможные права и интересы зачатого ребенка. Если ребенок родился живым, то он тем самым приобрел гражданскую правоспособность, несмотря на то, что после того вскоре умер. Это обстоятельство имеет большое значение в наследственном праве.

Выражает интересное мнение О. О. Пунда, который отмечает, что эмбрион человека является носителем субъективного правового интереса и наделен условной правоспособностью [4, с. 44].

В законе в качестве одного из возможных наследников назван ребенок, зачатый при жизни наследодателя, но родившейся после его смерти, т. е. еще неродившийся ребенок. Такой ребенок не наделяется правоспособностью либо какими-то субъективными правами, но закон предусматривает охрану его интересов как возможного наследника, которая сводится к закреплению его возможной доли в наследстве, при условии, если ребенок родится живым. Если же ребенок родится мертвым, то он и не будет призван к наследованию.

Статья 1245 ГК ДНР [5] определяет круг лиц, которые могут призываться к наследованию по завещанию и по закону. Так, к наследованию могут призываться физические лица, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства.

В свою очередь, в статье 1272 ГК ДНР, наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя.

Таким образом, исходя из трактования вышеуказанных статей, можно сделать вывод о том, что дети в возрасте до четырнадцати лет, которые в гражданском законодательстве, а именно в ч. 2 ст. 29 ГК ДНР именуется «малолетними лицами», не могут претендовать на обязательную долю в наследстве, что ущемляет их права и законные интересы.

Аналогичная ситуация сложилась и с детьми, зачатыми при жизни наследодателя. В законодательстве отсутствует упоминание об обязательной доли на детей, зачатых при жизни наследодателя, но родившихся после его смерти. В случае составления наследодателем завещания они фактически устраняются от наследования, поскольку правом на обязательную долю обладают только несовершеннолетние дети наследодателя.

Так, в статье 1279 ГК ДНР, правом на обязательную долю в наследстве обладают несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля), если иное не предусмотрено настоящей статьей.

Однако законодатель тем или иным образом предусмотрел охрану интересов зачатого, но еще не родившегося наследника. Во-первых, при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника (ст. 1296 ГК ДНР) и во-вторых, выдача свидетельства о праве на наследство приостанавливается по решению суда, а также при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника (ч. 3 ст. 1293 ГК ДНР).

Заключение. Таким образом, необходимо внести изменения в статью 1279 ГК ДНР, и закрепить ее в следующей редакции: «правом на обязательную долю в наследстве обладают малолетние и несовершеннолетние либо нетрудоспособные дети наследодателя, в том числе, дети, зачатые при жизни и рожденные после смерти наследодателя».

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года: Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 22.10.2020).
2. О медицинских критериях рождения, определении критериев перинатального периода, порядке регистрации живорожденных и мертворожденных: Приказ Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики № 97 от 02.02.2015 г. – URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2015/03/PrikazMinZdravN97_020220151.pdf (дата обращения: 22.10.2020).
3. Романовский Г. Б. Статус эмбриона в современном праве / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2011. – № 12. – С. 23-32.
4. Пунда О. О. Проблема цивільної правоздатності ембріона та плода людини / О. О. Пунда // Життя і право. – 2004. – № 97. – С. 42 – 48.
5. Зинурова А. Д. Проблемы наследственного права / А. Д. Зинурова // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 12 (30). – С. 210 – 215.

УДК 347.53

ОСНОВАНИЕ И УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Харжевская Т. С., Кобыльская И. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
t.harzhevskaya@donnu.ru, aspirinabk@gmail.com

Общеизвестным фактом является то, что на протяжении всей жизни в обществе, человек довольно часто подвергается вмешательствам в его привычные и комфортные условия жизни, подвергаясь физическим и нравственным страданиям, однако право требования восстановления нарушенного благосостояния, в нашем случае, компенсации морального вреда возникает у такого лица не во всех случаях. Для этого необходимо установить основание и условия ответственности нарушителя за причинение морального вреда.

Когда мы говорим об основании и условиях возникновения обязательства по компенсации морального вреда мы говорим об основании

и условиях происхождения деликтной ответственности за причинение морального вреда.

Основания и условия гражданской ответственности являются спорными в теории гражданского права и по этому поводу высказано множество суждений. Такие ученые как Кузбагаров А. Н., Рассолов М. М., Алексей П. В. термины «условия» и «основания» рассматривают как синонимы [1], однако преобладающим является мнение, что это различные понятия. Смирнов В. Т. и Собчак А. А. описывают различия этих понятий таким образом: «Основание – это то, что порождает какое-либо явление, фундамент, на который последнее опирается и который определяет его природу. В свою очередь условие – это те признаки, которые характеризуют основание, и без наличия которых явление не может возникнуть» [2].

Так, Белов В. А. пишет, что наиболее распространенными основаниями возникновения правоотношений по компенсации морального вреда являются неправомерные вредоносные деяния – гражданские правонарушения [3]. По этому поводу высказывались и другие мысли касательно основания деликтной ответственности. Среди прочего, многие авторы основанием внедоговорной ответственности считают причинение вреда.

Так, Суханов Е. А. полагает, что основанием деликтной ответственности является не правонарушение, а лишь факт причинения вреда [4]. Однако причинение вреда в различных случаях, может быть и правомерным, и тогда в большинстве своем обязанность его возместить вообще не возникает, если иное не предусмотрено законом, например, в случае причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

Вполне обоснованной является позиция Слесарева В. Л., который заявлял, что для наделения терминов «основание» и «условие» функций терминов, имеющих достаточно конкретное значение, под юридико-фактическим основанием деликтного правоотношения необходимо понимать совершение гражданского правонарушения, а под условиями – отдельные элементы состава гражданского правонарушения [5].

Так, одним из основных условий ответственности по компенсации морального вреда в гражданском праве является сам факт наличия морального вреда, что выражается в претерпевании потерпевшим физических и/или нравственных страданий. По мнению большинства ученых, отличительная черта морального вреда содержится в том, что вредные потрясения, вызванные переживаниями, протекают в сознании пострадавшего и реакция, которая может проявляться вовне, имеют сильную взаимосвязь с особенностями психики потерпевшего. В силу своей специфической исключительности моральный вред, в отличие от вреда имущественного, может не иметь внешней формы проявления, что, в

свою очередь, делает проблематичным процесс доказывания наличия морального вреда. Если физические страдания могут подтвердиться освидетельствованием врача и данными экспертизы, то факт наличия нравственных страданий суд не может установить с требуемой достоверностью. Ведь нравственные страдания состоят из испытываемого страха, тревоги и унижения, беспомощности, стыда, в переживании иного дискомфортного состояния. Единственным свидетелем в таких случаях может быть лишь сам пострадавший, лицо заинтересованное. В практике судов нередко наблюдается применение презумпции причинения (наличествования) морального вреда, которая основывается на том, что суд, установив факт нарушения неимущественных прав и благ, признает моральный вред причиненным и взыскивает компенсацию. На данный момент презумпция причинения морального вреда, ее применение прямо не вытекает из законодательства, поэтому необходимо обращаться к общему правилу ч. 1 ст. 60 Гражданского процессуального кодекса Украины [6] о том, что каждая из сторон обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Следует сказать о необходимости включения в гражданское законодательство нормы права, которая консолидировала бы презумпцию причинения морального вреда. Поскольку любое противозаконное вмешательство в жизнь или причинение неимущественного вреда действиями/бездействием лицу, посягает на нормальное использование прав и благ человека, причиняет ему моральный вред, а также посягает на его правовую защиту и отрицательно сказывается на его самооценке и положении в обществе.

Но необходимо помнить, что в случаях применения презумпции морального вреда, с целью получения справедливой компенсации, доказыванию будет подлежать размер компенсации морального вреда, а для этого пострадавшему необходимо будет как можно полнее охарактеризовать наличие умаленных благ и степень своих страданий, предоставив достаточно доказательств в подтверждение этому. В силу специфической природы морального вреда его наличие достаточно сложно доказать, а введение на законодательном уровне презумпции морального вреда способствовало бы решению проблемы формирования доказательственной базы по данной категории дел [7]. Посягательство на личные неимущественные права, нарушение нематериальных благ, на наш взгляд, априори причиняет неудобства и страдания человеку.

Поддерживая мнение ученых относительно положения о том, что гражданско-правовая ответственность основывается на понятии деликта как единственного основания такой ответственности, считается также, что обязательным условием для компенсации морального вреда со стороны

причинителя, то есть привлечения его к ответственности, является наличие в его действиях состава гражданского деликта. Элементами гражданско-правового деликта принято считать, кроме деликтоспособности самого нарушителя, также наличие вреда, противозаконность действий причинителя, причинная связь между противозаконными действиями и причиненным вредом, а также вину нарушителя, за исключением случаев, когда вина не является условием ответственности.

Если говорить о причинной связи, то стоит заметить, что это философская категория. Используя те или иные философские положения, наука гражданского права не создает качественно нового понятия этой связи, а лишь устанавливает его особенности по деликтным обязательствам. Причинная связь в гражданско-правовом смысле, а в положении о причинении морального вреда, означает, что вред порождается противоправным деянием нарушителя. Причинная связь выражает прослеживаемую цепь противозаконных действий и вреда, при образовании которого противоправность является причиной, а вред – следствием. Причинитель обязан нести ответственность только за тот вред, который является следствием его поведения.

В доктрине гражданского права проблема причинной связи не так широко исследована, как, скажем, в теории уголовного права, которая уделяет этому вопросу гораздо больше внимания. Поэтому, по нашему мнению, было бы целесообразно использовать отдельные положения концепции причинно-следственной связи, разработанные учеными-криминалистами при исследовании гражданско-правовых деликтов, также и тогда, когда дело касается факта причинения морального вреда.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса, отдельного внимания требует изучение положения о том, что мнения ученых-цивилистов сходятся в своих высказываниях относительно того, что обязательным условием возникновения ответственности у правонарушителя за причинение морального вреда является также вина причинителя вреда. Под термином «вина» подразумевается психическая связь нарушителя с противоправным действием или бездействием и их результатом, правовое содержание которого составляет желание или нежелание наступления вредоносного результата, возможность или невозможность предвидения его наступления либо избежания нежелательных результатов в последствии [8].

Сложившееся на сегодняшний день законодательство не уточняет различий характера ответственности в зависимости от формы вины причинителя морального вреда. Степень вины причинителя вреда, при этом, учитывается при определении размера компенсации морального вреда. Полагаю, необходимым установление в законодательстве Донецкой Народной Республики, таких мер определения размера компенсации

морального вреда, как форма и степень вины нарушителя, что еще более обеспечит относительное единообразие в правоприменении судами норм и положений о компенсации морального вреда и определении его размера.

В заключение хотелось бы обозначить, что в случаях возникновения обязательств по компенсации морального вреда в гражданском праве, не редко, необходимо наличие полного состава гражданского правонарушения, который базируется на наличии морального вреда у пострадавшего, противоправного поведения причинителя вреда, причинной связи между вышеуказанными элементами условий и вины нарушителя. Обозначенные условия считаются самостоятельными, однако в комплексе являются основанием для наступления гражданско-правовой (деликтной) ответственности, с учетом того что, компенсация морального вреда допускается с исключениями, когда ответственность наступает в состоянии крайней необходимости (при отсутствии одно из критериев – противоправности), а также независимо от вины причинителя.

Список литературы

1. Рассолов М. М., Алексий П. В., Кузбагаров А. Н. Гражданское право: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Рассолов М. М. – М.: Юрлитиздат. – 2010. – 800 с.
2. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: уч. пос. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 56 с.
3. Белов В. А. Гражданское право: особенная часть: учебник. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – С. 265.
4. Гражданское право: в 4 т. Обязательственное право: учебник. Том 4. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Суханова Е. А. – М.: «Волтерс Клувер», 2008. – 605 с.
5. Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 1980. – С. 7.
6. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Закон Украины от 18 марта 2004 года № 1618-IV (в редакции, действующей по состоянию на 14 мая 2014 г.). – Сумы: Общ. «ВВП НОТИС», 2016. – 30 с.
7. Шеленговский П. Г., Дюкарева А. А. Институт морального вреда в России: пробелы правового регулирования и перспективы закрепления принципа презумпции морального вреда // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 162-165.
8. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Вина в гражданском праве: нормативно-правовой и и юридико-фактический аспекты // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16. – № 1. С. 57–66.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Хобта А. Д.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anna-hobta@mail.ru

Семейный кодекс Донецкой Народной Республики в ч. 2 ст. 10 устанавливает: «Права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния» [1].

Заключенный в установленном порядке брак порождает разнообразные по своему содержанию права и обязанности супругов. Отношения, возникающие между супругами, подразделяются на личные неимущественные и имущественные.

Сфера семейных правоотношений, включая имущественные права и обязанности супругов, и проблемные вопросы, которые связаны с разрешением семейно-правовых имущественных споров, привлекают пристальное внимание ученых.

Большинство авторов считают невозможными исследования в этой области без изучения истории семейного права и имущественных отношений супругов, включая неоднократно изменяющийся объем их имущественных прав.

Журавлева А. А., рассматривая генезис правового регулирования имущественных отношений супругов, выделяет три основных периода, которые предшествовали становлению современного правового регулирования имущественных отношений в сфере семейного права:

1) период зарождения основ семейного имущественного права в Древней и Московской Руси;

2) установление и закрепление «принципа раздельности имущества» (XVIII- начало XX вв.);

3) советский период (от первых советских декретов до Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года) [2].

Филиппов С. А. в своей статье указывает, что в дохристианский период развитие семейно-правовых норм Древней Руси происходило согласно языческим обычаям.

Сферу имущественных отношений супругов регулировали нормы обычного права, которые не облачались в форму законодательных, иных нормативных правовых актов в нынешнем их понимании. На тот момент имущественные отношения супругов имели достаточно незамысловатые

форму и содержание. Имущественное положение жены зависело от формы заключения брака:

1) при заключении брака через похищение или покупку невесты сложно было говорить об имущественных правах жены;

2) при совершении брака с помощью приведения невесты, что связывалось с принесением приданого родственниками невесты в дом жениха, некоторые виды такого имущества, в частности, личные одежда, украшения де-факто и де-юре признавались имуществом жены [3, с. 147].

Захаров А. И в своей работе утверждает, что в Древней Руси бытовало и что-то наподобие брачного договора (контракта) в нынешнем его понимании, но в этом квази-договоре содержались в основном необходимые условия покупки невесты. Процедура покупки включала два этапа:

1 – сватовство, т.е. приезжали сваты на смотрины невесты для обсуждения величины (стоимости) выкупа и срока заключения брака.

2 – рукобитье, т.е. заключалась соответствующая сделка между сторонами: родителями жениха или самим женихом и родителями невесты.

В период после крещения Руси в 988 году впервые появилось что-то наподобие законного режима имущества супругов, а именно правовой режим, устанавливающий равенство супругов в имущественных отношениях: муж не имел права распоряжения относительно имущества жены без ее согласия, а после кончины супруга овдовевшая приобретала некоторые права относительно части совместно нажитого имущества. Этот правовой режим автор характеризует в качестве режима ограниченной общности супружеского имущества.

В Русской правде XII века предусматривался правовой режим раздельности супружеского имущества, согласно которому жена обладала своим личным имуществом, а муж привлекался к ответу по своим долгам личным имуществом, не привлекая при этом личного имущества супруги.

В московский период истории России, по мнению автора, раздельность супружеского имущества поэтапно переходила к общности супружеского имущества с элементами раздельности в качестве исключения. Общее право собственности супругов на вещи распространялось на имущество, которое при вступлении в брак предназначалось на общие цели семьи, и на имущество, которое было приобретено супругами в браке. При этом сохранялись и явные черты раздельности имущества супругов [4, с. 60-62].

Алексеев А. А. в своем диссертационном исследовании указывает на правовой характер имущественных отношений супругов в Российской империи, которые потому можно считать видом правоотношений, под которыми дореволюционная юриспруденция понимала отношения между лицами, урегулированные нормами объективного права, или любые бытовые отношения, определяющиеся юридическими нормами.

Возникновение отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления средств и продуктов производства являлось основным признаком имущественных отношений. Имущественными считались отношения между людьми относительно имущества, в связи с нахождением имущественных благ у конкретного лица, либо в связи с их переходом от одного к другому лицу.

Отношения супругов относительно имущества в XVIII веке характеризовались принципом раздельности: раздельности имущества, раздельности долгов, раздельности ответственности. Тем не менее, было исключение – несостоятельность супруга, которая является основанием для ареста и выставления на продажу имущества, относительно которого не было необходимых документов, которые подтверждали бы его принадлежность одному из супругов [5, с. 12-14].

Елисеева А. А., рассматривая в генезис имущественных отношений супругов, в своей статье указывает, что в советский период принцип равенства супругов в имущественных отношениях приобрел новый этап в развитии.

Первый кодифицированный акт советского семейного законодательства – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР содержал ранее имевшееся правило о том, что брак не создает общности имущества супругов.

Однако во втором кодифицированном акте – Кодексе законов о брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, содержалось правило о том, что имущество, приобретенное лицами до вступления в брак, остается раздельным, а имущество, приобретенное в браке, – общим имуществом супругов. И размер доли каждого супруга определялся судом.

Принцип общности имущества нашел свое дальнейшее закрепление и в Кодексе о браке и семье РСФСР [6, с. 120-121].

Более того, по мнению Е. А. Чефрановой, нормы семейного права, регулирующие совместную собственность супругов и составляющие ядро имущественных отношений в семейном праве, выдвигались на первый план в сравнении с другими мерами правовой защиты семьи. Большинство ученых того времени считали, что принцип общности имущества супругов был прямо направлен на укрепление семьи, поскольку все приобретенное в браке является общим вне зависимости от размеров непосредственных материальных вложений супругов [7, с. 22].

Нормы современного семейного права претерпели серьезные изменения, однако режим совместной собственности супругов был сохранен в качестве законного режима имущества супругов.

Список литературы

1. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики № 172-ПНС от 17.07.2020 (ред. по сост. на 01.09.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/>

- zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (Дата обращения 20.10.2020)
2. Журавлева А. А. Историческое развитие правового регулирования имущественных отношений супругов / А. А. Журавлева // Современные проблемы науки. – 2017. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: science.esrae.ru/205-983 (Дата обращения 20.10.2020)
 3. Филиппов С. А. История развития правового регулирования имущественных отношений супругов в России / С. А. Филиппов, Т. П. Андриянова // Молодой ученый. – 2018. – № 3 (189). – С. 147-149.
 4. Захаров А. И. Историческое развитие правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве / А. И. Захаров // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 5. – С. 60-67.
 5. Алексеев А. А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской Империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Алексеев Андрей Анатольевич. – Челябинск, 2007. – 31 с.
 6. Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы / А. А. Елисеева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5 (78). – С. 118-125.
 7. Чефранова Е. А. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве / Е. А. Чефранова // История государства и права. – 2006. – № 11. – С. 19-22.

УДК 347:654

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хуснутдинова Я. Л.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
21linasovna@gmail.com

Статья 35 Конституции Российской Федерации предусматривает право наследования. Конституция Российской Федерации также предусматривает равные права граждан в области наследственного права независимо от их языка, расы, социальных и иных характеристик. Законодательство России о наследственных отношениях дает гарантию закона.

В настоящее время очень актуальны проблемные вопросы, возникающие в сфере наследственных правоотношений. Это напрямую связано с развитием российской правовой системы, а также с развитием рыночных отношений и закреплением прав частной собственности, значительно расширяющих круг объектов, которые могут быть переданы по наследству. Еще одной причиной можно назвать низкий уровень

правовой культуры нынешнего населения, во многих случаях некорректное оформление прав наследования граждан является одной из причин судебных конфликтов в подобных случаях.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет три вида наследования: по завещанию, по закону, по договору наследства.

Последний способ наследования законодательно закреплен относительно недавно, а именно, Федеральным законом «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19 июля 2018 года. По общему правилу к наследственным договорам применяются нормы о завещании (п. 1 ст. 1118 ГК РФ), но нет полных оснований полагать, что имеются в виду абсолютно все законодательные положения. В частности, уточнение о возможности удостоверения наследственных договоров по аналогии с завещаниями должностными лицами органов местного самоуправления, было бы весьма полезным (порядок такого удостоверения предусмотрен п. 7 ст. 1125 ГК РФ и ст. 37 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1).

Наследственные договоры являются успешным инструментом по распоряжению наследственным имуществом именно в силу своего договорного характера. Участвуя в соглашении о наследовании, наследники могут заранее знать, как наследство будет передано и подписывая, они фактически соглашаются с завещанием наследодателя. Изменение и расторжение договора могут быть осуществлены только по соглашению сторон или постановлению суда, что также означает, что они непосредственно участвуют в процессе внесения любых изменений в договор.

Завещатель может заранее подписать договор о наследстве с кем угодно (независимо от того, является он родственником). Соглашение определяет порядок передачи прав собственности с соблюдением или без соблюдения каких-либо условий. Например, наследник принимая наследство обязуется пожизненно содержать до конца дней одного или нескольких членов семьи и т.д. Такой договор о наследовании имеет приоритет перед завещанием. Договор считается заключенным после нотариального заверения и регистрации, но вступает в силу только после смерти наследодателя. Пока что личность несовершеннолетних детей, родители которых умерли, не закреплена в законодательстве. Обычно судьба таких детей после потери родителей остается неопределенной. Решением этой проблемы может быть добавление пункта в ст. Гражданский кодекс 1140.1 Российской Федерации предусматривает право наследника по завещанию определять опекуна или попечителя (с согласия назначенного лица) несовершеннолетнего ребенка в договоре о наследовании. Точно так же в этом соглашении наследодатель устанавливает собственность, и назначенный опекун имеет право

оплачивать имущественные расходы, чтобы заплатить опекунский сбор и вознаграждение опекуна. В этом случае права собственности переходят к несовершеннолетним детям наследодателя, над которыми установлена опека или попечительство.

Аналогичным образом, согласно нововведению закона, завещание может составлять не только одно лицо, но и граждане (общая воля супругов), заключившие брак друг с другом на момент заключения договора. Завещание имеет свои особенности: когда брак расторгается или признается недействительным судом, и участники отказываются от завещания, завещание становится недействительным. [2]

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает завещание при особых обстоятельствах (статья 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации) – гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами Гражданского кодекса Российской Федерации, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме. Изложение гражданином последней воли в простой письменной форме признается его завещанием, если завещатель в присутствии двух свидетелей собственноручно написал и подписал документ, из содержания которого следует, что он представляет собой завещание. В законе отсутствует понятие раскрытия особых обстоятельств. Выполнить это будет сложно. Все зависит от наследников и связанных лиц, считают ли они, что завещание было составлено при особых обстоятельствах без какого-либо давления, или они откажутся от завещания. В этом случае это будет спорный вопрос, который решит суд, но только в том случае, если заинтересованное лицо обратится за судебной защитой до истечения срока принятия наследства. В каждом конкретном случае суд должен определить очевидную угрозу жизни наследодателя, и в силу особых обстоятельств невозможно составить завещание в другой форме, предусмотренной законом. После того, как суд проверит все доказательства, он подтвердит факт написания завещания в экстренных случаях или отклонит его.

Таким образом, проведя анализ нормативных актов, регулирующих отношения в области наследственного права, роль наследственного права значительно возросла. Совершенствование законодательства, регулирующего наследственные отношения, тесно связано с развитием науки о наследственном праве, и многие из этих вопросов до сих пор не решены. Например, до сих пор среди ученых нет единого мнения относительно концепции и характера наследственных правоотношений; возможность опровержения предположения о принятии наследства наследником, совершившим фактически действия, по его принятию, вызвала дискуссию; возникают разногласия, связанные с вопросом о составе наследства, не достаточно разработаны на теоретическом уровне

отдельные аспекты доверительного управления наследственным имуществом.

Проблемы в данной области права также связаны с некоторыми недоработками, в области законодательства. В данной статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы, а также предложены возможные пути их решения. Все вышеизложенное, свидетельствует, о том, что законодательство должно развиваться, с учетом социального уровня населения и экономического уровня страны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Собрание законодательства. – 2014. – № 3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 233.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ // Российская газета. – 2018. – № 160.

УДК 347.731.1

К ПРОБЛЕМЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Швайковская В. Н., канд. юрид. наук, доц., *Афонина Ю. Г.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
trud-vn@mail.ru; tec01@mail.ru

Введение. Сделки с недвижимым имуществом представляют собой значительную часть имущественного оборота. Это обусловлено постепенным вовлечением в гражданский оборот все большего числа недвижимых объектов, относительной сложностью их состава и недостаточной четкостью законодательных норм, регулирующих осуществление таких сделок. В современных условиях при разрешении споров с недвижимым имуществом особую актуальность приобретают вопросы признания таких сделок недействительными.

Цель работы состоит в постановке проблемных вопросов, связанных с признанием сделок с недвижимым имуществом недействительными.

Основная часть. Круг сделок с недвижимостью является достаточно обширным и включает в себя практически все основные виды договоров гражданско-правового характера. Общепринято, что сделки с недвижимостью, как и другие сделки, должны соответствовать условиям действительности, которые предполагают признание за сделкой качеств

юридического факта, порождающего конкретный правовой результат, к которому стремились субъекты сделки [1].

Признание сделки недействительной в качестве способа защиты гражданских прав направлено на достижение общих целей предупреждения противоправных действий и восстановления нарушенных прав путем недопущения исполнения порочной сделки, а в случае исполнения сделки на момент предъявления иска – применение последствий недействительности частично или полностью исполненной сделки [2].

Как известно, недействительные сделки делятся на ничтожные и оспоримые. Оспоримой является сделка в силу признания ее таковой в судебном порядке по предусмотренным законом основаниям. Ничтожной признается сделка, которая выступает недействительной сама по себе, независимо от признания ее таковой в судебном порядке. Так, сделка может считаться ничтожной в таких случаях:

- она посягает на публичные интересы и права, либо права третьих лиц, охраняемые законом;
- ее цель заведомо противоречит правопорядку либо нравственным общественным основам;
- нарушены форма осуществления сделки или требования о ее государственной регистрации;
- сторона сделки является недееспособной;
- мнимые и притворные сделки [5].

К. Ю. Казанцева приводит, что не все сделки, которые могут быть признаны недействительными, влекут за собой последствия недействительности сделок и выступают предметом разбирательства в суде. Это возможно в случае, если сделка обладает некоторыми пороками, но не нарушает ни права и охраняемые законом интересы сторон, которые заключили соглашение, ни интересы третьих лиц. Признание сделки недействительной только из-за того, что в ней обнаружены определенные пороки, но без цели защиты прав и интересов субъектов договора, противоречит основам гражданского права.

Таким образом, стороне договора для того, чтобы добиться признания его недействительным, необходимо обосновать свое право на иск о признании сделки недействительной: доказать в судебном порядке, что оспариваемое соглашение нарушает его права или интересы. В случае, когда сделка оспаривается в интересах третьих лиц, доказыванию подлежит факт нарушения их прав или интересов [3].

Таким образом, в действующем законодательстве отграничиваются понятия оспоримой и ничтожной сделки. Проблемным моментом в правовом регулировании данного вопроса является отсутствие четкого и закрепленного законодательно перечня тех правовых последствий

признания недействительной сделки с недвижимостью, которые должны быть отражены в судебном решении.

Так, нормами Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, принятого 13.12.2019 г. №81-ПНС (ГК ДНР) [1], не определено, надо ли в решении суда признавать недействительным зарегистрированное право либо прекращать право собственности лица. Это может значительно усложнить процесс исполнения судебного решения о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности. На законодательном уровне не урегулированы вопросы деятельности органа регистрации при вынесении таких решений судами. Это может привести к возникновению больших трудностей в практической реализации, поскольку решение этих вопросов определяет объем тех действий, которые будет предпринимать на основании данного решения регистрирующий орган.

Также заслуживает более детального правового регулирования ситуация, в которой судебный орган может применить последствия недействительности ничтожных сделок по требованию любого заинтересованного субъекта, а также по собственной инициативе. К примеру, могут возникнуть сложности при рассмотрении в суде спора экономической направленности, в котором требование истца не предусматривает признание сделки недействительной, но суд фактически усматривает ничтожность сделки, связанной с возникшим спором. С одной стороны, согласно ст. 216 ГК ДНР, суд должен оценивать сделку на предмет ее недействительности (ничтожности). В то же время, если в конкретном споре истец не преследует цели признания сделки ничтожной и применения к ней правовых последствий недействительности, отсутствуют законодательные гарантии того, что суд не превысит полномочия, применяя по собственной инициативе правовые последствия недействительности сделки. В этом случае важно учитывать, что у судебного органа нет прав для изменения основания иска, а также возможности выходить за рамки исковых требований.

В связи с этим в юридической практике принято, что законодатель наделяет суд только правом по собственному усмотрению признать сделку ничтожной. Право суда на применение последствий недействительности ничтожной сделки будет возникать, если будет иск о признании недействительной ничтожной сделки, который удовлетворен [2]. Вероятно, это подтверждает и ст. 13 ГК ДНР, признающая должным способом защиты для ничтожной сделки только применение последствий ее недействительности, что относит споры о признании недействительной ничтожной сделки к разрешению судами в общем порядке.

Заключение. Таким образом, недействительность фактически является формой лишения сделки юридической силы, установленной с целью защиты и охраны нарушенных прав и интересов. Проблемным

моментом правового регулирования является отсутствие закрепленного в законе перечня правовых последствий признания недействительной сделки с недвижимостью, которые должны быть отражены в судебном решении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: принят 13.12.2019г. №81-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Дата обращения: 20.09.2020.
2. Гутников О. В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования ГК Российской Федерации / О. В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – №2. – С.48-67.
3. Казанцева К. Ю. Актуальные проблемы признания сделки недействительной как способа защиты гражданских прав / К. Ю. Казанцева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (31). – С.107-112.
4. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е. А. Суханов [и др.]. – 4-е изд., стер. – Москва: Статут, 2015. – 958с.
5. Савченко Е. Я. Проблемы правового регулирования недействительных сделок / Е. Я. Савченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – №2 (9). – С. 12–16.

УДК 347.1

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Шеколенко Т. В., Зарочинцев Д. Р.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
Shekolenko2@mail.ru, d_z_01_urd@mail.ru

В условиях демократизации общества возникает необходимость правового обеспечения эффективности функционирования рыночных отношений, а, соответственно, и разработки новых механизмов осуществления и защиты субъективных гражданских прав в которых учитывалась бы необходимость расширения границ диспозитивности в правовом регулировании гражданских правоотношений. Правовая конструкция альтернативного обязательства не является новой ни для гражданского законодательства Донецкой Народной Республики ни для законодательства других стран.

Проанализировав положение о выполнении альтернативного обязательства, содержащихся в нормативно-правовых актах Донецкой Народной Республики и зарубежных стран, следует обозначить, что акты можно условно разделить на 2 группы. К первой группе можно отнести Гражданский кодекс (далее – ГК) Франции[1], Гражданское уложение Германии [2], ГК Азербайджана [3] и Молдовы [4], где альтернативное обязательство рассматривается в полном объеме. Ко второй группе относятся ГК Украины [5], России [6], Казахстана [7] и Беларуси [8], Донецкой Народной Республики [9], где правовое регулирование рассматриваемых отношений ограничивается коротким определением альтернативного обязательства с указанием общего правила о предоставлении права выбора должнику.

В частности, в ст. 539 ГК Украины указано, что альтернативным является обязательство, в котором должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий. Должник имеет право выбора предмета обязательства, если иное не установлено договором, актами гражданского законодательства, не вытекает из существа обязательства или обычаев делового оборота[5].

В ст. 308.1 ГК РФ «Альтернативным признается обязательство, по которому должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий (воздержаться от совершения действий), выбор между которыми принадлежит должнику, если законом, иными правовыми актами или договором право выбора не предоставлено кредитору или третьему лицу [6]».

Статья 369 ГК Донецкой Народной Республики также закрепляет лишь определение альтернативного обязательства вместе с моментом, когда обязательство перестаёт быть альтернативным [9].

В законодательстве зарубежных стран дело обстоит иначе. Т. Е. Логинова и А. В. Захаркина в вопросе исследования понятия альтернативного обязательства обращает своё внимание на то, что в законодательстве таких стран как Франция, Германия, Италия, Квебек и др. регулирование альтернативного обязательства осуществляется несколькими статьями. Так, нормы зарубежных кодексов устанавливают субъектов выбора обязательства (кредитор, должник, или же третье лицо), условия изменения выбора обязательства и перехода права выбора обязательства между сторонами правоотношения, и др. [10]. Данный подход считается обоснованным, поскольку при возникновении таких правоотношений не приходится обращаться к общей теории гражданского права, так как все существенные положения указаны в законе.

Петров В. С. в своей работе «Альтернативное обязательство по российскому гражданскому праву» наоборот, предлагает дополнить основную конструкцию альтернативного обязательства, не разбивая её на отдельные моменты. В текущее определение он предлагает включить такие

квалифицирующие признаки как: юридическая обязанность совершения выбора и субъективное право требовать совершения выбора [11].

В Англии, в литературе, альтернативное обязательство обычно упоминается в контексте классификации обязательств, наряду с факультативным обязательством, как обязательство с осложнением объекта; большое количество вопросов на практике также касается квалификации обязательств как альтернативных или факультативных, что свидетельствует о необходимости различия этих понятий. Кроме того, проблема правовой природы выбора в альтернативном обязательстве рассматривается в контексте проблемы классификации юридических фактов в сделки и юридические поступки, а также в контексте отделения субъективных и секундарных прав [12, с. 45]. Следует также отметить, что в гражданском праве понятие альтернативы применяется достаточно часто, однако не всегда это касается альтернативного обязательства. Например, А. В. Лехкар, исследуя договоры присоединения, классифицирует их условия, в частности по способу их согласования. При этом, ученый отмечает, что альтернативные условия по своей природе ближе к продиктованным, чем к взаимосогласованным, поскольку «выбор в конечном итоге сводится к одной из предложенных возможностей».

Следовательно, можно сделать вывод, что законодательное закрепление норм об альтернативном обязательстве является следствием необходимости существования этой правовой конструкции, которая сложилась исторически. Кроме того, для эффективного мотивированного регулирования гражданских отношений необходимо четкое разграничение понятий альтернативы вообще, как проявления диспозитивности, и альтернативного обязательства в частности, так и альтернативного обязательства и похожих и смежных с ним правовых конструкций.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Захватаев; предисл. А. Довгерт, В. Захватаев; прил. 1-4 В. Захватаев; отв. ред. А. Довгерт. – Киев: Истина, 2006. — С. 223
2. Гражданское уложение Германии : пер. с нем. / Бергманн В. – 3-е изд., Доп. – М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 1
3. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года № 779-IQ по состоянию на 15.05.2015. URL: http://continent.online.com/Document/?doc_id=30420111 (дата обращения: 07.09.2020)
4. Гражданский кодекс Республики Молдова. Книга третья. Обязательства. от 6 июня 2002 года № 1107- XV по сост. на 27.03.2014. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 07.09.2020)
5. Гражданский кодекс Украины от 16. 01. 2003 №435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#Text> (дата обращения: 07.09.2020)
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3 по состоянию на 05.01.2015 URL: <https://xn---7sbakgchdukjdc8auvwj.xn--90ais/> (дата обращения (07.09.2020)

7. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года по состоянию на 15.05.2015. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30415161 (дата обращения: 07.09.2020)
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30.11.1994 N 51-ФЗ URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1> (дата обращения: 07.09.2020)
9. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики по сост. на 07.09.2020 URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 07.09.2020)
10. Логинова Т. Е., Захарина А. В. «Факультативные и альтернативные обязательства в праве РФ и зарубежных правовых порядках: сравнительно-правовое исследование», 2014. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-1-23-2014/27-2010-12-01-13-31-58/1-23-2014/558-loginovate-zaxarkinaav-fakultativnye-i-alternativnye-obyazatelstva-v-prave-rf-i-zarubezhnyh-pravoporyadkax-sravnitelno-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 12.09.2020).
11. Петров В. С. «Альтернативное обязательство по гражданскому праву», 2006. – URL: <https://www.dissercat.com/content/alternativnoe-obyazatelstvo-po-rossiiskomu-grazhdanskomu-pravu> (дата обращения 12.09.2020)
12. Иванова С. А. К вопросу о понятии секундарных прав и правоотношений // Власть закона. 2010 – №2 URL: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-ponyatii-sekundarnyh-prav-i-pravootnosheniю> (дата обращения: 12.09.2020)

УДК 347.1

БАНКОВСКАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Шеколенко Т. В., Крамарчук И. О.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
Shekolenko2@mail.ru, ira13012001@rambler.ru

Введение. Вступивший в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики значительно расширил совокупность норм, регламентирующих независимую гарантию, как способ обеспечения исполнения обязательств. Несмотря на преимущества гарантий использование данного способа составляют незначительную часть в сравнении с иными способами, закрепленными в Гражданском кодексе Донецкой народной Республики. Данное положение может быть обусловлено тем, что в Донецкой Народной Республике отсутствует специальная правовая норма, регламентирующая порядок применения независимой гарантии, как способа обеспечения обязательства. В связи с вышеуказанным, по нашему мнению, следует установить верную трактовку нормативно-правовой основы, которая необходима для применения независимой гарантии в качестве способа обеспечения обязательства.

Основная часть. Исследование отдельных аспектов гарантии как способа обеспечения обязательств в своих работах затрагивали О. Н. Садилов, Б. М. Гонгалов, А. Л. Меламед, А. В. Латынцев, Г. Аванесова, Л. Бирюкова и др. Так, по мнению О. Н. Садилова банковские гарантии представляют собой обязательства, дающие кредитору дополнительные юридические возможности для защиты его прав по сравнению с общими положениями о надлежащем исполнении обязательств и гражданско-правовой ответственности [3]. Наука гражданского права трактует понятие банковской гарантии как один из видов исполнения обязательств, закрепленный гражданским законодательством, при котором гарант (банк, страховая организация или иная коммерческая организация) при обращении принципала (должника) выдает обязательство уплатить бенефициару (кредитору) определенную обязательством денежную сумму при предоставлении требований об уплате.

Проанализировав законодательство Донецкой Народной Республики, стоит отметить, что вступивший в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики значительно расширил объем правовых норм, регламентирующих гарантию как способ обеспечения обязательств. Данное утверждение может быть подтверждено такими положениями:

– статья 461 ГК ДНР закрепляет, что по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства [1]. Статья 560 ГК Украины говорит о том, что по гарантии банк, другое финансовое учреждение, страховая организация (гарант) гарантирует перед кредитором (бенефициаром) выполнение должником (принципалом) своей обязанности [2]. Следовательно, можно говорить о том, что законодатель Донецкой Народной Республики закрепил независимую гарантию, как не обеспечение исполнения обязательств третьими лицами, а как обеспечение исполнением обязательств, выраженном в выдаче обязательства уполномоченным на это органом уплатить определенную обязательством денежную сумму в пользу должника;

– ГК ДНР закрепляет, что независимые гарантии могут выдаваться банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), а также другими коммерческими организациями [1]. В ГК Украины законодатель не закрепил кто может выдавать гарантии, а, следовательно законодатель Донецкой Народной Республики четко определил отличие независимой гарантии от поручительства;

– ГК ДНР и Украины различным образом регламентируют вопрос в части передачи прав по независимой гарантии. ГК Украины закрепляет, что такая передача невозможна, если иное не предусмотрено гарантией [2]. Законодатель ДНР расширил условия появления возможности передачи

таких прав. Так, в ГК ДНР закреплено, что передача бенефициаром прав по независимой гарантии другому лицу допускается лишь при условии одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству [1]. Также, в случае если по условиям независимой гарантии допускается передача бенефициаром права требования к гаранту, такая передача возможна лишь с согласия гаранта, если в гарантии не предусмотрено иное;

– статья 463 ГК ДНР закрепляет правовые нормы, трактующие вопрос отзыва и изменения независимой гарантии [1]. Законодатель Украины данный вопрос не освещает, что при применении на практики банковской гарантии создает проблемы применения данного вида исполнения обязательства.

Также стоит отметить, что понятие банковской гарантии закреплено в Законе Донецкой Народной Республики «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики». Однако процедура предоставления банковской гарантии не закреплена в указанном нормативно-правовом акте. Из этого следует, что данная процедура требует тщательной разработки и закрепления в законодательной системе Донецкой Народной Республики.

Заключение. Подводя итог, по нашему мнению, во внимание следует брать то, что законодательная база, регламентирующая независимую гарантию, с принятием Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики значительно расширила объем правовых норм, чему свидетельствует проведенное исследование. Однако процессуальный порядок применения данного вида гарантии, несомненно, является значимым для исполнения одних из основных принципов исполнения обязательств — надлежащего и реального исполнения обязательства. Заклучая, следует отметить, что особенности применения банковской гарантии должны быть предусмотрены положениями Закона Донецкой Народной Республики «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики». Внесение процессуальных норм банковской гарантии позволит устранить не только пробелы в праве Донецкой Народной Республики, но и устранить проблемы исполнения обязательства.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 г., № 81-ПНС // Народный Совет Донецкой Народной Республики. – 2019 г.
2. Гражданский Кодекс Украины от 12.03.2003 г., 435-IV // Верховная Рада Украины. – 2003 г.
3. Садиков О. Н. Гарантийные обязательства в гражданском праве // Хозяйство и право. 2004. – № 9. – С. 39.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Шеколенко Т. В., Яценко Н. И.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
Shekolenko2@mail.ru, yatsenko_natasha00@mail.ru

Актуальность данной работы состоит в том, что в настоящее время в Донецкой Народной Республике процесс возмещения вреда, причинённого государством, является несовершенным и требует значительного изучения.

Институт гражданско-правовой ответственности возмещения вреда требует значительного совершенствования и повышения уровня ответственности в правоотношениях, которые возникают с органами публичной власти, осуществляющих свою деятельность на закреплённых в Конституции Донецкой Народной Республики и иных нормативно-правовых актах государства принципах.

В любом государстве, в том числе и в Донецкой Народной Республике, отношения между государством и народом складываются по принципу «власть-подчинение». Данный принцип подразумевает под собой отсутствие свободы выбора субъектами гражданского права поведения, а также характеризуется тем, что государство имеет возможность применения метода принуждения.

Вышеперечисленное позволяет сказать, что для осуществления механизма обеспечения защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и нормального его функционирования, необходимо более детально ознакомиться с вопросом гражданско-правовой ответственности государства за причинённый вред субъектам гражданских правоотношений.

Одним из способов такого механизма защиты является конституционное право, которое прописано в статье 46 Конституции Донецкой Народной Республики. В данной конституционной норме обозначено, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причинённого действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц [1].

Гражданско-правовая ответственность государства за причинение вреда является актуальным уже достаточно длительный период времени. Рассмотрением данного вопроса занимались различные философы и правоведы ещё с первой половины XIX века. Несмотря на такое длительное исследование данной проблемы, вопрос гражданско-правовой ответственности относится к категории нерешённых.

Гражданско-правовая ответственность государства за причинение вреда нашла своё отражение в работах таких учёных как М. М. Агарков, Х. И. Шварц, А. П. Кун, К. М. Варшавский, Н. С. Малеин и других цивилистов.

М. М. Агарков утверждает: «обязательство из причинения вреда имеет совершенно самостоятельную задачу, – задачу, которая не может быть достигнута ни социальным обеспечением, ни государственным социальным страхованием, ни просто государственным страхованием. Это – задача возложения ответственности на определенное ответственное лицо с точки зрения гражданского права» [3, с. 222].

О. С. Иоффе отмечает, что «характерная для мер гражданско-правовой ответственности особенность заключается в том, что, вызывая отрицательные последствия в сфере правонарушителя, они обеспечивают также восстановление прежнего положения для потерпевшего» [5, с. 156].

В. И. Даль толковал слово «убыток» как «ущерб, потеря, истора, наклад» [4, с. 318].

Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики даёт нам законодательно закреплённое понятие убыткам. Так, в статье 16 вышеупомянутого нормативно-правового акта сказано, что под убытками понимаются расходы, которое потерпевшее лицо, права которого были нарушены, потратило или должно будет потратить для восстановления своего нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено [2].

Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики содержит следующие статьи: статья 17 «Возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления» и статья 18 «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления». Для того, чтобы разобраться в различии данных норм, необходимо выяснить различия данных понятий.

В законодательстве данные определения являются неравнозначными. При анализе Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики мы пришли к выводу, что под термином «убытки», как правило, понимаются последствия нарушения имущественных прав физических и юридических лиц. В статье 16 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики указывается разграничение понятий «ущерб» и «убытки». Реальный ущерб рассматривается как одна из составных частей убытков. Следовательно, понятие «ущерб» применительно к имущественному вреду является его составной частью.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что законодательно закреплено возмещение вреда, причинённого государством физическим или юридическим лицам. Однако в Донецкой Народной

Республике отсутствует закон, который регулировал бы данную гражданско-правовую процедуру. Законодательная база по данной проблематике требует доработок и разъяснений на государственном уровне непосредственной процедуры осуществления возмещения убытков.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. (в ред. от 06.03.2020 г.) // dnrsovetsu. URL: <https://dnrsovetsu/konstitutsiya/> (дата обращения: 15.09.2020).
2. Гражданский кодекс ДНР, принятый Народным Советом Донецкой Народной Республики 13.12.2019 г., (в ред. от 24.04.2020 г.) // dnrsovetsu. URL: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 15.09.2020).
3. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 451 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 4. – М., 1991. – 459 с.
5. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 574 с.

УДК 347.777

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Шульга Р. Р., канд. юрид. наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
regina1077@mail.ru

Введение. Современное развитие интеллектуального права, как в международно-, так и в национально-правовом аспекте требует существенной интенсификации и изменения основных трендов правового регулирования. В частности, примат нерушимости и обязательности государственной защиты прав на интеллектуальную собственность в недавнем времени претерпел ряд изменений.

Основная часть. В частности Марракешский договор от 27.06.2013 г. установил ряд ограничений авторского права в интересах лиц со специальными потребностями (в частности лиц с физическими недостатками, не позволяющими воспринимать печатную информацию). Иными словами международное сообщество сознательно идет на снятие жестких ограничительных мер с продукции, подпадающей под защиту

права на интеллектуальную собственность, в интересах лиц, которые имеют ограниченные возможности пользоваться такими объектами.

Например, такие ограничения существенно усложняют процесс производства печатной продукции, делая его чрезмерно затратным, что не вписывается в концепцию расширения гражданских прав и совершенствования механизмов правовой защиты прав лиц, с ограниченными физическими возможностями.

Это накладывает существенную социально-правовую нагрузку на процесс защиты права на интеллектуальную собственность, авторского и смежных прав. Таким образом, расширение доступа населения к объектам интеллектуальной собственности является одним из наиболее важных направлений развития международно-правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Особенную актуализацию данная проблема приобретает в условиях расширения пандемии COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. В частности имеет необходимость ограничения комплекса авторского права на медицинские и прочие препараты лекарственного, противовирусного характера. На сегодняшний день, в мировых СМИ речь идет о глобальной вакцинации. Эту же проблему выносит на первый план и мировое политическое сообщество, но решение данной проблемы возлагается на национальные правительства, которые должны обеспечить тотальную вакцинацию населения. В этой связи возникает вопрос о состоятельности населения обеспечить за собственные финансовые ресурсы приобретение вакцины и прохождение курса вакцинации. В условиях сокращения производства, введения тотального глобального карантина, ограничения передвижения – все это является фактором сокращения платежеспособности населения в независимости от уровня экономического развития государств.

Исходя из этого, совершенно логичным представляется возложение ответственности за проведение подобной вакцинации на национальные правительства. Но для того, чтобы обеспечить глобальный доступ к подобной вакцине, необходимо существенно ограничить защитный режим международно-правовых актов в сфере интеллектуальной собственности, путем расширения доступа населения к результатам научных исследований в анализируемой сфере.

Итак, мы говорим о примате общественного блага (здоровье наций и населения стран) над частным (авторское право) интересом отдельного взятого лица или группы лиц (исследователей). На уровне большинства конституций демократических стран прямо предусмотрено ограничение личного интереса в интересах общественного правопорядка и национальной безопасности. Подобное ограничение представляется допустимым и в рамках международно-правового регулирования авторского и смежных прав.

Так, например, помимо приведенного выше случая, эти ограничения упрощают производство и международный обмен книгами, печатной

продукцией и иными носителями информации адаптированными для использования лицами с нарушениями зрения, слуха иными физическими ограничениями.

Важным аспектом в сфере защиты права на интеллектуальную собственность является расширение способов защиты права на промышленную собственность, особенно в условиях интенсификации промышленного шпионажа со стороны развивающихся стран.

Промышленная собственность принимает самые разные формы: к ним относятся патенты на изобретения, промышленные образцы (эстетические творения, связанные с внешним видом промышленных продуктов), товарные знаки, знаки обслуживания, макеты интегральных схем, коммерческие наименования и названия, географические указания, способы графической защиты от недобросовестной конкуренции и т.д. В некоторых случаях аспекты интеллектуального творчества, хотя и присутствуют, но определены в меньшей степени, что упрощает промышленный шпионаж [3]. В таком случае имеет значение то, что объект промышленной собственности состоит из знаков, передающих информацию, в частности потребителям, о товарах и услугах, предлагаемых на рынке. Защита направлена против несанкционированного использования таких знаков, которые могут ввести потребителей в заблуждение, а также против вводящей в заблуждение практики в целом.

С точки зрения расширения возможностей международно-правовой защиты интеллектуальной собственности важным считаем разработать новые методы, в частности с использованием технологии блокчейн. Например, технология блокчейн открывает возможности ведения независимого и максимально защищенного единого реестра объектов интеллектуальной собственности. Такой реестр существенно упростит доступ к информации об оформленных патентах, позволит контролировать процессы выплат роялти, а сама технология блокчейн сделает практически невозможным внесение в реестр объектов интеллектуальной собственности несанкционированных изменений направленных на незаконное завладение самим правоустанавливающими документами на такие объекты.

Не мене актуальным является вопрос защиты объектов интеллектуальной собственности созданных методом 3-D-печати. На уровне международно-правового регулирования само производство изделий подобной технологией считается промышленным производством, однако на самом деле, 3-D-модели создаются на основе уже имеющихся объектов авторского права. Но после своего создания по технологии 3-D-печати они существенно изменяют свои утилитарные качества и приобретают новое предназначение, что изменяет их правовую природу как объектов защиты правом интеллектуальной собственности [1]. Основная проблема заключается в том, что, например, на уровне

национального законодательства ряда стран 3-D-печать сама по себе признана способом производства новых произведений, а потому каждый несерийный продукт приобретает черты объекта авторского права.

Заключение. На уровне международно-правового регулирования основная сложность в процессе формирования надлежащего уровня защиты объектов интеллектуальной собственности сводится к тому, что процесс создания новых по своей правовой природе объектов (что вызвано развитием технологий) существенно опережает процесс создания международно-правовых норм. Процесс выработки и принятия подобных международных актов затянут во времени необходимостью проведения совместных консультаций, согласованием международных норм с национальным законодательством, трудностями с физическим принятием тех или иных правовых актов. Поэтому наряду с поиском путей повышения эффективности международно-правовой защиты прав на интеллектуальную собственность, представляется необходимым и поиск новых моделей международной кооперации в данной сфере, в том числе и путем проведения конференций, заседаний и пленумов в режиме on line. Это существенно интенсифицирует процесс выработки окончательных моделей международно-правового регулирования в анализируемой сфере.

Список литературы

1. Оморов Р. О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект / Р. О. Оморов // E-Management. – 2020. – № 1. – С. 43-49
2. Мироненко Т. В. Проблематика защиты авторских прав в электронной среде: опыт Японии, КНР и России / Т. В. Мироненко, Е. Г. Куропацкая // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5. – С. 84–88.
3. Understanding Industrial Property: book. – Geneva, Switzerland : World Intellectual Property Organization (WIPO), 2016. –28 p.

Теория и история государства и права

УДК 340.13, 340.14

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Бардашевич Н. А., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

nataract@mail.ru

Источники права — одна из трудно определяемых категорий в теории права, которую нередко называют метафоричной, условной¹ [1]. В науке под источниками права традиционно понимают то, что является основой знаний или сведений о праве и правовых нормах. Сегодня, чаще всего, под источниками права понимаются официальные документы, в которых нашли отражение правовые нормы. Именно они являются источниками права с профессиональной юридической точки зрения — это так называемые формально-юридические источники права. Примером такого источника, как правило, выступают законы. Однако они не являются единственным юридическим источником и относятся к отдельной видовой группе таковых — к нормативно-правовым актам.

Данный вид источников наиболее распространен в отечественной правовой системе. В правовых системах других государств могут присутствовать и доминировать иные их виды (юридические прецеденты и доктрины, правовые обычаи, доктрины религиозные и т.п.). Все виды юридических источников объединяет то, что они одновременно являются как формами выражения правовых норм, так и способами их официального закрепления. Это обеспечивает им общее признание, а также обязательное повсеместное применение и реализацию на практике.

Но как возникают суждения о том, что необходимо (дóлжно) поступать именно так, а не иначе? Как попадают представления о «*норме*» в официальные источники права? Ответить на эти вопросы, — значит попытаться обнаружить *истоки истинных суждений* о праве и таким образом определить *онтологические источники права*. Иногда таковые называют *правообразующими источниками*² [2]. Они еще не являются правом в юридическом смысле, но именно из них оно (право) произрастает (черпает жизненную энергию). Генезис права без них был бы невозможен. Что же представляют собой эти источники или, в терминологии М. И. Спирина, «*истоки*» права [3]?

¹ Рубанов А. А., Студенкина М. С., Топорнин Б. Н., др. Для Кечекьяна С. Ф. это — «*абстрактный образ*».

² Иногда их отождествляют с правообразующими факторами, с чем трудно согласиться.

С древнейших времен основополагающим источником права выступает **Божественный Закон**, который в разных культурах мог называться по-разному. В Древней Греции — это *Божественный Логос* (Вселенский Космический Закон, который распространяется даже на богов). Считалось, что искра Логоса содержится в человеческом разуме. В Древней Индии — *Рта или Рита* (универсальный космический закон, определяющий порядок, которому должны повиноваться и боги, и люди). В Древнем Китае — *Дао* (Путь естества, Путь природы, который невозможно описать и передать посредством человеческого языка) или *Тянь* (Небо). При этом император именуется Сыном Неба — посредником между мирами. Все древние народы верили в существование единого космического миропорядка и признавали необходимость ему следовать, чтобы не нарушать законы всеобщей гармонии.¹

Эти представления свидетельствуют о признании первичности неких метафизических или трансцендентных начал права. Люди интуитивно пытались соотносить свои деяния и поступки с высшим законом вселенской гармонии. В случае неочевидности варианта решения задачи, они, при помощи религиозных ритуалов, а также мудрых и наиболее духовно одаренных посредников (такowymi считались жрецы, шаманы, оракулы, пророки), пытались узнать у богов ответы на свои вопросы, выбрав правильный вариант поведения. Так складывались обычаи и традиции, передаваемые из поколения в поколение, которые у многих народов получили название «законы предков». Считалось, что они соответствуют Закону Вселенскому или Вечному, поскольку переданы Богом (или богами) родоначальникам-патриархам, и поэтому нерушимы. Поступать *право* или *по праву* — это значит действовать в соответствии с их предписаниями, не выходя за их границы.

В древнерусском языке эти представления находят свое отражение в этимологии слова *закон*. Древнерусское «закон» состоит из приставки «*за*» и корня «*кон*», со значением «круг, граница предел чего-либо»,² оно было синонимом слова «обычай» [5]. Закон определял, что есть право, исходя из его сакрального, метафизического происхождения. Отсюда государственные законы, как и законы предков (право обычаев), не должны были противоречить Законам Вечным. Это принципиально отличает представление древних народов об истоках правды, а, следовательно, и права, от современных представлений. Ведь сегодня закон понимается как выражение государственной воли, и, в лучшем

¹ В древнегреческом языке слово «космос» производно от слова со значением *лад, порядок, украшение, красота*; в древнерусском языке слово «лад» также одновременно означает и порядок, и гармонию.

² Кон — (стар. славянск.) круг, контур, граница круга, основа, устой, база («закон» — за коном, за границей допустимого, устоявшегося; «исконно» — из кона, из основы, из устоя, «на кону» — на основе, на базе, нечто важное, оберегаемое [4]).

случае, он призван выражать волю большинства граждан, хотя может выражать и волю суверена, выступающего в интересах избранных (элиты).

Политическая культура древних не в одночасье совершила эту подмену понятий, когда на смену Закону Всеобщему, Божественному, который не может быть НЕ-правым, пришли законы государства, создаваемые людьми, в сугубо своих интересах и по своему усмотрению.

Не менее значимым правообразующим источником может быть названа человеческая **совесть**.¹ Ведь не случайно «голос совести» в древности называли «голосом Бога в человеческой душе» (Сократ). С религиозно-философских позиций, способность к со-вестию — это свойство человеческой природы, которое, наряду с иными качествами (набор которых невелик), отличает человеческий вид от всех других представителей животного мира. С этой точки зрения, совесть есть у каждого человека, хотя может не осознаваться или подавляться усилием его воли. Возможно, именно с этим представлением связано «золотое правило нравственности», которое во всех культурах и на протяжении всей человеческой истории звучало примерно одинаково: «не делай другому того, чего не желаешь себе». (Второй вариант: «поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами»).

В качестве правообразующего источника можно также выделить **человеческий разум или способность к суждению**. Речь идет не только о способности мыслить, но и выражать свои мысли, формулируя их в высказывании. Только посредством разума человек способен подняться в своих суждениях до высокого уровня абстрагирования, оперируя такими умозрительными понятиями, как «право» и «закон». Осмысление социальных, экономических, а затем и политических процессов, приводит человека к осознанию необходимости всеобщих требований и правил поведения, а также неких институтов, обеспечивающих их соблюдение, что рассматривается в качестве условия согласования **воль**² и гарантий собственного выживания. Изначально эти требования выражаются в **основных принципах права**, отражающих наиболее значимые потребности любого человека, живущего в сообществе других людей. Прежде всего, это принципы справедливости, разумности, равенства (в том числе, перед судом и законом).

¹ Слово «**совесть**» состоит из приставки «со-» и корня «**весть**», который в свою очередь является производным от слов «**ведать**» — знать и «**веда**» — знание, как и слово «**со-вет**». Очевидно, что это орган души предназначен для совета с **Кем-то**, о чем-то очень важном в поисках единого знания, а следовательно, с целью достижения какого-то «**со-гласия**» (как совместного, согласованного знания) или приятие от **Кого-то «совета»**, а значит и «**За-вета**», т.е. **заветного, заповеданного знания**.

² Некоторые авторы рассматривают волю (прежде всего, государственную) в качестве правообразующего (онтологического) источника права. Так, О.Э. Лейст отмечал, что «непосредственным источником права является государственная воля, выраженная в строго определенной форме» [5]. Но с этим трудно согласиться. Скорее, ее следует отнести к правообразующим **факторам**, а точнее — к факторам позитивизации права.

Таким образом, **принципы** становятся своеобразным **связующим звеном** между **онтологическими и формально-юридическими источниками права**. И если эта связующая нить теряется (что случается, когда о принципах права забывают или игнорируют их), тогда любые государственные законы и их применение, в том числе, при осуществлении правосудия, становятся произволом.

Список литературы

1. Иванюк О. А. Источник права: проблема определения— Текст: непосредственный // Журнал российского права, — 2007. — № 9. — С. 142–150. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochnik-prava-problema-opredeleniya> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Витер А. М. Теоретический анализ понятия «источник права» / А. М. Витер, В. Ф. Анисимов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 20(258). — С. 299–302. — URL: <https://moluch.ru/archive/258/58148/> (дата обращения: 25.10.2020).
3. Спириин М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-istoka-prava-istochnika-prava-i-formy-prava-s-pozitsii-volevoy-kontseptsii-pravoobrazovaniya> (дата обращения: 25.10.2020).
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=13662> (дата обращения: 24.10.2020).
5. Рудковский В. А. Теория источников права: дискуссионные моменты — Текст: непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 6 (107). — С. 23–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-istochnikov-prava-diskussionnye-momenty/viewer> (дата обращения: 25.10.2020).

УДК 159.98

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРЕССЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРОФИЛАКТИКИ

Барышева Е. В., канд. психол. наук, ***Горлова П. А.***

ЧОУ ВО «Московский университет имени С. Ю. Витте», г. Сергиев Посад, РФ
barisheva45@mail.ru, pelageiagorlova@gmail.com

Введение. Изучение особенностей профессионального стресса и возможности его профилактики для обеспечения основы сохранения психосоматического здоровья, профессионального роста является одним из важных аспектов при организации психолого-юридической деятельности с сотрудниками правопорядка, в связи с этим обозначим основные современные тенденции данной проблематики. Как известно, деятельность лиц, обеспечивающих правопорядок является весьма специфичной и связана с высоким уровнем риска и нервно-

эмоционального перенапряжения, по причине стрессовых условий. Особенности отбора представителей органов внутренних дел (далее — ОВД) подвергаются четкому контролю, в том числе, специальных психологических служб, с целью выявления наличия или отсутствия отклонений от нормальной модели поведения в обществе.

Согласно многим исследованиям для работы в ОВД подходят люди со здоровой самооценкой, высоким уровнем правовой сознательности, адекватной саморегуляцией собственных психических процессов (эмоциональной устойчивостью) и наличием соответствующего уровня физической и психологической подготовки. Кроме этого, кандидат на должность сотрудника ОВД должен обладать соответствующим рядом личностных качеств, которые обеспечивают человеку возможность работать в экстремальных условиях деятельности. Эмоциональное выгорание работника ОВД может быть связано как с внешними, так и с внутренними факторами. К внутренним факторам относятся: повышенная физическая нагрузка, профессиональная деформация личности, нервное перенапряжение. К внешним факторам относятся: работа в криминогенной агрессивной среде, возможные физические столкновения с агрессором, негативное отношение некоторых групп граждан к представителям правопорядка.

Основная часть. Служба в ОВД, с точки зрения психологии труда, относится к классу экстремальных профессий. Представители такого рода деятельности чаще других подвержены психосоматическим заболеваниям и стрессовым расстройствам. Особенность экстремальных условий данной профессии связана не только с взаимодействием со специфическими группами граждан, но и с опасными для жизни ситуациями, в то время как основная задача сотрудников ОВД – пресечение деятельности лиц, противоречащей нормам права и социальным нормам поведения [1].

Причинами возможного стресса сотрудника ОВД служат эмоционально отрицательные и экстремальные факторы, такого рода:

1. всевозможные жизненные ситуации, связанные с угрозой жизни человека или вероятной психотравмой, ранением или болезнью;

2. личностное соучастие, непосредственной наблюдение картин насилия, смерти, мучительных страданий и гибели близких или окружающих личность людей;

3. навязчивые переживания вины за травмы других людей (страдание за их смерть, самообвинения);

4. чрезвычайно оперативные ситуации, при столкновении с которыми человек вынужден максимально быстро реагировать и оказывать содействие себе и другим;

5. ситуации четкого соблюдения правил безопасности и регламента при работе на местности в экстремальных условиях [4].

Данные факторы в работе сотрудников ОВД объясняют необходимость предъявления столь высоких требований к представителям

данной профессии: наличие стрессоустойчивости, умение сохранять выдержку в условиях высокого нервного напряжения, физическая выносливость.

Стоит отметить, что существуют индивидуальные особенности личности, которые делают ее уязвимой для стресса. Таким образом, отдельные индивиды могут по-разному отреагировать на стрессовую ситуацию. К факторам психологической устойчивости в данном случае могут относиться: высокий уровень удовлетворенности работой (службой), ощущение внутреннего контроля собственных возможностей и действий, понимание особенностей обстановки и условий, в которых человек трудится.

Более здоровому переживанию стрессовых ситуаций способствует социальная и эмоциональная поддержка коллег и близких. Большую роль играет наличие социальных контактов; одинокий человек, не имеющий эмоционально значимых связей, наиболее уязвим для стрессового состояния. Поддержка семьи может служить дополнительным фактором самоуважения и значимости, компенсировать негативные переживания на службе. Социальная поддержка сослуживцев, дружественный коллектив и хорошие отношения с руководством также минимизируют психологические последствия экстремальных ситуаций.

Стрессоустойчивость напрямую коррелирует с физическим состоянием человека: более здоровые, отдохнувшие люди менее подвержены психологически негативному воздействию среды; усталость и болезнь, наоборот, являются факторами, способствующими стрессовым состояниям. Поддержание здоровой и сильной физической формы – обязательное условие для сотрудников ОВД. Поэтому подразделения, как правило, оснащены спортивными залами, тирами для стрельбы; проводятся занятия по рукопашному бою, в зимнее время лыжи и другие типы деятельности [5].

Заключение. Таким образом, работа в правоохранительных органах официально признана экстремальной профессией, связанной с эмоционально-нервным напряжением и повышенным риском для жизни и здоровья. Сотрудникам предъявляются высокие требования в связи с особой сложностью и ответственностью при решении профессиональных задач. Халатное отношение к гигиене труда в условиях такой работы может привести к чрезмерной физической и психологической нагрузке, что провоцирует стрессовые состояния и даже расстройства, которые могут привести к деформации личности, что негативно влияет на эффективность сотрудника, вплоть до дезорганизации.

Для предотвращения подобных ситуаций необходимо руководствоваться основными психологическими принципами по снижению влияния стрессовых факторов на личность. Повысить стрессоустойчивость и снизить последствия эмоционально-нервного

напряжения помогают методы регуляции психологического состояния. Среди наиболее известных и применяемых в превентивных мерах на практике относят: дыхательные практики релаксации, техники аутогенных расслаблений и тренировок, упражнения для поддержания и регулировки психоэмоциональных состояний, тренинговые встречи и т.п.-цель всех данных мероприятий связана с повышением нервной устойчивости и ауторегуляции психосоматики специалистов, связанных с повышенным риском, в частности анализируемых нами, сотрудников ОВД.

Список литературы

1. Водопьянова Н. Е. Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления // Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. – СПб., 2018.
2. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. – СПб. Питер, 2016. – 336 с.
3. Куликова Т. И. Психология стресса // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 7. – С. 180-181;
4. Курбатова Т. Н., Мухиярова Е. Н. Самореализация и переживание одиночества // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л. А. Коростылевой. Вып. 7. – СПб.: СПбГУ, 2017. – С. 145-158.
5. Табурца В. А. Стресс в служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 3126–3130. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85626.htm>.
6. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=10331> (дата обращения: 21.09.2020).
7. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. – СПб. Питер, 2016. – 336 с.

УДК 342.5

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Белюрко Н. М.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
nadegda_3377@mail.ua

Введение. За тысячелетия существования обществу, как особому виду социальной системы, давали огромное количество определений, некоторые из которых носили противоречивый характер. Создатель глобальной теории общества И. Валлерштайн счел, что попытка социологов навести порядок в данном вопросе не имела положительного результата, по его мнению «общество-это половина противоречивого тандема, другой частью которого является государство» [3]. Исторически первичным является общество, так как государство возникает на определенном этапе развития общества для защиты интересов граждан.

Основная часть. Еще с момента возникновения государства, характер взаимодействия между ним и обществом постоянно изменялся. Например, в древней Элладe в условиях демократии гражданское общество и государство практически отождествлялись, а в раннем Египте государство подавляло общество. Проблема взаимодействия государства и общества наиболее обострилась в период превращения Рима из мелкой общины в мировую империю.

Одной из самых первых работ о государстве является одноименный труд древнегреческого философа Платона. Философ полагал, что идеальное государство должно быть справедливым; закрытым, чтобы ложные ценности не могли дезориентировать население; небольшим по размерам. Платон заявил, что для образования общества достаточно 5040 семейств, в свою очередь другой, Аристотель счел такое общество чрезмерным[2].

Аристотель полагал, что любовь и братство являются в обществе главными, и вероятно по этой причине именно с семьи начал свое учение об обществе. Также философ говорит о том, что условием всестороннего процветания государства является всеобщее участие граждан в жизни общества, что фактически является одним из признаков современной демократии. Воззрения философа на общество близки современным социал-демократическим идеалам [1].

А. П. Глебов отмечает, что Аристотель фактически проиводит разграничение государства и общества, так как выделяет два вида отношений внутри полиса:

- политические отношения, предполагающие участие граждан в делах полиса, в его управлении;
- жизнедеятельность граждан в частной сфере, т.е. бытовые, религиозные, семейно-брачные и другие отношения, вмешательство в которые считалось нежелательным и даже недопустимым [4].

В термин «гражданское общество» может быть вложено несколько смыслов: юридический, социологический и идеологический, которые могут вступать в противоречие друг с другом. В социологическом смысле гражданское общество впервые возникло у первобытных охотников и собирателей, т. е. ранее государства, которое появилось только 5 тыс. лет назад. Гражданское общество предполагает такую его организацию, при которой реализуются основные права и обязанности граждан, а государство выступает гарантом реализации этих прав.

Взаимодействие общества и государства возможно в двух направлениях-или государство подавляет общество, тогда речь идет о тоталитарном государстве; или же отношения находятся в состоянии равновесия – тогда можно говорить о правовом государстве и гражданском обществе.

В XVI веке Н. Макиавелли, изучив идеи Платона и Аристотеля, создал теорию общества и государства.

Начиная с XVII века правоведы, философы, мыслители утвердились в мнении, что единую государственную власть необходимо разделить на три независимые, уравновешивающие друг друга, ветви: законодательную, исполнительную и судебную. И. Кант дал философское обоснование правового государства, предложил установить первенство законодательной власти над другими, полагая, что торжество права должно быть целью государства.

В XVII веке Т. Гоббс разработал теорию общественного договора, ставшую прообразом современного учения о гражданском обществе. Т. Гоббс полагал, что людей нельзя считать безвольными, социальными атомами, от имени которых правитель устанавливает свои порядки. Философ считал, что такое возможно для построения общества пчел и муравьев, но никак не для общества людей, у которых есть определенные амбиции, стремление к почету, престижу. Однако почет по определению достается немногим, следовательно, большинство будет чувствовать себя обделенным [5].

Вследствие подобных рассуждений, Гоббс приходит к выводу, что именно страх побуждает людей создавать общество и стабильное благополучное государство. Центральная идея у Гоббса заключается в том, что в полноценном обществе каждый его представитель может извлечь выгоду из коллективного дела. В трактате «О гражданине» Гоббс описывает два естественных закона и выводит два десятка их следствий. Т. Гоббс полагает, что общественный договор приводит к одновременному образованию общества и государства.

Помимо Т. Гоббса, наиболее известными представителями теории общественного договора являются Джон Локк и Жан-Жак Руссо. У Ж. Ж. Руссо сложилось своеобразное видение возникновения гражданского общества: «Первый, кому пришла мысль огородить участок и сказать «это мое», кто нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества».

Вывод Таким образом, можно отметить, что человечество не сразу пришло к концепции правового государства – она возникла лишь в XVII – XIX веках. Однако идея правового государства возникла еще в эпоху Античности – Аристотель и Цицерон писали о важности соотношения естественных прав человека и законов государства, а примером прообраза гражданского общества можно считать древние Афины, то есть феномен возник гораздо ранее, чем сформировалась концепция гражданского общества.

Идея гражданского общества получает развитие в Новое время, и оказала значительное влияние на представление о соотношении общества и государства.

В XX веке термин утратил актуальность и практически не употреблялся в европейских языках. Новую жизнь это понятие получило с

момента зарождения капитализма на постсоветском пространстве. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что гражданское общество является основой правового государства.

Список литературы

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С.830.
2. Добренков, В. И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В. И. Добренков, Т. 4: Общество: статика и динамика, 2004. – С. 496.
3. Валлерштайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества//социология на пороге 21 века: новые направления исследований. – М., 1998. – С.136-137.
4. Фетюков Ф. В. Проблема соотношения общества и государства в истории политико-правовой мысли // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 448 – 478.
5. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 102-112.

УДК 321.015

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Герасименко Ю. В., Забияка М. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yu.gerasimenko@donnu.ru, chashka_96@mail.ru

Введение. Теория разделения властей является важной вехой развития государственно-правовой мысли. Идея разделения властей существует на протяжении многих веков. Первоначально она присутствовала уже во взглядах древнегреческих философов, таких как Платон, Аристотель, Полибий, Ликург. Дальнейшее развитие теория разделения властей получила во Франции в середине XVIII века. В своей фундаментальной работе «О духе законов» Ш. Л. Монтескье изложил результаты своих исследований и пришел к выводу, что свобода возможна при любой форме правления, если в государстве господствует право, гарантированное от нарушений законности посредством разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые взаимно сдерживают друг друга.

Основная часть. Принцип разделения государственной власти актуален и в настоящее время. Это связано, прежде всего, с тем, что большинство современных государств закрепляют в своих нормативно-правовых актах демократические принципы. В настоящем демократическом государстве власть не может концентрироваться в одних руках. Конституции таких государств, как правило, закрепляют

принцип разделения власти на законодательную исполнительную и судебную.

Анализу содержания и основных направлений развития теории разделения властей посвящены многочисленные монографии, научные работы и статьи. Проблема эффективного механизма разделения властей стала предметом научных исследований ученых: Краснова Э. В., Рамазановой Д. Э., Цыбулевской И. О., Чирикина В. А. и др. [1-4].

Принцип разделения властей воплощен в конституциях большинства стран современного мира. Так, в Российской Федерации законодательная ветвь власти представлена Федеральным Собранием – парламентом Российской Федерации. Федеральное Собрание в свою очередь делится на две палаты: верхнюю и нижнюю. Верхняя палата – Совет Федерации, в него входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации. Нижняя палата Федерального Собрания – Государственная Дума, состоящая из 450 депутатов. Исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации. Председатель Правительства назначается Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы. Это является примером системы сдержек и противовесов в действии. Судебная власть в РФ представлена широкой судебной системой. Президент в Российской Федерации не относится ни к одной из ветвей власти, он обеспечивает взаимодействие их друг с другом.

В Соединенных Штатах Америки государственная власть также делится на три ветви. Законодательная ветвь представлена Конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей. Система органов исполнительной власти представлена администрацией Президента и включает три звена: кабинет и департаменты, исполнительный аппарат Президента, исполнительные агентства. Судебная власть Соединенных Штатов Америки представлена федеральной судебной системой, которая состоит из трех звеньев: районные суды, окружные и Верховный суд США.

В ст. 6 Конституции Донецкой Народной Республики также закрепляется разделение государственной власти на законодательную исполнительную и судебную. Народный Совет Донецкой Народной Республики – парламент Донецкой Народной Республики является постоянно действующим высшим и единственным законодательным органом государственной власти. Исполнительную власть в Донецкой Народной Республике осуществляет Правительство Донецкой Народной Республики и иные органы исполнительной власти. Глава Донецкой Народной Республики не относится ни к одной из ветвей власти, он обеспечивает взаимодействие их друг с другом. Судебная власть представлена судами общей юрисдикции, а также специальными судами.

Будучи одним из ключевых факторов построения правового государства, теория разделения властей испытывает влияние ряда национальных особенностей, которые необходимо учитывать в каждом конкретном государстве. Реализация этой теории без адаптации к культурно-историческим особенностям государства не представляется возможной. В противном случае, механизм реализации власти будет неэффективным, что приведет к злоупотреблению и ущемлению прав и свобод людей.

Заключение. Таким образом, целью теории разделения властей можно назвать взаимное уравнивание законодательной, исполнительной и судебной власти для обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Для Донецкой Народной Республики, как для молодого, строящегося государства очень важно перенять положительный опыт других государств. Принцип разделения властей является не целью, а средством обеспечения эффективной реализации власти. Необходимо создание четко отлаженного механизма системы сдержек и противовесов для результативного взаимодействия органов государственной власти.

Список литературы

1. Краснов Э. В. Принцип разделения властей в трудах отечественных ученых // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №6. – С. 110-114.
2. Рамазанова Д. Э. Проблемы реализации принципа разделения властей // Государственная служба и кадры. – 2020. – №1. – С. 40-41.
3. Цыбулевская И. О. Конституционный принцип разделения властей: теория и практика реализации // Вестник ПАГС. – 2018. – №5. – С. 56-62.
4. Чирикин В. А. Особенности правового принципа «разделения властей» // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 348-349.

УДК 34:004.738.5

ИНТЕРНЕТ-ПРАВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Герасименко Ю. В., Осташевская В. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yu.gerasimenko@donnu.ru, ostashevskaya.slava@yandex.ru

Введение. Эпоха цифровизации требует детального подхода к построению целостного кибербезопасного пространства, в особенности, в сети Интернет. В истоках цифровизации общества лежат переломные

технологии. Наравне с положительными сторонами глобальных изменений в обществе, существует слабое звено, требующее более детального подхода – это проблема эффективного правового регулирования отношений, возникающих в сети Интернет.

Развитие и улучшение технологий способствует построению новых социальных отношений, но скорость вводимых изменений вносит угрозу нарушения прав и свобод людей. Фактически, эффективный механизм, гарантирующий безопасность на просторах сети Интернет отсутствует.

Основная часть. Проблема правового регулирования отношений, возникающих в сети Интернет, обрела актуальность в конце XX – начале XXI века. Изначально предполагалось, что данные отношения найдут своё решение посредством саморегуляции.

С развитием технического прогресса и расширением сферы действия сети Интернет сложившаяся система обрела статус целой субкультуры. Интернет обеспечил неконтролируемый доступ к различным источникам информации, что стало оказывать негативное воздействие на социальные отношения в государстве. Камнем преткновения стало право интеллектуальной собственности: в общем доступе можно найти различные произведения, лицензии на которые у пользователей сети Интернет отсутствуют. Попытки урегулировать сложившиеся отношения правовыми нормами, к сожалению, проблему не решили.

Формирование законодательства в данной сфере проходит множество различных стадий, что обусловлено недостаточной изученностью феномена Интернет и многогранностью, требуемых законодательного закрепления, отношений.

Интернет-право является новым направлением юридической науки. Существующие теоретические наработки не имеют системного характера, что затрудняет рассмотрение и принятие новых норм права. Основой для изменения ситуации может стать интернет-право. Это комплексный институт права, состоящий из норм различных отраслей права, регулирующих отношения в виртуальном пространстве и вне его. По мнению В. В. Архипова, интернет-право как термин указывает на комплекс правовых проблем, которые связаны с сетью Интернет, являясь при этом уникальными для данной области независимо от того, какие правоотношения, классифицируемые по отраслевой принадлежности, реализуются посредством глобальной информационно-телекоммуникационной сети [2].

Перечень проблем в сети Интернет, относящихся к юридическому ведению постоянно пополняется. Введение в жизнь новых IT-технологий характеризуется появлением новых пробелов в праве.

Наиболее обширными в своей проблематике являются вопросы:

- Защита прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. Не смотря на внесение в законодательство изменений относящихся к

регулированию авторских и смежных прав, проблема остаётся открытой. Ежедневно совершается множество преступлений, среди которых распространены плагиат, незаконная торговля результатами интеллектуальной деятельности, распространение контрафактной продукции посредством сети Интернет.

- Ответственность информационных посредников за передачу и размещение информации. Вопрос об ответственности информационных посредников уже много раз поднимался, однако так и остаётся темой для дискуссий. Считается, что информационный посредник в силу обеспечения доступа к информационным сетям должен следить за содержанием публикуемой информации и в случае противоправности данной информации удалять или опровергать её.

- Виртуальная собственность наряду с игровым пространством требует детального изучения и поиска методов урегулирования споров в данной области. Здесь стоит вопрос о разграничении того, что относится к виртуальному миру и того, что имеет непосредственное значение в реальном мире.

- Юрисдикция в сети Интернет. Не смотря на попытки решения этого вопроса, предпринимаемые еще с конца прошлого столетия, проблема юрисдикции в сети Интернет не получила решения до настоящего времени. Интернет-сайт ресурса WEB 2.0 может быть зарегистрирован в доменной зоне, относящейся к одному государству, компания – провайдер данного ресурса может быть зарегистрирована в другом государстве, а фактически осуществлять свою деятельность в третьем государстве. При этом данный интернет-ресурс может быть ориентирован на пользователей совершенно другого государства, а публиковать информацию там могут граждане всех государств [3].

- Проблема оборота криптовалюты. Криптовалюта – это цифровая или виртуальная валюта, предназначенная для работы в качестве средства обмена [1]. Криптовалюта относится к пиринговым технологиям и пользуется популярностью в современном мире. «Криптовалюта часто используется в целях уклонения от уплаты налогов, для легализации средств, добытых преступным путем, и финансирования противоправной деятельности», – отмечается в Министерстве финансов Российской Федерации [3]. Относительно пиринговых технологий ведётся различная политика, которая меняется в зависимости от целей, поставленных перед государством.

Заключение. Проблема становления и развития правового фундамента информационного общества в настоящее время приобретает особую актуальность. Информационное право становится новым прогрессивным направлением развития современной юриспруденции. Вместе с этим широкое обсуждение получают теоретические вопросы Интернета и интернет-права в свете теории права и государства.

Список литературы

1. Cointelegraph // What is Cryptocurrency. Guide for Beginners. URL: <https://cointelegraph.com/bitcoin-for-beginners/what-are-cryptocurrencies> (дата обращения: 24.09.2020)
2. Архипов В. В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 249 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс.
3. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет / Р. Ф. оглы Азизов. — Текст: электронный // Санкт-Петербургский государственный университет. — 2014. — С. 25-29. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22472907> (дата обращения: 24.09.2020). — Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

УДК 340.13

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гулина С. Н., Байша А. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
s.gulina@donnu.ru

Введение. С наступлением новой цифровой эры для человечества наступил новый период в истории. Новая эпоха это возможность свободно передавать информацию вне зависимости от расстояния, времени суток, места, часового пояса. Это обстоятельство во многом упрощает быт людей, однако не приведет ли цифровая революция к серьезным нарушениям прав и свобод человека? В мире, где вся информация оцифрована персональные данные человека обязаны защищаться.

Основная часть. Законодательство всех государств мира должно соответствовать требованиям, которые предъявляются мировыми стандартами: должно быть актуальным, защищать права и свободы человека и гражданина, которые проживают на той или иной территории, устанавливать правопорядок и отвечать всем нормам морали, которые существуют в обществе.

В связи с последними достижениями научно-технической революции мир вступил в новую эпоху, которую именуют как цифровая эпоха. необходимо вносить изменения в законодательство, так как не все общественные отношения регулируются нормами права.

Существует ряд нормативно правовых актов, которые закрепляют защиту основных прав и свобод человека и гражданина, информации, информационно-коммуникационных технологий, деятельность на

просторах Интернета. К данным нормативным актам можно отнести: Окинавскую хартию Глобального информационного общества, Конвенцию по борьбе с киберпреступностью 2001 г., Конституцию Донецкой Народной Республики, Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» от 7 августа 2015 года, Гражданский кодекс ДНР и др.

Обращаясь к национальному законодательству об информации подчеркнем, что принципами правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом, установление ограничений доступа к информации законодательством Донецкой Народной Республики, открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных законодательством Донецкой Народной Республики [1].

В повседневной жизни цифровые технологии ослабляют защиту личной частной жизни на массовом уровне. Однако, в Конституции Донецкой Народной Республики в статье 16 прописано о том, что как демократическое, правовое, социальное государство оно защищает тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и ограничение данного права допускается только на основании судебного решения. Стоит отметить, что в Конституции ДНР не в полной мере закреплены цифровые права, необходимо точнее обозначить правовой статус личности в Интернете[2].

Цифровые права включают в себя широкий спектр прав таких как: право доступа к всевозможным сетевым, коммуникационным ресурсам, электронным технологиям, право на защиту персональных данных, право на анонимность, право на свободную передачу и распространение информации.

Рассмотрим наиболее интересное на наш взгляд судебное решение ЕСПЧ по делу о «Каблис против России» жалоба №№ 48310/16 и 59663/17. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) удовлетворил жалобу активиста Григория Каблиса, чью страницу в соцсети «ВКонтакте» заблокировали из-за записи о несогласованном митинге. Об этом говорится на сайте суда [3].

В решении ЕСПЧ указывается, что Россия должна выплатить Каблису компенсацию в размере €12,5 тысяч, а также возместить судебные издержки в размере €2,5 тысяч. Суд вынес решение о том, что блокировка аккаунта личной страницы пользователя «ВКонтакте» из-за призывов прийти на митинг нарушает свободу слова. Статьи Конвенции о защите прав человека также были нарушены в связи с отказом российских судов отменить решение о блокировке.

В 2015 году Каблис предложил жителям Сыктывкара собраться, чтобы обсудить задержание главы Коми Вячеслава Гайзера и других членов

правительства региона. Местные власти отказали ему в проведении митинга в центре города. Но Каблис написал на своей странице в соцсети «ВКонтакте», что хочет провести народный сход граждан. После этого его аккаунт был заблокирован по требованию прокуратуры. Ведомство посчитало его сообщение призывом к несанкционированной акции протеста.

В последние десятилетия главы государств, как в Российской Федерации, так и за рубежом вводят программы, которые помогают внедрять все новые и новые информационно-коммуникационные технологии. В 2017 году правительство утвердило программу «Цифровая экономика РФ» сроком до 2024 года. Документ со ссылкой на Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы определяет цифровую экономику как «хозяйственную деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные в цифровом виде...» [4].

Немногим позже была опубликована Доктрина информационной безопасности, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Данная Доктрина сформирована для обеспечения национальной безопасности государства в эпоху информационных изменений [5].

Обновилась и Стратегия развития информационного общества, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203. В отличие от предыдущей Стратегии, приоритетом выступает формирование системы, которая позволит обеспечить эффективную и своевременную передачу достоверной информации между элементами информационного общества, которыми выступают: граждане, организации и госструктуры [6].

Заключение. Перечислив все вышеизложенные факты, проанализировав судебные решения по данной тематике, авторами был сделан вывод о том, что в век цифровой реальности еще больше необходимо соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Важно не допускать таких ситуаций, в которых люди с помощью информационно-коммуникационных технологий совершали противоправные деяния и оставались безнаказанными только из-за того, что это вне правового поля.

Подводя итог, следует отметить, что действующее законодательство об информации как на территории Донецкой Народной Республики так и по всему миру, в том числе подзаконные акты, а также сама правоприменительная практика, как особая форма реализации правовых норм, все еще далеки от совершенства. Поэтому исходной задачей для законодательного органа и уполномоченных органов в области цифрового права должна стать политика реализации конституционно-правовых норм в области информационно-коммуникационных технологий путем их унификации с международными стандартами.

Следует систематизировать все уже имеющиеся нормативно правовые акты по данной тематике, принимая во внимание опыт зарубежных стран, учитывая международные конвенции, и объединить в единый кодекс, который регулировал бы все общественные отношения, связанные с новыми объектами гражданских прав – цифровых прав.

Список литературы

1. Об информации и информационных технологиях : Закон Донецкой Народной Республики от 7 августа 2015 года №13-ІНС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-ob-obrashheniyah-grazhdan/> (дата обращения: 01.06.2020).
2. Конституция Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года № 1-1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.06.2020).
3. Обзор практики см. в тематической подборке Европейского суда: New technologies. March 2019.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О стратегии развития информационного общества в
5. Российской Федерации на 2017-2030 годы». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»

УДК 343.9.01

НЕКОНСТИТУЦИОННАЯ УКРАИНА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДОНБАСС (ПСИХОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Запорожцева Г. Е., канд. психол. наук, доц.
ЧОУ ВО «Московский университет имени С. Ю. Витте», г. Москва, РФ
gzaporozhtseva@gmail.com

Каждая страна, считающая себя цивилизованной, имеет свою Конституцию, которая представляет собой общественный договор между населением и государством, берущим на себя ответственность за народ, обязуясь защищать его интересы: «... Обязанность государства – защищать жизнь человека...» [1, ст. 27].

О сути общественного договора, в той или иной интерпретации говорили Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Милтон, И. Кант, Дж. Мэдисон и др., утверждавшие, что идея общественного договора всегда исходит от суверена-народа. [2]

Проанализировав события, происходящие в Украине, за прошедшие шесть лет, можно утверждать о попрании основных прав и свобод большей части населения Украины, что является нарушением договорных отношений, закрепленных в Основном Законе Украины – Конституции [1]. Так, 13 апреля 2014 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО), объявив о начале антитеррористической операции (АТО) с привлечением Вооруженных сил Украины, нарушил не только Ст. 17 Конституции Украины, которая, как норма прямого действия, запрещает использовать армию против собственного народа, но и нормы международного права, имплементированные в украинскую правовую систему до госпереворотных событий. Спустя год, 21.05.2015 г. Постановлением Верховной Рады Украины (ВРУ), был узаконен отказ Украины от исполнения норм международного права, обязывающих государство соблюдать права человека. [3] Тем самым центральные власти Украины открыто заявили о том, что они на юридическом уровне встают на путь сегрегации и дискриминации в отношении жителей отдельного региона государства, что является фактом «де-юре» разрыва общественных отношений с народом Донбасса.

И, хотя официальное заявление об отказе Украины от своих обязательств соблюдать права человека было сделано в отношении жителей Донбасса, на практике же отступление от международных норм в сфере защиты прав человека коснулось всех жителей Украины. Реализация прав и свобод, зафиксированные во 2 разделе Конституции Украины для граждан страны стали не только невозможными, но и опасными для жизни и здоровья.

Закономерно возникает вопрос: как это могло произойти в стране, в которой были провозглашены принципы демократии и реализованы все четыре поколения прав человека? Почему в декабре 2013 года граждане Украины возмутились информацией об «избитых студентах на майдане», а в последующем молча наблюдали и наблюдают за физическим уничтожением жителей целого региона европейской страны?

Такое явление стало возможным в результате так называемого расчеловечивания целого народа, который потерял способность сопротивляться энергии деградации, агрессивному процессу превращения людей в бездуховные существа, утратившие стыд, совесть, честь и нравственные принципы.

Соглашаясь с представителями КОБ (концепции общественной безопасности) [4], что «горячей фазе» военных действий, обозначенной ими, как 6-й (физическое уничтожение) приоритет управления обществом, предшествует ряд других приоритетов (1-й мировоззренческий, 2-й хронологический, 3-й фактологический, 4-й экономический, 5-й геноцид), которые направлены на психологическую обработку сознания народа,

который можно превратить в легко управляемую толпу, обезумевшую массу неадекватных людей. Например, концепция *окна Овертона*, рассматривает механизмы, использование которых, приводит к явлению, когда то, что было немыслимо для людей вчера, сегодня воспринимается, как приемлемое, а завтра будет восприниматься, как обязательное к исполнению.

Украинские события за последние шесть лет ярко иллюстрируют процесс расчеловечивания людей по теории *окна Овертона*. Использование данной теории для расчеловечивания народа Украины сопровождалось использованием целого ряда теоретических наработок, которые имеются в арсенале, как отечественной, так и зарубежной психологии. Например, чтобы оправдать убийства жителей Донбасса, трагедию Одесской Хатыни, расстрел демонстрантов в Мариуполе, была использована теория установки, советского психолога Дмитрия Узнадзе. Использование данной теории было необходимо для формирования в общественном сознании негативного отношения к людям («террористы», «сепаратисты», «колорады», «ватники»), смерть которых не должна вызывать сострадания. Использование теории американского психолога Стенли Милгрэма, например, при избиении сотрудников «Беркута» на майдане, сформировала готовность у населения причинять страдания другим людям. С помощью американской теории необихевиоризма можно манипулировать общественным сознанием и выводить массы на майдан, отправлять на смерть в зону АТО. Люди вводятся в состояние массового психоза, что позволяет легко ими управлять. [5] Находясь в состоянии массового психоза, с измененным сознанием, украинская общественность не реагировала на преступления регламентированные украинским законодательством в 20 разделе уголовного кодекса Украины – «Преступления против мира и безопасности человечества и международного правопорядка», и изложенные в следующих диспозициях: ст. 437 Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны; ст. 438 «Нарушение законов и обычаев войны»; ст. 439 «Применение оружия массового уничтожения»; ст. 442 «Геноцид»; ст. 447 «Наемничество» и др. [6]

Таким образом, мы видим, как центральная власть Украины, после незаконного захвата власти, де-факто и де-юре сняла с себя ответственность, обусловленную Общественным договором. Данное явление можно охарактеризовать, как односторонний выход из договорных отношений государства Украины в лице киевских властей, обозначив государство Украина, как неконституционное.

Рассматривая же действия жителей Донбасса, можно утверждать, что, они как раз действовали в рамках Основного Закона (Конституции),

руководствуясь ст. 27 КУ, которая четко регламентирует: «...Каждый имеет право защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других людей от противоправных посягательств». В данном случае Донбасс можно обозначать, как – конституционный.

В условиях, когда одна из сторон договора не в состоянии выполнять его условия или пытается навязать другой стороне заключить ничтожный договор, в судебной практике, в таких случаях, стороны приводятся в исходное положение. На наш взгляд, одной из возможностей разрешения кризиса на Украине является возвращение к тексту Декларации о независимости (за который 17 марта 1991г., на всенародном референдуме, проголосовало 80 % населения Украины), в котором зафиксировано волеизлияние народа – подписание обновленного Союзного договора. Субъектом, такого подписания Договора мог бы выступить Конституционный Донбасс.[7]

Список литературы

1. Конституция Украины: Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 г. // ВВРУ. – 1996. – № 30.
2. Общественный договор / А. Л. Субботин // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
3. Постановление Верховной Рады Украины "Про відступ України від окремих зобов'язань, визначених Міжнародним пактом про громадянські і політичні права та Конвенцією про захист прав людини і основоположних свобод" – Заявление от 21.05.2015 № 462-VIII действует с 21.05.2015.
4. Концепции общественной безопасности (КОБ) <http://www.mera.com.ru>, <http://kpe.ru>
5. Запорожцева Г. Параноидальная лихорадка пастора Турчинова, или Сеанс массового психоза //Сайт "Око планеты" 18-06-2015// <https://oko-planet.su/politik/society/284544-paranoidalnaya-lihoradka-pastora-turchinova-ili-seans-massovogo-psihoza.html>
6. Уголовный кодекс Украины. Закон Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III // Відомості Верховної Ради України. — 2001. № 25-26.
7. Орлов Г. Всесоюзный референдум 17 марта 1991 года (цель и последствия). Референдум, о котором много говорили, но слишком быстро забыли // Крымская правда, 17 марта 2001 г. – С. 3-4.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ВИДА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kosach@donnu.ru

Введение. Интеграция и дифференциация научного знания являются объективными закономерностями его развития. Как и любая наука, теория государства и права не может развиваться в отрыве от других отраслей знания. Однако комплексные исследования правовой системы с точки зрения социального управления, опирающиеся на всесторонний анализ понятия управления, с учетом общих закономерностей социального управления проводятся недостаточно.

Цель – показать, что правовое воздействие на общественные отношения как вид управленческого воздействия, подчиняющегося закономерностям социального управления, требует специальных исследований с учетом соответствующих отраслей знаний.

Основная часть. Исследования юридической действительности с использованием управленческих подходов получили признание в правоведении. Однако указывают, что отсутствует единая стратегическая линия в развитии данного научного направления [1, с. 17, 18]. Недостаточно исследуются в качестве самостоятельных инструментов управления право в целом, его отдельные отрасли, механизм его воздействия в обществе. Также указывают, что не учитываются специфические юридические аспекты управленческой деятельности. Ряд юридических проблем не освещаются должным образом с точки зрения теории управления [2, с. 6, 8, 13]. Недостаточное внимание уделяется общим закономерностям социального управления, влияющим на правовое воздействие как специфическую форму управленческого воздействия [3, с. 54]. Уже давно в литературе отмечено, что законодательство, охватывая своими понятиями различные виды управленческой деятельности, часто употребляет для характеристики управленческих функций терминологию, лишь внешне сходную с терминологией науки управления [4, с. 68].

Закономерности социального управления проявляются при рассмотрении права, как самостоятельно функционирующей системы, и как подсистемы системы социального управления в обществе. Механизм правового воздействия должен рассматриваться в качестве одного из компонентов механизма государственного управления. В процесс государственного управления, также как и в механизм правового

воздействия включается формирование правосознания, правовое регулирование, правотворчество. С позиций теории и практики социального управления можно рассматривать многие правовые процессы для их нового осмысления. Необходимо пояснить, чем обусловлен такой подход к праву и процессу правового воздействия на общественные отношения.

В теории управления признано, что всякое управление (независимо от сферы) осуществляется для достижения основной цели – уменьшения дезорганизации, сокращения отступлений от установленных норм, правил. Кибернетика сформировалась как самостоятельная наука именно благодаря тому, что было открыто единство процессов управления, где бы они ни происходили. Данные процессы характеризуются уменьшением энтропии [5, с. 210]. Этим же характеризуется процесс правового воздействия на общественные отношения. Процессы управления, осуществляемые в области права, направлены против дезорганизации правового воздействия на общественные отношения, против нарушений норм права, установленной законности, правопорядка. Они призваны повышать качество правового регулирования и обеспечивать достижение целей, поставленных перед правом и правовой системой.

Комплексные исследования государственного управления и права должны охватывать всю совокупность проблем государственного управления, осуществляемого аппаратом государства, как субъектом государственного управления, а также вопросы регулирования нормами права самого процесса государственного управления. Государство, система государственных органов, механизм их функционирования рассматривается в рамках теории государственного управления и теории государства и права. Правовой аспект представлен в науке конституционного и административного права.

В отечественной науке административного права существует «широкое» и «узкое» понимание государственного управления. В широком понимании – это совокупность всех видов деятельности всех органов государства. Однако указывают, что такое толкование оправдано только на уровне рассмотрения общесоциальной системы управления. В узком понимании государственного управления государство рассматривается не в целом, а дифференцировано: как совокупность государственных органов, между которыми определенным образом распределены разные виды деятельности государства. Поэтому категория государственного управления в узком значении отображает относительно самостоятельный вид деятельности государства, который осуществляет определенная часть государственных органов (нормотворческая и распорядительная деятельность органов исполнительной власти, а также внутриорганизационная деятельность аппарата всех государственных органов). Утверждается, что узкое понимание государственного управления

должно быть основным в административном праве, поскольку реальной потребности в использовании еще одного – широкого – понимания государственного управления просто нет. Но широкое понимание государственного управления наиболее точно отражает суть самого явления. Должно существовать терминологическое единство между теорией государства и права и наукой административного права. Представляется, что исследователи должны использовать одни и те же термины для обозначения одних и тех же явлений.

По мнению М. М. Рассолова, необходима специальная теория управления в области права, как одного из компонентов единой науки государственно-правового управления. Ее предметом должно быть всестороннее, комплексное осмысление управленческих целей, стоящих перед правом, правовой системой и ее подсистемами, определение путей и способов решения задач управленческо-правового воздействия на общественные отношения и обеспечение этого решения на практике [2, с. 18].

Заключение. Правовое воздействие на общественные отношения является особым видом управленческого воздействия. Имея правовую природу, оно подчиняется общим требованиям и закономерностям социального управления. При исследовании проблем управления и права должны использоваться методы теории государства и права, теории управления, социологии, кибернетики и информатики. В основу представлений об управлении в правовой реальности должен быть положен синтез знаний наук, изучающих право, государство и управление. Юридическая наука должна использовать результаты исследований наук об управлении, чтобы иметь адекватное представление о своем предмете. Но при этом юридическая наука должна предложить свою юридическую терминологию, отображающую управленческие категории.

Список литературы

1. Шувалов И. И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. – М.: Норма, 2005. – 144 с.
2. Рассолов М. М. Проблемы управления и информации в области права. – М.: Юрид. лит., 1991. – 224 с.
3. Халфина Р. О. Право как средство социального управления / Отв. ред. Пискотин М. И.; АН СССР. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
4. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). – М.: Юрид. лит., 1972. – 280 с.
5. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М., 1959. – 379 с.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, *Затейщикова Е. Л.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eu.kr@yandex.ua, zateyshchikova.liza@mail.ru

Введение. В современных реалиях мировое сообщество стремится воплотить в жизнь то, что раньше считалось научной фантастикой. С развитием науки и техники искусственный интеллект все больше внедряется в различные сферы жизни общества и совсем скоро он получит возможность совершать юридически значимые действия, которые должны получить точную регламентацию.

Основная часть. В ноябре 2019 года Президент Российской Федерации, во время своего выступления относительно перспектив развития инновационных технологий, огласил отчет по динамике применения и использования систем с искусственным интеллектом (далее – ИИ). На основании данного отчета можно сделать вывод о том, что приоритетным направлением развития ИИ является модернизация моральных и правовых норм. Модернизация предполагает формирование свода этических правил взаимодействия человека с ИИ, увеличения количества и качества подготовки специалистов по работе с ИИ в Российской Федерации.

Согласно положениям, заключенным в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», технология искусственного интеллекта трактуется как одна из приоритетных сквозных технологий для решения вопросов обработки данных большого объема, распознавания объектов и быстрого интеллектуального поиска.

В то же время, перечень приоритетных направлений развития и использования технологий ИИ указан в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Стратегия), обязала внести изменения в Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» и разработать проект «Искусственный интеллект», с помощью реализации которого будут созданы все необходимые условия для эффективного

взаимодействия между государством, научными организациями и гражданами в сфере развития ИИ. Также реализация проекта «Искусственный интеллект» позволит занять лидирующую позицию на мировом рынке ИИ.

Стратегия определяет цели и основные задачи развития ИИ, среди которых:

1. Разработка комплекса мер, направленных на использование ИИ в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов в любой сфере жизни общества;

2. Поддержка научных исследований, разработок программного обеспечения и т.д.

Положения, указанные в Стратегии, обязательно должны учитываться при реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и иных национальных проектов, программ и планов мероприятий.

В Российской Федерации действует автономная некоммерческая организация (далее – АНО), созданная на базе национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Целесообразность создания данной организации обусловлена необходимостью обеспечения продуктивного диалога между представителями бизнеса и государства при реализации задач национальной программы по применению ИИ. Со стороны государства АНО поддерживается Администрацией Президента Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

Деятельность автономной некоммерческой организации направлена на разработку цифровых технологий, то есть на создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области обеспечения технологической независимости Российской Федерации на мировой арене.

Необходимо отметить также работу А. В. Незнамова, который является одним из основателей и руководителем Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта Российской Федерации, и ученого В. Б. Наумова, которые разработали проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, согласно которому роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов. Таким образом, авторы этого проекта сразу решили вопрос о том, могут ли в будущем умные роботы стать субъектами права или остаться объектами.

Заключение. При реализации всех положений программ развития ИИ целевым результатом следует считать внедрение в правовую систему Российской Федерации технологий правового мониторинга, юридического прогнозирования, проектирования юридических норм, анализ законопроектов и т.д. Также необходимо как можно быстрее принять

новую научную концепцию по цифровизации интеграционного права в законодательстве России, которая, прежде всего, будет ориентирована на международные стандарты в едином виртуальном пространстве.

Список литературы

1. Путин: РФ способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (дата обращения: 08.10.2020).
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 08.10.2020).
3. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 08.10.2020).
4. «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 08.10.2020).
5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Гарант.Ру – информационно-правовой портал. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 08.10.2020).

УДК 343.3/.7

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, **Комов А. А.**, **Ливанова А. Г.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eu.kr@yandex.ua, kepnedremlet@gmail.com

Введение. В современном мире научно-технический прогресс, связанный с введением в эксплуатацию новейших информационных технологий, привел к возникновению ранее неизвестных видов преступности, среди которых: хищение, присвоение, вымогательство частной компьютерной информации, вмешательство в процесс работы вычислительных машин и систем компьютерных сетей. Данные антисоциальные явления, получили наименование – «киберпреступность».

Основная часть. Исследование проблемы противодействия киберпреступности ведется уже более четверти века, тем не менее, достаточно полно сформировать понятия наказания еще не удалось, что позволяет широко «разворачиваться» преступным группировкам. На данный момент в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики нет определения «киберпреступление». Для выработки наиболее подходящего понятия, необходимо сослаться на существующий опыт международных организаций. Одним из главных достижений деятельности по урегулированию данной проблемы, стало принятие Советом Европы 23 ноября 2001 года Конвенции по борьбе с киберпреступностью. Данная конвенция предусматривает скоординированные на межгосударственном и национальном уровнях действия, пресекающие любые попытки незаконного перехвата данных и несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем.

Наиболее распространённые виды киберпреступлений:

– Финансовые преступления – это общественно опасные деяния, посягающие на финансово-экономические отношения: мошенничество с кредитными картами, хищение денежных средств в момент совершения банковских операций и т.д.

– Фишинг – это выманивание личной информации у граждан для получения доступа к счетам в банке. На данный момент широкое распространение получил целевой фишинг. Он применяется на целевые группы пользователей и хранит в себе сообщения с социальным контекстом, призывающие потенциальных жертв воспользоваться определенным файлом или проследовать на сайт, содержащий вредоносный код.

Кибер-торговля наркотиками – это вид наркоторговли с применением технологий шифрования сообщений, по электронной почте передаваемых клиентам. В данных сообщениях поставщики указывают в кодированном виде место и способ осуществления обмена товара на денежные средства.

Кибертерроризм – это совершение террористических актов в киберпространстве. К данной категории преступлений относятся простое распространение через Интернет информации о терактах, которые могут быть совершены в будущем в конкретно указанное время.

Результаты, полученные в процессе анализа положения дел относительно изучаемого вида преступности, дают нам основания говорить о низком уровне защиты современного общества, использующего информационные технологии, также следует отметить, что круг проблем достаточно обширен, он варьируется – от уязвимости систем осуществляющих денежные операции до незащищенности технических средств. В наши дни компьютерные технологии и Интернет являются неотъемлемой частью деловой и личной жизни человека. Исследование

глобальных экономических преступлений, проведенное с участием деловых кругов в 78 странах, показало, что киберпреступления стоят на четвертом месте в мире по распространению.

Из-за высоких показателей киберпреступности для того, чтобы определить уровень ее распространения, необходимо применять новые методы и источники получения информации. А для такого молодого государства как Донецкая Народная Республика задача борьбы с киберпреступностью пока что является практически неисполнимой.

Поскольку Донецкая Народная Республика начиная с 2014 года и по настоящее время испытывает последствия ведения боевых действий и разрыва экономических связей с Украиной, то сейчас все усилия направлены на восстановление промышленности и инфраструктуры, подъем экономики, налаживание внешних связей. В настоящее время количества высококвалифицированных кадров, которые могли бы вести расследования, связанные с данным видом преступлений безусловно недостаточно, особенно если брать во внимание то, что в большинстве своем имеющиеся кадры, не обладают достаточным уровнем знаний в области новейших компьютерных технологий, что приводит к ошибкам в квалификации и расследовании преступлений. Помимо это большой проблемой остается отсутствие достаточного количества теоретического материала и практического опыта по расследованию данного вида преступлений, а также опыта судебной практики относительно киберпреступности. В связи с этим перед государственной властью возникает задача по введению новых специализаций и внесению изменений в учебные планы подготовки студентов специальных учебных заведений. Высокий показатель преступности и недостаточность комплексных исследований влекут за собой неэффективность существующих мер по предупреждению преступлений данной категории.

Заключение. Проведя анализ вышеприведенных видов киберпреступлений, можно сделать закономерный вывод о необходимости их предупреждения. Небывалый рост киберугроз широкого спектра в современном мире, актуализирует очень важную задачу – обеспечение информационной безопасности.

Список литературы

1. Кибермошенники за год украли со счетов россиян почти 350 млн руб. [Электронный ресурс] // Общая газета: офиц. сайт. URL: <http://og.ru/society/2016/10/13/84213>.
2. С банковских счетов россиян украли 650 млн руб. [Электронный ресурс] // URA.RU: офиц. сайт. URL: <https://ura.news/1052300513>.
3. Аберкромби Н. Социологический словарь [Электронный ресурс] / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – URL: http://sociological_dictionary.academic.ru/264.
4. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И. Г. Смирнова; отв. ред. О. А. Егерова, Е. М. Якимова. – М., 2016.

5. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А. Г. Волеводз. – М., 2002.
6. Дашян М. Обзор Конвенции Совета Европы о киберпреступности // Современное право. – 2002. – №11. – С. 20–24.
7. Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: дис., канд. юрид. наук. – Иркутск, 2006. – С. 109–112.

УДК 34:007

«ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО» КАК ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, *Лебединская А. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eu.kr@yandex.ua, lebedinskaya@gmail.com

Введение. На сегодняшний день искусственный интеллект (далее – ИИ) рассматривается как инновационный ресурс будущего. Технологическая эволюция протекает стремительными темпами, в отличие от процесса создания законодательства по регулированию ИИ в сфере интеллектуальной собственности, который требует значительного количества времени ввиду необходимости согласования позиций всех государственных представителей в соответствии с мировыми тенденциями и национальными возможностями. Учитывая это, очевидно, что масштабная популяризация ИИ является основной причиной углубления изучения специфики данного феномена.

Целью работы является проведение анализа теоретико-фундаментальной и перспективно-правовой сущности искусственного интеллекта в ключе наделения его особым правовым статусом.

Основная часть. В силу проявления искусственным интеллектом творческого потенциала, возникает ключевая проблема формализации ИИ в качестве автора определенного результата интеллектуальной деятельности.

Так, в соответствии со ст. 1228 ГК РФ «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [1], что аналогично дефиниции об авторе произведения науки, литературы или искусства (ст. 1257 ГК РФ).

Как следствие, возникает ключевая проблема в аспекте наделения ИИ правовым статусом личности – наличие гражданства, то есть устойчивой правовой связи лица с конкретным государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

Исходя из содержания ст. 13 Федерального закона №62-ФЗ «О гражданстве РФ» [2], логично вытекающим и обязательным свойством, которым должна обладать система с технологией искусственного интеллекта, является автономность. Согласно пункту 3.4 ГОСТ Р 60.0.2.1-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности» [3], автономность (autonomy) – способность выполнять поставленные задачи в зависимости от текущего состояния и восприятия окружающей среды без вмешательства человека.

Во избежание процесса получения гражданства роботом, наделенным технологией ИИ, в Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017^огода с рекомендациями Комиссии по гражданскому-правовому регулированию [4] зафиксировано, что «создание специального правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе необходимо, чтобы сложные автономные роботы могли быть признаны ответственными за нанесение ущерба, который они могут причинить».

Тем самым, присвоение такого особого правового статуса роботу подразумевает не только решение вопроса о гражданстве искусственного интеллекта, но и проблемы наделения робототехники правосубъектностью, которую необходимо практиковать, по нашему мнению, в качестве юридической фикции для обеспечения активизации гражданской оборотоспособности ввиду тенденции популяризации результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ. Именно поэтому, мы считаем, что вероятность предоставления правоспособности и дееспособности, толкуемые отечественной теорией права, искусственному интеллекту воздействует на проведение ревизии классических правоотношений с целью реформирования и модернизации национального законодательства. Как следствие, дальнейший ход рассуждений будет справедлив при формировании авторской конструкции о критериях наделения правосубъектностью систему с технологией ИИ.

С нашей точки зрения, российским законодателям необходимо отказаться от единственной вариации рассмотрения робототехники как объекта правоотношений, поскольку, в любом случае, такое устаревшее восприятие элементов цифровой экономики воздействует на последующее создание сценария «догоняющего» развития.

Так, одни авторы предлагают в законодательство ввести понятие «электронный профиль человека» в аспекте определения системы ИИ как квазисубъекта гражданского права, который должен регулировать отношения в правовом поле с «реальными субъектами правоотношений» [5], другие же ученые считают, что термин «цифровое лицо», содержание которого заключается в прагматизации прав и обязанностей искусственного интеллекта, а также определении его решений как «квазинезависимых», является более релевантным [6].

Продолжая научные изыскания предыдущего автора, по нашему мнению, «скомпилированная программа» ИИ имеет следующие критерии: частичная или полная автономность; роботизированный тип личности, что подразумевает отсутствие биологического жизнеобеспечения; адаптация к внешнему миру и готовность взаимодействия с людьми посредством программирования этических принципов и безопасных альтернатив поведения, а также понимания естественного языка; наличие навыка самосовершенствования.

Заключение. Следуя предписанию Резолюции Европейского Парламента, мы считаем термин «электронное лицо» наиболее оптимальным вариантом фиксации системы ИИ в рамках гражданских правоотношений. Так, в целях перспективной модернизации гражданского законодательства разработана следующая авторская дефиниция:

«Электронное лицо – это частично или полностью автономная киберфизическая система, имеющая особый правовой статус, отражающий юридическую фикцию в силу её обладания внешним визуалом робототехники и её функционирования посредством технологии искусственного интеллекта, а, значит, выступающая носителем прав и обязанностей, необходимых для выполнения специфического функционально-целевого назначения».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. №230-ФЗ: часть четвертая // СЗ РФ. – 2006. – №52. – ст. 5496.
2. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. №62-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №22. – ст. 2031.
3. Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности: ГОСТ Р 60.0.2.1-2016 [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational?portal:componentId=3503536e-2ac1-4753-8ed1-09a92fee02de&portal:isSecure=false&portal:portletMode=view&navigationalstate=JBPN_S_rO0ABXc5AAZhY3Rpb24AAAABABVjb25jcmV0ZURvY3VtZW50AAZkb2NfaWQAAAABAQ1MDgxAAdfX0VPR19f (дата обращения: 15.09.2020).
4. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 15.09.2020).
5. Ирискина Е. Н., Беляков К. О., Ананьев П. П. К вопросу о правоспособности и дееспособности электронного профайла человека // Инновации. – 2017. – №12. – С. 24-27.
6. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 3. – С. 73–81.

ВОЕННЫЙ АДВОКАТ ИЛИ ПРОКУРОР ЗАЩИТЫ

Леонов С. Ю.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

leonovst@mail.ru

Введение. Анализ научных исследований показывает, что теме военных адвокатов или прокуроров защиты не уделялось должного внимания со стороны ученых-правоведов. Специфика военного права в части защиты прав военнослужащих и лиц, связанных с ними, не является настолько глубоко изученной, как, в частности, законодательство о прокуратуре в целом.

Цель. Обосновать необходимости введения и закрепления в законодательстве Донецкой Народной Республики института «военного адвоката» или «прокурора защиты».

Основная часть. Военное право – совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в области деятельности вооруженных сил государства, жизни и деятельности войск. Военная юстиция – собирательное понятие, обозначающее совокупность органов государственной власти, наделённых полномочиями применения общего и военного законодательства в отношении военнослужащих. Традиционно в число органов военной юстиции включаются военные суды, органы военной прокуратуры и юридической службы воинских формирований.

Пунктом 2 статьи 21 Закона Донецкой Народной Республики от 13.02.2015 г. № 09-1НС «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что военнослужащим и лицам, к ним приравненным, обеспечивается право на защиту в порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики.

Прокуратура, в силу своей компетенции, определенной Законом Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 г. № 243-1 НС «О прокуратуре» (далее – Закон о прокуратуре), является важнейшим конституционным правоохранительным институтом нашего государства. Неотъемлемой частью системы прокуратуры нашей Республики являются соответствующие прокуроры по надзору за исполнением законов в военной сфере (в России – военная прокуратура). Как свидетельствует отечественная практика, в нелегких условиях армейской действительности зачастую прокурор по надзору за исполнением законов в военной сфере (далее – военный прокурор) оказывается единственным гарантом обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав военнослужащих.

Вместе с тем, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор (а в военных судах – военный прокурор) выступает в качестве государственного обвинителя.

Согласно части 1 статьи 3 Закона Донецкой Народной Республики от 20.03.2015 г. № 25-1НС «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» – адвокатской деятельностью является независимая профессиональная деятельность адвоката при осуществлении защиты, представительства и предоставления других видов юридической помощи в целях защиты прав, свобод и интересов клиента.

При рассмотрении уголовных дел в военных судах предоставление стороне защиты в качестве государственного защитника военного адвоката или прокурора защиты не предусмотрено действующим законодательством, что не дает возможность военнослужащему, который является подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным и т.п., иметь квалифицированную государственную защиту в этом суде.

Изложенное выше свидетельствует – такое положение связано с пробелами в нормативном разрешении рассматриваемых вопросов. Нахождение прокуроров защиты или военных адвокатов и их участие в уголовных делах в качестве государственных защитников является необходимым и справедливым по отношению к военнослужащим, в отношении которых рассматриваются дела в военном суде.

Рассмотрение института «военный адвокат» и «прокурор защиты» неразрывно связано со становлением и развитием адвокатуры и прокуратуры в СССР, России и Донецкой Народной Республике. Следует признать, что в изначальном смысле полноценных военных адвокатов или прокуроров защиты не было ни в царской России, ни в СССР, ни в современной России, ни в Донецкой Народной Республике. Вместе с этим нужно отметить, что, как видно из анализа исторических источников, в двадцатые годы XX в. активно дискутировался вопрос о создании коллегии военных защитников (адвокатов) для участия их по делам, отнесенным к компетенции военной юстиции.

Зарождение военной юстиции и военных судов в царской России было обусловлено необходимостью осуществления судебной власти в армии, особенно в период военных действий и иных чрезвычайных ситуаций. В дальнейшем это предназначение военных судов сохранялось, а их развитие происходило одновременно со становлением других государственных органов и военной организации страны. Военные историки России выделяют четыре основных периода развития военного законодательства и военного суда: реформы Петра I, судебная и военная реформы 1864 – 1867 гг., советский период, современный период России.

Военный адвокат или прокурор защиты должен относиться к офицерскому составу. Он хотя и будет связан с военной администрацией, например, проходить военную службу по контракту, но при этом, в целях независимости и объективности, на него, как впрочем, и на судью военного суда или военного прокурора стороны обвинения, не может оказываться давление.

Военный адвокат или прокурор защиты по своим функциям и задачам осуществляет деятельность по непосредственной защите прав военнослужащих, его не могут уволить, т.к. он выполняет свои должностные обязанности.

Для примера можно рассмотреть некоторые особенности военной юстиции в вооруженных силах США (сухопутных войсках, военно-морских силах (ВМС), военно-воздушных силах и др. войсках). Так, в США деятельность военных адвокатов регламентирована Единым кодексом военной юстиции. При этом американские военные адвокаты относятся к Группе национальной военной юстиции, которая оказывает правовую помощь и защиту интересов военнослужащих на всей территории США и на международном уровне – любых американских служащих военно-морских баз и баз морской пехоты за пределами США. Так, в частности, военные адвокаты состоят на военной службе в корпусе ВМС и корпусе морской пехоты. Деятельность военного адвоката в США по своим функциям схожа с деятельностью гражданского адвоката в его повседневных обязанностях. Он представляет интересы клиентов по вопросам юрисдикции военных судов, но его главное отличие от гражданских адвокатов в том, что он работает исключительно с военнослужащими и может представлять их интересы в гражданских и уголовных делах.

Военный адвокат в США должен обладать прекрасным пониманием всех частей гражданского и военного права. Их советы и действия затрагивают не только отдельных людей, но и могут отразиться на их сфере военной службы. Они должны уметь работать под давлением, сохраняя при этом самообладание. Они должны обладать отличными коммуникативными навыками, как в зале суда, так и вне его. Они могут представлять широкий круг клиентов, от рядового состава до высокопоставленного командира.

Заключение. Важно подчеркнуть, что введение дефиниции «военный адвокат» или «прокурор защиты» в законодательство Донецкой Народной Республики является наиболее целесообразным решением, обеспечивающим прозрачность и доступность законодательства для военнослужащих, обеспечения их полноценной защиты и восстановления нарушенных прав.

Список литературы

1. Петухов Н. А. Становление и развитие военных судов как органов осуществления судебной власти в условиях военной службы // Информационный бюллетень военных судов, 1998. – № 171.
2. Поспелов О. В. Формы адвокатских образований в России. – М.: Российская Академия адвокатуры, 2008. – С. 256.
3. Савюк А. К. Правоохранительные и судебные органы: Учебник. – М.: Юрист, 2005. – С. 464.

УДК 343

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, *Федорчук С. В.*, *Стрелецкая А. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
k.matvienko@donnu.ru, kepnedremlet@gmail.com

Введение. Основной целью поддержания национальной безопасности является поддержание защищенности всех объектов безопасности. В настоящее время развитие цифровых технологий является одним из важных элементов современного высокотехнологического общества и имеет огромное влияние на обеспечение национальной безопасности, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства.

Основная часть. В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) в сфере уголовного судопроизводства современные технологии электронного документооборота применяются только лишь при ведении статистической отчетности и формировании электронного варианта бланков уголовно-процессуальных документов, заполняемых при помощи программного обеспечения Microsoft Word, что несравненно мало, исходя из возможностей технологического прогресса современного общества. Предлагается расширить данные рамки путем формирования оцифрованной копии уголовного дела.

Создание единой базы для хранения копий уголовных дел в электронном формате, как никогда актуально на сегодняшний день для ДНР. Сегодня, территория Донбасса является зоной вооруженного конфликта, и, в случае возможного обострения ситуации, в любой момент может встать вопрос о необходимости эвакуации имущества и документации. Кроме того, на сегодняшний день не единичны случаи попадания артиллерийских снарядов в административные здания ДНР, и

административные здания полиции не являются исключением – в связи с чем, сохранность материалов уголовных дел находится под угрозой. Кроме того, сохраняется риск осуществления диверсий и захвата зданий отделений полиции. Следует также отметить и человеческий фактор, следствием чего может стать утрата или порча материалов уголовного дела, а именно: поджог, повреждение материалов уголовного дела в связи с его ненадлежащим хранением, умышленная порча материалов уголовного дела с целью сокрытия более тяжкого преступления, утрата материалов уголовного дела и т.п.

В связи с вышеизложенным, создание оцифрованных копий материалов уголовных дел поможет обеспечить сохранность уголовных дел при порче или утрате бумажных носителей.

Кроме всего этого, хранение копии уголовных дел в электронном формате позволит значительно снизить риск фальсификации материалов уголовного дела – в первую очередь в отношении следственных и процессуальных действий, материалы которых уже помещены в электронную базу.

Необходимо сказать, что за рубежом рассматриваемой проблеме уделяется гораздо больше внимания. Так, например, в Казахстане принят закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности», который предусматривает возможность ведения уголовного судопроизводства в электронном формате. Стоит отметить, что Казахстаном в рамках модернизации уголовного судопроизводства также была принята инструкция о ведении уголовного дела в электронном формате. Данная инструкция включает в себя порядок формирования и ведения уголовного дела в электронном формате на стадии предварительного расследования. Исходя из этого, можно сделать вывод, что за рубежом заинтересованы во внедрении цифровых инноваций в уголовное судопроизводство, в том числе и ведения уголовного дела в электронном формате [1].

Сегодня в ДНР вопрос хранения уголовного дела в электронном формате, является проблемным и требует ряда законодательных изменений. Прежде всего, требуется решить ряд задач информационно-технического, материально-технического и законодательного характера, а именно:

Во-первых, следует решить материально-техническую сторону данного вопроса, увеличив обеспечение следственных подразделений организационной техникой, в частности, сканерами.

Во-вторых, решение информационно-технической стороны путем создания единой электронной базы следственных подразделений с ограниченным доступом, которая вмещала бы в себя архивы с копиями

оцифрованных уголовных дел. Доступ к данным будет осуществляться следователем посредством введения индивидуального логина и пароля. Для решения вопросов унификации процессуальной формы электронного документа, предлагается также установить формат подачи материалов уголовного дела, например, PDF (или аналогичные ему).

В-третьих, решение вопросов законодательного характера, а именно определение субъекта, который будет вести уголовное дело в электронном формате. Эту задачу предлагается возложить на следователя, в производстве которого находится данное уголовное дело, и на законодательном уровне закрепить обязанность следователя сканировать и загружать все материалы уголовного дела в информационную базу. Что касается определения сроков, в которые информация по материалам уголовного дела должна быть загружена в информационную базу, то сроки размещения материалов следственных действий и иной документации, на электронном ресурсе не должны превышать трех дней со дня проведения следственного действия или вынесения решения по делу. Очевидно, что изготовление оцифрованных материалов уголовного дела и размещение их в информационной базе требует затрат определенного времени, в связи с чем автором предлагается расширить штат следственных подразделений специалистами, которые будут заниматься оцифровкой материалов уголовного дела и своевременной их загрузкой в информационную базу [2].

Анализируя данный способ хранения материалов уголовного дела, возникает еще один важный вопрос – об ответственности за неправомерный доступ к информации и способах ее защиты. Совершенствование информационных технологий и проникновение их во все сферы человеческой жизнедеятельности ведет к возникновению новых форм преступных посягательств и криминализации новых деяний, а это, в свою очередь, к необходимости выработки эффективных мер борьбы с ними, внесению изменений в уже существующее уголовное законодательство и принятию новых норм. Здесь необходим ряд технологических решений в области киберзащиты, должны усовершенствоваться уже существующие системы защиты электронных баз, а также вестись учет и анализ компьютерных преступлений для создания новых систем защиты.

Кроме этого, необходимо разработать определенную иерархию лиц, имеющих доступ к охраняемой компьютерной информации, а также необходимо совершенствование и устранение всех коллизий и пробелов законодательства в этой области.

Предлагается обратить особое внимание на правовые механизмы, регулирующие: информационные правоотношения, возникающие при поиске, получении, потреблении различной категории информации; процессы производства, передачи и распространения информации;

информационные правоотношения, возникающие при создании и применении информационных систем. Несмотря на то, что Главой 28 Уголовного кодекса ДНР предусмотрены санкции за посягательство на компьютерную информацию, охраняемую законом, необходимо принятие ряда дополнительных законодательных актов для урегулирования правоотношений в данной сфере, которая исходя из вышеуказанного, сегодня является как-никогда актуальной.

Заключение. Таким образом, с целью обеспечения надлежащего уровня национальной безопасности, необходимость дополнительных материально-технических и информационно-ресурсных затрат на реализацию вышеуказанных предложений, является оправданной и необходимой. Все это позволит в случае активизации на территории ДНР боевых действий, исключить порчу бумажных носителей, обеспечить сохранность материалов уголовных дел, а также значительно снизить риск их фальсификации, что в конечном итоге позволит существенно повысить уровень национальной безопасности нашего государства.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 года № 118-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=35167041#pos=2;-160.
2. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 16268 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268>.

УДК 342.725

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УКРАИНЕ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, *Яременко Д. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
k.matvienko@donnu.ru, deoles.yaremenko@mail.ru

Ведение. Не смотря на то, что первые упоминания о правах человека появились в 1215 году в «Великой хартии вольностей», где было указано о запрете назначать на должности судей, шерифов и констеблей лиц, не знающих законов либо не желающих их выполнять, вопрос обеспечения прав человека является актуальным и в настоящее время. Более того,

начиная с XIII столетия понимание важности защиты прав человека неуклонно росло, а с развитием человеческого общества появлялись новые законодательные акты, новые средства и способы борьбы с нарушениями прав человека. Историческое развитие государства и общества позволяет нам проследить развитие наиболее эффективного средства защиты прав человека, каковым является институт омбудсмана.

Известный еще с XVIII века, институт омбудсмана за время своего существования в значительной мере преобразовывался, расширял спектр своих полномочий, пытаясь охватить наиболее уязвимые сферы деятельности человека.

На сегодняшний день складывается тенденция, при которой многие государства стараются вывести механизм защиты прав человека на все более высокий уровень, способствуя его развитию. Наиболее распространенным в мире считается привычный для многих общий омбудсмен, который имеет широкий спектр своих полномочий, не ограничиваясь той или иной узкой социальной сферой или принадлежности к гендерному или возрастному критерию.

Основная часть. Стремление государства обеспечить защиту прав человека во всех сферах является, безусловно, правильной и целесообразной. Однако при этом, бесосновательное расширение сферы деятельности омбудсмана не только создает угрозу заурегулированности, но и может привести к ситуации, когда стремление обеспечить защиту в одной сфере может привести к нарушению в другой. Наиболее ярким примером нецелесообразного подхода к защите прав человека является создание нового ответвления института омбудсмана в современной Украине. В развитие политики вытеснения русскоговорящего населения, устанавливаются новые запреты в языковой сфере, учреждаются новые институты по защите украинского языка. Так, 25 апреля 2019 года был принят закон № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который сам по себе является крайне спорным относительно соблюдения прав человека в многонациональном государстве, позиционирующего себя как плюралистически полное. В указанном нормативном акте указывается на необходимость учреждения **уполномоченного по защите государственного языка**, определяется круг его задач, полномочия, а также предусматривается возможность наложения штрафов уполномоченным по языку в случае нарушения законодательства относительно применения государственного языка в сфере обслуживания потребителей.

В соответствии со ст. 49 Закона № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» задачами уполномоченного по языку будут являться:

- защита украинского языка как государственного;

– защита права граждан Украины на получение государственным языком информации и услуг в сферах общественной жизни на всей территории Украины и устранения препятствий и ограничений в пользовании государственным языком [1].

Как можно заметить политика государства является эгоцентричной, заточенной непосредственно на защиту государственного языка, при этом отвергая и ставя под запрет использование иного языка при выполнении служебных или должностных обязанностей, о чем можно сделать вывод, проанализировав положения статьи 9 Закона № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [1].

Рассматривая вновь созданный институт, защищающий права граждан Украины необходимо обратить внимание на внутригосударственную политику, длящуюся на протяжении последних шести лет. Подготовка к формированию новых способов минимизации употребления языков национальных «меньшинств» начинается с 2016 года, принятием поправок к закону № 1663-VIII «О телевидении и радиовещании» [2]. Последующим этапом минимизации, а с учетом политической ситуации, правильнее будет сказать, искоренения русского языка в общественном обиходе, является принятие новой редакции Закона «Об образовании» от 05.09.2017, предусматривающей постепенный запрет использования русского языка в образовательных программах всех уровней. Так, на основании части 4 статьи 7 Закона Украины «Об образовании» (в редакции от 05.09.2017) одна или несколько дисциплин могут преподаваться на нескольких языках: на государственном или ином языке Евросоюза [3]. В контексте сказанного, необходимо отметить, что в перечень языков Евросоюза не входит русский язык, который является родным для основной части населения Украины [4]. При этом данный закон допускает создание отдельных классов, для лиц, являющихся коренными жителями, принадлежащих к национальным меньшинствам, для получения дошкольного и среднего образования на родном языке, а также на государственном в равной степени – часть 1 статьи 7 Закона Украины «Об образовании» [3].

Проведя анализ спектра задач уполномоченного по языку, можно сделать вывод, что в его обязанности входит защищать украинский язык, а также обеспечивать право граждан Украины на получение информации на государственном языке, при этом, не учитывая желания самих граждан, что само по себе является нарушением прав человека.

Заключение. Рассматривая деятельность государства по охране прав человека необходимо изучить все проблемные аспекты, касающиеся возможных нарушений прав человека для целесообразного и правильного формирования средств по их защите. Создание уполномоченного по языку в Украине является *нецелесообразным, политически заангажиро-*

ваным, вместе с тем своевременным и необходимым, т.к. позволяет проявить всю его абсурдность, являясь **негативным примером создания нового средства защиты прав человека**. Данное ответвление привычного для многих государств института омбудсмена является примером нарушения прав граждан государства институтом, предусмотренным для защиты прав граждан данного государства. Таким образом, мы можем сделать вывод, что государство создающее механизмы охраны прав человека не всегда способно оценить важность, необходимость создания нового института для достижения целей, тем самым создавая условия для нарушения поставленных задач, вследствие чего нивелировать поставленные цели в той или иной сфере деятельности.

Список литературы

1. Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного: закон Украины № 2704-VIII от 25.04.2019 [Электронный ресурс] / СПС Кодекс. – Режим доступа: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_obespechenii_funktsionirovaniya_ukrainskogo_yazyka_kak_gosudarstvennogo.htm. – Дата обращения: 05.09.2020. – Загл. с экрана.
2. О телевидении и радиовещании: закон Украины № 1663-VIII от 06.10.2016 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховной Рады Украины. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3759-12#Text>. – Дата обращения: 03.09.2020. – Загл. с экрана.
3. Об образовании: закон Украины №2145-VIII от 05.09.2017 Официальный сайт Верховной Рады Украины. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text>. – Дата обращения: 03.09.2020. – Загл. с экрана.
4. Общество Mosaiikki ry // общественная организация Финляндии, созданная как часть информационной кампании Европейского парламента. – Режим доступа: <https://europarlamentti.info/ru/Evropeyskiy-parlament/rabochie-yazyki/>. – Дата обращения: 02.09.2020. – Загл. с экрана.

УДК 342.5

О РОЛИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Поправко А. А., Гончаренко Е. О.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
popravkoalex@mail.ru, katy_16_04@mail.ru

Введение. Построение правового государства сопряжено с реализацией ряда условий, одним из которых является практическая реализация принципа разделения властей. Принцип разделения властей, сформулированный правовыми философами XIX века, подразумевает под

собой разграничение властных полномочий между самостоятельными государственными институтами.

В процессе становления Донецкой Народной Республики принцип разделения властей играл основную роль, так как в силу своей трактовки именно он обеспечивает свободу граждан во всех сферах жизнедеятельности общества в рамках нашего государства.

Основной целью данного научного исследования является анализ практической реализации принципа разделения властей в рамках процесса государственного строительства в условиях XXI века на примере Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Как известно, в каждом развитом правовом государстве, существует три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Каждая ветвь власти имеет свой характер деятельности: одна издаёт законы, другая управляют на основе этих законов, третья – контролируют соблюдение данных законов и вершат правосудие. Каждая из ветвей власти самостоятельна при осуществлении своих функций. Это способствует независимости одной ветви власти от другой в решении своих функциональных вопросов, однако они вынуждены постоянно взаимодействовать между собой в процессе формирования и осуществления государственной политики. Таким образом, между ключевыми органами государственного управления создаётся полномочный баланс, который в свою очередь нивелирует возможность преступных посягательств на злоупотребление властью, а также ее узурпацию со стороны одного из органов государственного управления.

Учение Ш. Монтескье гласит о том, что не будет свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной властей. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем [1]. Автор лишь подчеркивает, что принцип разделения властей наделяет граждан государства полноценной свободой, которая возможна только при демократии.

Донецкая Народная Республика, согласно Конституции, является демократическим социально-правовым государством [2]. Также в Конституции ДНР отмечается, что осуществление государственной власти зиждется на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Первым государственным органом, сформированным в Донецкой Народной Республике, стал Верховный Совет, данный орган являлся прообразом ныне существующего Народного Совета – органа,

представляющего законодательную власть. Законодательная власть и орган, представляющий ее, крайне важен для построения демократического государства, так как именно эта ветвь власти формируется на выборной основе и именно через нее граждане в рамках конкретного государства проецируют свою волю. Основной целью законодательной власти в целом и органа ее представляющего в частности, является создание нормативно-правовой базы для реализации основных естественных, социальных, экономических и иных прав граждан государства, а так же защита их интересов путем выработки специального законодательства, положения которого должны обеспечиваться исполнительной властью. Стоит отметить, что в силу действия принципа сдержек и противовесов, объем реализуемых властных полномочий законодательным органом не является абсолютным, ограничения в реализации своих полномочий закладываются самим законодателем в ряде законов таких как Закон Донецкой Народной Республики «О статусе депутата Народного Совета Донецкой Народной Республики»

Говоря о исполнительной ветви, стоит отметить, что она приводит правовые нормы, которые приняты законодателем, в действие. Деятельность исполнительной ветви власти базируется на законе и осуществляется в его рамках. Исполнительные органы и государственные должностные лица не имеют права издавать общеобязательные акты, которые устанавливают новые, не предусмотренные законом права или обязанности граждан или организаций. В правовом государстве каждый гражданин имеет право обжаловать любые незаконные действия исполнительной власти в судебном порядке.

Исполнительная власть в сравнении с законодательной, отличается большим динамизмом и восприимчивостью к общественной жизни. Центральным органом исполнительной власти в ДНР является Правительство ДНР. Ранее Глава ДНР являлся председателем правительства. На данный момент Глава ДНР имеет широкий ряд полномочий по отношению к правительству, однако, в связи с изменениями в Конституции ДНР и принятием Закона «О Правительстве Донецкой Народной Республики», Глава государства был освобождён от занятия должности председателя правительства [3].

Судебная власть призвана защищать закон, правовые основы государства и общества от любых нарушений, кто бы их не совершал. Особая роль судебной власти определяется тем, что она является своеобразным арбитром в спорах о праве. Судопроизводство в правовом государстве осуществляется только судебными органами и судом. Согласно Цицерону, судья – это говорящий закон, а закон – немой судья [4]. Судебная власть – влияет на законодательную и исполнительную власть. Законодательная власть контролируется через систему судов.

Конечно, наименование и структура судебных органов в разных странах неодинакова, однако схожими являются задачи и принципы организации этих органов. Деятельность элементов судебной системы большинства стран основывается на принципах независимости судей, самостоятельности принимаемых решений, гласности судопроизводства.

Высшая судебная власть в ДНР принадлежит Верховному суду ДНР. В его ведении находятся системы уголовного, гражданского и административного правосудия, он является высшей апелляционной инстанцией по соответствующим делам [5].

Заключение. Сама специфика разделения властей в Донецкой Народной Республике обусловлена тем, что Глава ДНР, имея широкий спектр полномочий, не относится ни к одной из ветвей власти. Однако одновременно, он должен обеспечивать функционирование всех трех ветвей. Принцип разделения властей предполагает динамичное развитие государства.

Таким образом, закреплённая концепция разделения властей в Конституции ДНР, поставила перед республикой новые цели и задачи, приоритеты, а также вывела ДНР на новый этап государственно-правового развития. Принцип разделения властей является основным в организации власти демократического государства. И это является важнейшим принципом в построении демократического государства, гарантии законности и справедливости, это фундаментальная основа нашего государства, в котором самой большой ценностью являются права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Шарль Луи де Монтескье. О духе законов. – М.: Гослитиздат, 1955. – 690 с.
2. Конституция Донецкой Народной Республики (С изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ИНС, от 06.03.2020 года № 106-ИНС)
3. Закон «О Правительстве Донецкой Народной Республики» № 02-ИНС. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
4. Цицерон. Диалоги. – М., 1996. – С. 21-23.
5. Павленко П. И., Грабельников В. А., Писаренко М. Г. Теория государства и права: курс лекций: учебное пособие. – С. 66-68.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ» И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ»

Поправко А. А., Патана А. Г.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
popravkoalex@mail.ru, patana.anastasia.1999@mail.ru

Введение. В учебной и научной литературе по сегодняшний день ведутся дискуссии о сущности и соотношении таких понятий, как «механизм государства» и «аппарат государства». Данный вопрос занимает значимое место в научном мире, так как рассматриваемые категории являются фундаментальными. К тому же, тема «Механизм государства» включена во все учебники по теории государства и права, является обязательной и неизменной. Тем временем, одинаковое понимание и правильное применение определений, понятий в правовой сфере является важной проблемой, так как неопределенность в дефинициях вызывает трудности не только у студентов при усвоении материала, но и у ученых, что ведет к разночтению и неясностям.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Проблема соотношения понятий «механизм государства» и «аппарат государства» интересовала множество правоведов, в числе которых М. И. Байтин, В. М. Лесной, В. С. Афанасьев, В. В. Лазарев, В. В. Копейчиков, М. Н. Марченко, С. С. Алексеев, М. К. Исакова, Л. Л. Григорян, Т. Н. Радько, С. А. Комаров, О. В. Мартышин, В. Н. Хропанюк и др.

Цель исследования. Попытка систематизировать накопленный теоретико-методологический материал для разъяснения вопроса о соотношении дефиниций «механизм государства» и «аппарат государства».

Основное содержание. Перед тем, как перейти к рассмотрению существующих подходов к соотношению категорий «механизм государства» и «аппарат государства», считаем необходимым проанализировать лексическое значение слов «механизм» и «аппарат».

В Словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова «механизм» – это внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие или система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности [1]. Об аппарате в словаре не говорится.

В Толковом словаре живого великорусского языка совмещенной редакции изданий В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ упоминается, что механизм – это «машинное устройство» [2]. Термин «аппарат» в данном словаре не рассматривается.

Советский энциклопедический словарь под редакцией А. М. Прохорова рассматривает механизм как систему тел, предназначенную для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения других твёрдых тел. Аппарат — это: «1) прибор, техническое устройство, приспособление; 2) совокупность учреждений, организаций, обслуживающих какую-либо область управления, хозяйства и т. п.» [3].

В Большом иллюстрированном словаре иностранных слов механизм рассматривается как «внутреннее устройство, система чего-либо (например, государственный механизм, хозяйственный механизм)». Аппарат – «1) совокупность учреждений, обслуживающих какую-либо область управления или хозяйства (например, государственный аппарат, судебный аппарат); 2) совокупность работников какой-либо организации, учреждения» [4].

Исходя из рассмотренных определений, можно сделать следующий вывод. Механизм – это машина. Термин следует назвать техническим. В основе работы механизма лежат совокупные движения одних тел, приводящие в движение другие тела, элементы системы. Аппарат же – это устройство, прибор, оборудование. Ясна и связь аппарата с его функциями, то есть устройство создается для достижения определенной цели. Таким образом, механизм – это движение, динамика, а аппарат – совокупность чего-либо, статика.

Уяснив эту существенную особенность терминов, следует перейти к рассмотрению теоретических подходов к соотношению дефиниций «механизм государства» и «аппарат государства».

Все доступные в настоящее время подходы сводятся к двум основным направлениям. В соответствии с первым направлением, понятия «государственный аппарат» и «механизм государства» являются тождественными. Представители второго направления считают, что понятие «механизм государства» шире, чем «государственный аппарат».

М. И. Байтин, В. М. Лесной – представители первого подхода – полагают, что «механизм государства» и «государственный аппарат» – тождественные понятия. М. И. Байтин акцентирует внимание на том, что совпадают они лишь в случае широкой трактовки государственного аппарата, когда он воспринимается как совокупность всех государственных органов. Государственный аппарат в узком же смысле – аппарат государственного управления. Примечательно, что именно в этом значении термин «аппарат государства» применяется в науке административного права [5].

Представители же второго подхода, среди которых В. С. Афанасьев, В. В. Лазарев, В. В. Копейчиков, М. Н. Марченко, С. С. Алексеев, М. К. Исакова и др., настаивают на том, что механизм государства включает в себя государственный аппарат в качестве элемента структуры.

Кроме него в состав механизма государства могут входить и другие элементы. К ним В. В. Копейчиков относит государственные предприятия и учреждения [6]. М. К. Исакова причисляет к механизму государства хозяйственные государственные органы, предприятия и учреждения – административные органы [7]. При этом часто в состав механизма государства включают вооруженные силы, полицию, милицию, органы безопасности, исправительные учреждения – материальные придатки.

Заключение. Проведя анализ лексического значения слов «механизм», «аппарат», а также изучив имеющиеся точки зрения ученых-правоведов по поводу взаимосвязи и соотношения дефиниций «механизм государства» и «аппарат государства», мы можем сделать следующий вывод. Исследователи и по сегодняшний день не выработали единую концепцию о сущностях рассматриваемых понятий, что не может не вызывать трудности как для теории права, так и для практики применения и толкования этих определений. В то же время эта ситуация говорит о сложности и многогранности рассматриваемого явления. Только плюрализм мнений и рассуждений может привести исследователей к действительно правильной интерпретации.

Что же касается нас, то мы считаем необходимым согласиться с мнением В. В. Копейчикова, который включал в состав механизма государства три основных элемента: аппарат государства (представленный государственными органами), государственные предприятия, государственные учреждения. Так же, целесообразно к нему причислять материальные придатки в виде вооруженных сил, полиции, милиции, органов безопасности, исправительных учреждений. Данная точка зрения кажется нам наиболее правильной, поскольку выполнять свое предназначение (осуществлять функции государства) механизм может только при условии взаимодействия перечисленных выше структур.

Список литературы

1. Словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1990. – 717 с.
2. Толковый словарь Живого великорусского языка В. И. Даля. – Т. 4. – М., Изд-во «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 274 с.
3. Советский энциклопедический словарь под редакцией А. М. Прохорова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1984. – 1600 с.
4. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: Астрель. АСТ, 2006. – 724 с.
5. Байтин М. И. Механизм современного Российского государства // Правоведение. 1996. – № 3 (214). – С. 8.
6. Копейчиков В. В. Механизм советского государства. – М., 1968. – С. 30-31.
7. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М., 1986. – 799 с.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА ПРОМУЛЬГАЦИИ ЗАКОНОВ

Рыбалко В. А., канд. ист. наук, доц, **Копейченко С. П.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Введение. Большой юридический словарь (сост. А. Я. Сухорев и В. Е. Крутских) под термином «промульгация» (от лат. promulgatio – объявление, обнародование) понимает «...опубликование принятого и утвержденного закона в официальном печатном органе...*(курсив авт.)*» [1]. Однако такое понимание содержания промульгации как неотъемлемого этапа законотворческого процесса было не всегда. Так, дореволюционные российские ученые, в частности Г. Ф. Шершеневич, рассматривали промульгацию закона как составную часть его обнародования. Г. Ф. Шершеневич писал: «В обнародовании закона можно различать два момента: первый – промульгацию, состоящую в приказе, скрепленном со стороны ответственного министра, привести закон, исходящий в установленном порядке, в исполнение, и второй – публикацию текста закона в определенном органе печати» [2].

Основная часть. В современной юридической науке этап официального обнародования закона, принятого парламентом, чаще всего включает еще ряд обязательных моментов: направление принятого закона главе государства на согласование и подпись, подписание главой государства законодательного акта, его обнародование (чаще опубликование) и вступление в законную силу. Однако единого мнения о содержании процесса промульгации закона ни в юридической науке, ни на практике нет.

Так, в Конституциях Донецкой Народной Республики, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Российской Федерации и ряде других государств используется термин «обнародование», вместо термина «промульгация». При этом, под термином «обнародование» понимается объявление чего-либо для всеобщего всенародного сведения. В ряде зарубежных стран законодательно закрепленное понятие «промульгации» часто не ограничивается обнародованием и включает в себя процесс подписания закона главой государства, что является не просто механическим действием, а содержит несколько элементов: удостоверение главой государства факта принятия закона и того, что он принят по должной процедуре; распоряжение о его опубликовании. Например, в Великобритании и в странах, воспринявших Вестминстерскую модель организации высшей власти, существует такая стадия законотворческого процесса как «санкционирование, промульгация и опубликование закона». В рамках данной стадии промульгация – «санкционирование

законопроекта главой государства в установленные конституцией сроки, а также опубликование закона в официальном вестнике» [3].

Исходя из вышесказанного, можно выделить два подхода к содержанию процесса промульгации:

1) обнародование закона,

2) емкая стадия законотворческого процесса, включающая в себя санкционирование закона главой государства, опубликование и обнародование закона.

Как уже отмечалось выше, большинство ученых придерживаются второй вариант, настаивая, что промульгация содержит в себе три этапа:

1. подписание главой государства закона, принятого парламентом;

2. опубликование, и в большинстве случаев одномоментное, вступление закона в силу;

3. обнародование принятого закона.

Вместе с тем, на сегодняшний день в законодательстве большинства государств постсоветского пространства такой емкий термин не закреплен. В частности, в нормативных правовых актах Донецкой Народной Республики, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Беларусь и в ряде других стран законодатель констатирует содержание промульгации, но не называет данный процесс. Существует и другой вариант – законодательное закрепление термина при отсутствии нормы-дефиниции, как например, в статье 93 Конституции Республики Молдова, содержащей прямое указание на термин «промульгация закона», при отсутствии его нормативного толкования [4].

Мы же считаем, что нормативное закрепление дефиниции термина «промульгация» значительно повлияло бы на юридическую технику нормативных правовых актов, в частности, правоприменителю было бы проще усваивать текст закона, в котором указан законодательно закрепленный термин, а не его толкование.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что содержание процесса промульгации в науке в большей степени определено, однако данный результат нельзя признать окончательным в силу масштабности процессов, которые происходят в развитии права, и в частности в законотворческом процессе государства. Проанализированное правовое явление продолжает развиваться, что объективно сопровождается постановкой новых вопросов, требующих аргументированного решения.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. – М. : Норма, 2000. – 1235 с. [Электронный ресурс] / Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17665>. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.

2. Золотухина Т. А. О структуре законотворческого процесса в России: стадии и этапы [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – №4 (69). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-zakonotvorcheskogo-protsessa-v-rossii-stadii-i-etapy>. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.
3. Иванова К. А. Промульгація законов главой государства: Российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/promulgatsiya-zakonov-glavoy-gosudarstva-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt%20>. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.
4. Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]: офиц. текст (принята Парламентом от 29.07.1994). – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/311496/>. – Дата обращения: 18.10.2020. – Загл. с экрана.

УДК 340.130

ИТОГИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБСУЖДЕНИЙ ПРОЕКТА ЗАКОНА «О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ»

Саенко С. И., канд. юрид. наук, доц.

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко», г. Луганск, ЛНР
sergeisaenko@rambler.ru

В 2019 году в Луганской Народной Республике (далее – ЛНР) прошли общественные обсуждения по вопросу необходимости принятия Закона ЛНР «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике». Наблюдение за последними позволило зафиксировать ряд особенностей данных обсуждений. Сущность этих особенностей заключается в следующем:

1) по проекту Закона ЛНР «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике» всего было проведено 30 общественных слушаний, причем по разным регионам Луганщины;

2) инициаторами таких слушаний выступали депутаты Народного Совета ЛНР [1], то есть представители республиканской публичной власти;

3) 27 июня 2019 г. в здании Администрации города Луганска состоялось итоговое слушание в формате круглого стола. Поскольку оно завершало проведение мероприятий указанного формата, то его тематика была сформулирована как: «Внесение предложений в проект закона Луганской Народной Республики “О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике»;

4) по окончании итогового слушания была принята резолюция, в которой содержались предложения отдельных участников в

разработанный законопроект. Данную резолюцию было решено направить в Народный Совет Луганской Народной Республики для изучения и использования в правотворческом процессе [2].

Предполагалось, что проведение в таком варианте общественных обсуждений упомянутого выше законопроекта поспособствует скорейшему его одобрению в парламенте Республики и органы местного самоуправления ЛНР начнут в скором времени работать по отечественным законодательным стандартам. Однако по прошествии некоторого времени стало понятно, что принятие Закона ЛНР «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике» пока что откладывается на неопределенный срок, но по каким причинам – неизвестно.

Среди общественности Луганщины начали выдвигаться разные гипотезы по поводу отсрочки принятия вышеуказанного источника права. Наиболее распространенными стали называться четыре причины такого решения:

1) отсутствие в ЛНР специальной нормативной регламентации процедуры проведения подобного рода обсуждений проектов нормативно-правовых актов и способов реализации принятых на обсуждениях итоговых решений;

2) проведение обсуждений проекта Закона ЛНР «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике» в таком формате, который не позволил не только всем совершеннолетним жителям ЛНР ознакомиться с его текстом и внести предложения по корректировке его содержания, но даже и отдельным участникам слушаний;

3) неиспользование всех доступных способов уведомления большинства совершеннолетних жителей ЛНР о предстоящих общественных обсуждениях;

4) отсутствие политической воли.

Какая из этих гипотез отвечает действительному положению вещей, остается лишь догадываться. Однако чтобы в будущем предотвратить воздействие обозначенных причин на развитие системы источников права в Луганской Народной Республике, необходимо уже сейчас для этого предпринять определенные шаги.

Полагаем, что парламентариям Луганщины следует, прежде всего, законодательно урегулировать процедуру проведения общественных обсуждений проектов нормативно-правовых актов. Здесь можно использовать несколько вариантов, например, пойти по пути принятия как отдельного Закона ЛНР «Об общественном обсуждении проектов нормативно-правовых актов», так и по пути принятия двух разных законодательных источников права – законов: «Об общественном обсуждении проектов законодательных актов Луганской Народной Республики» и «Об общественном обсуждении проектов подзаконных нормативно-правовых актов». В том варианте законодательного

документа, который изберут для себя парламентарии ЛНР, необходимо будет определить субъектов, формы, процедуру и сроки проведения общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов. Также в избранном источнике необходимо будет указать, кто организывает и проводит общественное обсуждение, когда и в каких случаях должна образовываться рабочая группа для проведения такого мероприятия.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в Луганской Народной Республике институт общественных обсуждений проектов нормативно-правовых актов пока что является недооцененным. И данную ситуацию, конечно же, нужно исправлять. Общественность Луганщины ждет, что публичная власть в этом направлении предпримет соответствующие шаги. Остается надеяться, что это произойдет в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Депутаты Народного Совета ЛНР приняли участие в заседании круглого стола «Значимость принятия Конституции ЛНР. Реалии и перспективы». – URL: https://nslnr.su/news/deputaty-narodnogo-soveta-lnr-prinyali-uchastie-v-zasedanii-kruglogo-stola-znachimost-prinyatiya-kon/?sphrase_id=280321 (дата обращения: 07.10.2020).
2. В городе Луганске прошли итоговые общественные слушания по внесению предложений в проект закона «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике». – URL: https://nslnr.su/news/v-gorode-luganske-proshli-itogovye-obshchestvennye-slushaniya-po-vneseniyu-predlozheniy-v-proekt-zak/?sphrase_id=280321 (дата обращения: 07.10.2020).

УДК 340

ЦИФРОВОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И СОДЕРЖАНИЯ

Степанова Ю. С., Левицкая Т. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julias.stepanova@yandex.ru, levona30@mail.ru

Введение. XXI век ознаменовался как век стремительного развития информационно-коммуникативных технологий; глобализации, информатизации общества. Революционные преобразования в IT-сфере привели к новому технологическому укладу на основе цифровых технологий (цифровой революции), последовательно формирующей новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность, в основе которой лежит так называемая «цифровизация» товарообменных отношений, производства и общественных процессов в целом.

Основная часть. Прежде всего следует отметить, что на сегодняшний день в науке единого подхода к определению понятия термина «цифровизация» не существует. По мнению одних ученых, цифровизация (от англ. digitization) – процесс внедрения/усвоения цифровых технологий населением, бизнесом и обществом [1]. Другие рассматривают цифровизацию в узком и широком смыслах. При этом, под цифровизацией в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д.; тогда как в широком смысле цифровизацию рассматривают как универсальное явление, охватывающее производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан, сопровождающееся эффективным использованием ее результатов, доступных пользователям преобразованной информации [2].

Стремительное распространение цифровизации сопровождается не менее стремительным появлением в обороте новых терминов и понятий: «цифровое общество», «цифровая экономика», «цифровое право» и т.д. Анализ указанных понятий является ключевым, поскольку он позволит в дальнейшем определить ход трансформации сфер жизнедеятельности человека и общества.

Особый интерес вызывают две новые, на первый взгляд созвучные, категории в правовой сфере: цифровое право и цифровые права, которые, однако, не следует отождествлять.

Право – это совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия [3].

Права, в свою очередь, представляют собой меру возможного поведения гражданина или организации, направленную на достижение целей, связанных с удовлетворением их интересов [4].

Попытку нормативного закрепления понятия и содержания цифровых прав мы можем наблюдать, в частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации. Так, ч. 1 ст. 141.1 определяет цифровые права как: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [5]. В контексте данного положения под «законом» подразумевают Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], ч. 1 ст. 8 которого закреплен перечень таких прав: право требовать передачи вещи (вещей);

право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Следует обратить внимание на то, что указанные нормы содержат пробелы и труднореализуемы.

Так, например, осуществление, распоряжение или обременение цифрового права возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу, что с одной стороны упрощает данный порядок по сравнению с аналогичными процедурами в реальной действительности, а с другой создаёт дополнительные риски в случае необходимости подтверждения права требования по такому цифровому праву.

Исходя из положений Федерального закона № 259-ФЗ, следует, что правовые отношения в связи с реализацией цифровых прав также могут возникать только в цифровой системе. При этом следует обратить внимание, что, определяя цифровые права как «права в том числе на вещь, результат интеллектуальной деятельности, авторские права, результаты выполнения работ и оказания услуг» [7], законодатель «вытягивает» права из цифровой в настоящую реальность, тем самым обесмысливая понятие цифровых прав.

Субъектами такого права согласно ГК и указанному Федеральному закону выступают два лица: носитель цифровых прав и оператор информационной системы. То есть, предусмотрен централизованный механизм реализации цифровых прав, и в случае, если во взаимодействии будет участвовать третье лицо, то такие права, хотя и реализуемые, протекающие в информационной системе, уже не будут являться цифровыми, не будут являться объектом гражданского права.

Тогда можно ли считать цифровыми правами права, переданные без участия оператора, если получатель прав не является оператором информационной системы?

Кроме того нет четкого определения (указания) с какого момента и как лицо становится обладателем цифровых прав, а законодательное закрепление, что такое лицо в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом, крайне размыто. Как быть, если такая возможность приобретена посредством, к примеру, взлома аккаунта? В случае, если утрачен доступ к системе, то теряются и права?

Заключение. Стремительный охват цифровизацией сфер жизнедеятельности общества ведет к изменению основ функционирования институтов экономики, права, культуры, требующих нормативного урегулирования, т.к. на данный момент в данной области существуют значительные пробелы права.

Попытка законодателя восполнить такие пробелы, путем включения в Гражданский Кодекс РФ статьи 141.1, по нашему мнению, не только не решила проблемы, но и, наоборот, привело к возникновению новых.

Проблемы кибербезопасности, сбор персональных данных, появление «даркнета», криминальной и скрытой стороны Всемирной паутины и т.д. вызвали необходимость развития законодательства в области использования сети Интернет. Однако процесс развития права в условиях цифровизации осложняется необходимостью изучения юристами возможностей информационно-коммуникативных технологий.

Список литературы

1. Петрова Л. Ю., Кузнецова Т. Е. Цифровые технологии в экономике и бизнесе / Л. Ю. Петрова, Т. Е. Кузнецова [Электронный ресурс] // ЭТАП. – 2020. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-ekonomike-i-biznese>. – Дата обращения: 03.10.2020. – Загл. с экрана.
2. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски [Электронный ресурс]// Управленческое консультирование. – 2018. – № 10 (118). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-ee-vliyanie-na-rossiyskuuyu-ekonomiku-i-obschestvo-preimuschestva-vyzovy-ugrozy-i-riski>. – Дата обращения: 03.10.2020. – Загл. с экрана.
3. Юридический словарь [Электронный ресурс] / Сайт АКДЕМИК. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17320>. – Дата обращения: 03.10.2020. – Загл. с экрана.
4. Юридический словарь [Электронный ресурс] / Сайт АКДЕМИК. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18556>. – Дата обращения: 03.10.2020. – Загл. с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации, принят федеральным законом от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, (ред. по сост. на 12.05.2020) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.
6. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 02.08.2019 № 259-ФЗ ФЗ, ред. по сост. на 20.07.2020 [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.
7. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 02.08.2019 № 259-ФЗ ФЗ, ред. по сост. на 20.07.2020 [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСАМ НЕЗАВИСИМОЙ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Степанова Ю. С., Слайковский Е. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julias.stepanova@yandex.ru, slaykovskiy99@inbox.ru

Введение. Особенность правотворческой системы Донецкой Народной Республики заключается в том, что, изучив и приняв опыт Российской Федерации в сфере развития и совершенствования институционального профиля экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, в том числе, независимой антикоррупционной экспертизы [1], республиканская система органов государственной власти закрепила развитие направления независимой правовой (юридической) экспертизы [2]. В этой связи, среди основных проблем проведения независимой экспертизы проектов нормативных правовых актов по состоянию на текущий период остаётся неопределённость в привлечении институтов гражданского общества, координации их взаимодействия с органами государственной власти.

Основная часть. Так, с целью организации взаимодействия Министерства юстиции с экспертами, уполномоченными на проведение независимой правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов, экспертными организациями в декабре 2019 года основан Экспертный совет по вопросам независимой правовой экспертизы (далее по тексту – Экспертный совет).

В соответствии с Положением об Экспертном совете, утверждённому Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – Минюст ДНР) №1053-ОД [3], это совещательно-консультативный орган, основными задачами которого являются организация взаимодействия Минюста и гражданского общества в сфере повышения качества правотворчества, в том числе, с экспертами и экспертными организациями, уполномоченными на проведение независимой правовой экспертизы, научными, творческими, правозащитными, общественными объединениями и религиозными организациями, выработка экспертного мнения по проектам нормативных правовых актов, вынесенным на общественное обсуждение.

Тем не менее, остаются неразрешёнными вопросы непосредственного функционирования Экспертного совета по проведению независимой правовой экспертизы. Так, в состав

Экспертного совета на добровольной основе входят шесть экспертов, аккредитованных на проведение независимой правовой экспертизы проектов нормативных актов, которые должны на момент участия в работе органа осуществлять научную, образовательную и иную профессиональную юридическую деятельность, не связанную с замещением должности государственной и муниципальной службы. При этом из состава Экспертного совета избирается председатель, заместитель председателя и секретарь, который не обладает правом совещательного голоса.

В соответствии с п.18.6. Положения об Экспертном совете заместитель председателя в случае отсутствия последнего на заседании исполняет его обязанности, в том числе, имеет решающее право голоса при равном количестве «за» и «против». Следовательно, возникает диспропорция равенства в голосовании, поскольку в случае отсутствия председателя, помимо заместителя правом голоса обладают всего три эксперта, то есть, голос председательствующего заместителя изначально является преимущественным в случае разделения позиций участников Экспертного совета по конкретному вопросу. Таким образом, нормы Положения подлежат корректировке в целях надлежащего функционирования совещательно-консультативного органа, соответствия его деятельности заявленным целям.

Альтернативным способом разрешения данной диспропорции является изменение количества персонального состава участников органа. Уменьшение данного количества является неприемлемым, поскольку не исключает неопределённость и дискредитирует координационные функции органа. Применяя метод математического моделирования, количество экспертов совета должно быть нечётным. Увеличение количества участников Экспертного совета до семи, равно как и до восьми экспертов, не устраняет дисбаланс в деятельности органа, а потому наиболее рациональным является участие в деятельности органа девяти независимых экспертов.

Следовательно, пункт 9 Положения об Экспертном совете по вопросам независимой правовой экспертизы при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики необходимо изложить в следующей редакции: «Экспертный совет состоит из 9 человек». Предложенное изменение позволит не только качественно совершенствовать деятельность Экспертного совета при соблюдении баланса интересов участвующих независимых экспертов и экспертов независимых аккредитованных организаций, но и обеспечить целевое назначение совещательно-консультативного органа по привлечению широкого круга представителей институтов гражданского общества к совместному участию в правотворчестве ДНР.

Иной проблемой координационного взаимодействия является отсутствие в отношении независимой правовой экспертизы регламентации процессуального порядка её проведения. Так, действующая редакция Порядка проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию не уделяет должное внимание вопросам проведения независимой правовой экспертизы. С одной стороны, в данном случае по аналогии необходимо руководствоваться выработанными методическими положениями. Согласно п.3.10. заключение о проведении правовой экспертизы должно содержать вывод о соответствии нормативного правового акта Конституции Донецкой Народной Республики, законодательству Донецкой Народной Республики, в том числе о наличии полномочий (компетенции) правотворческого органа на принятие такого акта и другие выводы, полученные в результате правовой экспертизы.

Однако применение данных положений не представляется возможным, поскольку в силу положений п. 2.1. **Порядка проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов [4], представленных на государственную регистрацию в Министерство юстиции Донецкой Народной Республики** субъектами правовой экспертизы являются отдел правовой экспертизы Департамента регистрации нормативных правовых актов и территориальные управления Минюста ДНР, рабочие группы, создаваемые приказами Минюста ДНР, не предусматривающие однозначное участие независимых экспертов и экспертных организаций, не входящих в создаваемую рабочую группу. Неопределенность выражается также в отсутствии установленных для независимых экспертов сроков исследования с вынесением заключения и направлением в органы юстиции. Следовательно, «de-facto» вне пределов компетенции Экспертного совета по вопросам независимой правовой экспертизы данный профиль, в отличие от антикоррупционного регулирования, не урегулирован и требует детальной регламентации.

Заключение. Безусловно институт независимой правовой экспертизы (впрочем как и антикоррупционной) находится на стадии своего становления, а следовательно объективно возникновение новых проблем, что ни в коей мере не умаляет ее значение и роль в правотворческом процессе.

Список литературы

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: закон, принят постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 14.09.2018 № 244-ІНС (с изм. внесенными законом от 12.03.2020 № 108-ІНС) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа:

<https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ob-antikorrupcionnoj-ekspertize-normativnyh-pravovyh-aktov-i-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov/>. – Дата обращения: 28.03.2020. – Загл. с экрана.

2. О нормативных правовых актах: закон, принят постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 72-ИНС (с изм. и доп. в ред. от 24.04.2020) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>. – Дата обращения: 25.04.2020. – Загл. с экрана.
3. Положение об Экспертном совете по вопросам независимой правовой экспертизы при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики: утв. приказом Министерства юстиции ДНР от 4.12.2019 №1053-ОД [Электронный ресурс] / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0001-13-20150119/>. – Дата обращения: 10.04.2020. – Загл. с экрана.
4. Порядок проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию в Министерство юстиции Донецкой Народной Республики: утв. приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 28.12.2020 №31-ОД [Электронный ресурс] / Государственная информационная система Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0027-31-od-20200128/>. – Дата обращения: 17.03.2020. – Загл. с экрана.

УДК 340

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Ступак И. А., канд. ист. наук, Городилов М. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
tigr_dua@mail.ru, gorodilov.DLA@yandex.ua

Введение. На современном этапе развития Донецкой Народной Республики немаловажное значение приобретают вопросы организации и функционирования механизма государства и его совершенствования с целью максимального приближения его к механизму государства правового.

Целью исследования является рассмотрение принципа разделения власти в системе управления государством.

Основная часть. Согласно части 1 статьи 6 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) на территории ДНР действует принцип разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную которые независимые друг от друга [1, с. 2].

Это деление диктуется необходимостью:

- 1) четкого определения функций, компетенции и ответственности основных государственных органов управления;
- 2) обеспечения государственным органам возможности контролировать друг друга на конституционной основе;
- 3) невозможности злоупотребления властью.

Теоретические взгляды на мотивацию распространение принципа разделения власти в политической системе связаны с созданием баланса сил между наиболее распространенной и наиболее действенной формой власти в обществе – государственной. Форма правления при этом нередко остается отражением взаимодействия основных политических сил и социальных групп.

Принцип разделения власти предполагает создание противовесов каждого из ее видов. Поскольку государственная власть едина, то ее ветви должны постоянно взаимодействовать, а это не может не породить их соперничества за расширение своих функций: законодательная власть пытается брать на себя некоторые функции исполнительной и наоборот. Для того чтобы не произошло поглощение одной ветвью власти функций другой, на основе длительной политической практики был введен механизм сдержек и противовесов. Его суть заключается в том, чтобы не дать возможности одной из них оставаться бесконтрольной.

Общепризнанно, что вся эволюция системы сдержек и противовесов оборачивается, прежде всего, вокруг конфронтации законодательной и исполнительной власти [2, с. 22].

Установление и обеспечение формального равновесия, рационального баланса конституционных ветвей власти является главной задачей системы сдержек и противовесов и исключает политическое соперничество между органами власти, в котором «победителю принадлежит все».

Недопустимо такое преимущество одной ветви над другой, которая не совместима с системой разделения властей. Такое преимущество может устанавливаться в случаях, когда любая ветвь пытается присвоить себе решающую роль в сферах функционального назначения других ветвей. Соответственно, парламент не вправе решать вопросы частного, исполнительно-распорядительного характера. Также и исполнительной ветви власти не может быть предоставлено право принятия окончательного решения в сфере законодательства.

Нарушение равновесия между властями может быть следствием действия факторов правового (несовершенство конституционной системы равновесия власти) и политического характера. В случае устранения преимущества одной ветви власти над другой и обновления необходимого для системы разделения баланса возможно только в случае устранения

источника такого преимущества, в частности, путем внесения соответствующих изменений в Конституцию.

Обращение ветви власти к механизмам влияния друг на друга связывает не столько с конституционной обязанностью использования тех или иных полномочий, которые являются составной частью системы сдержек и противовесов, сколько с наличием на то соответствующей политической воли [3, с. 496].

Система сдержек и противовесов между ветвями приводит в действие механизмы, выходящих за пределы правового регулирования, между формально-юридическим и фактическим закреплением разделения власти, что может образовывать определенный разрыв полномочий.

И это не может не сказываться на конституционно запрограммированной системе равновесия законодательной и исполнительной ветвей власти. Имеющиеся отношения законодательной и исполнительной власти не всегда можно охарактеризовать как идеально сбалансированы.

Заключение. Мировой опыт показывает, что равновесие законодательной и исполнительной власти может быть обеспечена, если парламент имеет право решающего голоса в пяти сферах: осуществление учредительной власти; законодательства; бюджета и финансов; установление основ внешней политики и обороны; контроля за исполнительной властью.

И в связи с этим предлагается внести изменения в Конституцию ДНР, а именно: возложить на Народный Совет ввод чрезвычайного и военного положение в ДНР с последующим утверждением Главой ДНР (ст. 59 п. 6) и рекомендуется, что бы Народный Совет на всеобщем голосовании определял основные направления внутренней и внешней политики государства (ст. 56 п. 3).

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.03.2020 г.), № 106-ПН.с.-2
2. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: Учебник. – М.: ЭКСМО, 2005. – 650 с.
3. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. д. ю. н., В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. Норма, 2007. – 496 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Чамлай В. В., канд. юрид. наук, *Роговой Д. В.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
valentinovich-v@mail.ru, rogovaya.s78@gmail.com

Введение. Современное государство, исходя из демократических принципов и приоритетов интересов общества и отдельной личности, проводит целенаправленную политику в целом ряде сфер общественной и экономической жизни. Среди них особое место занимает правовая политика, основной задачей которой является упорядочение и урегулирование общественных отношений, экономики, культурного развития общества. Главная особенность правовой политики состоит в опоре на юридические принципы и методы для достижения поставленных целей. Кроме того, современное государство испытывает насущную потребность согласования содержания нормативно-правового материала и приведение его в соответствие со сложившимися в обществе реалиями, как политическими, так и экономическими.

Актуальность исследования данной темы связана с возрастанием регулирующей роли права в жизни современного общества, включая в себя практически все механизмы реализации норм права для функционирования правового государства.

Основная часть. Главные направления правовой политики современного государства, включают в себя несколько важных компонентов. К ним принадлежат цели реализации правовой политики; система приоритетов осуществления правовой политики в конкретном государстве; принципы правовой политики. Компонентный анализ позволяет установить структуру правовой политики как юридического и политического феномена современного общества, а также даёт возможность дать научную оценку значения правовой политики.

Цель проведения в жизнь правовой политики государства. В этой связи представляется возможным отметить тенденцию к повышению степени упорядоченности политической жизни в стране и её правового регулирования.

К числу главных целей правовой политики принадлежат:

- защита прав, свобод и законных интересов граждан;
- продвижение по пути формирования и развития правового государства;
- совершенствование законодательства Республики и всех составных частей механизма правового регулирования общественных отношений [3].

В Донецкой Народной Республике система приоритетов правовой политики основана на принципах Конституции ДНР, общепризнанных нормах международного права и формулируется в конкретных правовых документах и нормативно-правовых актах государства: программах, концепциях, законах. При этом надо иметь в виду, что в каждой сфере общественной жизни эти приоритеты весьма конкретны и направлены на воплощение в жизнь принципиальных положений, зафиксированных в Конституции ДНР [4].

Существенной составной частью содержательного наполнения правовой политики является система фундаментальных теоретико-правовых идей и руководящих начал, на которой базируется практическая деятельность субъектов, осуществляющих правовую политику, цель которой состоит в использовании юридических методов для организации жизни общества. В современных условиях проведения реформ в государстве важной задачей исследователей правовой политики является разработка обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию, оценка качества нормативно-правовой базы и эффективности механизма правового регулирования [1, с. 208-209].

Правовая политика может рассматриваться как юридическое выражение объективных потребностей развития общества, прежде всего, социально-экономических. Необходимо всемерно стимулировать ведение предпринимательской деятельности легальными методами и решительно противодействовать криминализации сферы производства и торговли. Рыночные отношения, приобретая криминальный характер, становятся несовместимыми ни с нормальным правовым регулированием, ни с разумной правовой политикой. В этих условиях государство, власть, закон должны осознать ответственность перед обществом и провести системные преобразования, дающие возможность вырабатывать и проводить в жизнь правовую политику в интересах повышения уровня жизни населения [2].

Правовая политика по своей сути представляет политику, проводимую с помощью правовых средств. К ним принадлежат установление и законодательная фиксация прав и обязанностей, запретов и ограничений, системы стимулов и санкций, правовых режимов, разработка и принятие в установленном порядке нормативно-правовых актов. Поэтому крайне важно всемерно совершенствовать эти инструменты, повышать их эффективность, надежность, четкость и безотказность их функционирования [5, с. 182]. Это касается прежде всего законов, указов и правительственных постановлений, других нормативных правовых актов, механизма правового регулирования, правоприменительной деятельности, судебной, прокурорской и следственной практики, прав, свобод и обязанностей граждан, юридической ответственности, правовой культуры – всех элементов, составных частей и институтов, образующих отечественную правовую систему [3].

В ходе исследования было выявлено, что характер реализации правовой политики современного государства выражается в деятельности определённого круга субъектов, осуществляющих разработку и принятие норм права, правоприменительную деятельность.

Заключение. Рассмотрение данной темы даёт возможность сделать заключение, что правовая политика, является логическим следствием развития государства. На её появление и дальнейшую эволюцию оказала существенное влияние необходимость осуществления государственного управления в условиях приоритетности прав человека, интересов личности и демократизации общества. С момента появления, правовая политика оказывает непрерывное влияние не только на правосознание каждого отдельно взятого индивида, но и целостное формирование правовой системы права, определяет его роль в жизни каждого человека, устанавливая свой авторитет у каждого гражданина.

Список литературы

1. Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – 202 с.
2. Верховенство права и правовое государство: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 2018г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ami.im/sbornik/MNPK-YUR-38.pdf>
3. Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. Сб. статей. / Отв. ред.: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. – 560 с.
4. Конституция ДНР по состоянию на 06.03. 2020 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya> – Дата обращения: 23.10.2020.
5. Краснов Ю. К. Правовая политика России на современном этапе: Учеб. Пособие. – М.: Прометей, 2019. – 394 с.

УДК 343.01

ПРАВОНАРУШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Чепикова В. А., Хара М. Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.chepikova@donnu.ru, mashahara1999@mail.ru

Введение. Современные технологии, мощный фактор динамического развития цифровизации – расширения использования современных цифровых технологий в разных сферах жизнедеятельности человека. Цифровизация, как переход от аналогового способа работы с информацией

к цифровому, по мнению одних ученых, берет свое начало со времен древности и связывается с открытием счета и цифр [1]. По мнению других, цифровизация выступает «природным феноменом», особым фактором развития правовой системы в условиях цифровой реальности [2].

Основная часть. Влияние цифровизации права на государственно-экономические и общественные отношения является предметом множества научных дискуссий, цель которых заключается в поиске идеальной модели нормативно-правового регулирования общественных отношений в условиях цифровой реальности, формировании такого правового режима, который будет благоприятным как для развивающихся современных технологий, так и для правоотношений, возникающих на их основе [3].

Как показывает история, любое развитие и прогресс, который приносил человечеству цивилизованные блага и новые возможности, всегда сопровождается негативными явлениями и высокий рост цифровых технологий, который значительно упростил жизнь человека, не стал исключением.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние не только на само правонарушение, но и на его внутренне содержание, в частности на его структурные элементы.

Так, **объект правонарушений** в условиях цифровой реальности достаточно многообразен. Он может быть связан с информационной сферой и компьютерными технологиями, где непосредственным объектом будет выступать сама информация, информационные ресурсы, базы данных, средства связи, информационные и компьютерные технологии. Объектом могут выступать и те общественные отношения, ущерб которым наносится с помощью информационных систем: жизнь, здоровье и безопасность человека; конфиденциальная информация; имущество и имущественные права (кражи, мошенничество, совершенные в цифровом пространстве), право собственности и авторские права (пиратство и плагиат); общественная нравственность; общественная безопасность; правовой режим оборота наркотических средств и др.

Различие объектов правонарушений раскрывает широкий диапазон посягательств в условиях цифровизации, классификация которых выступает предметом научного обсуждения в международном сообществе. Так, 23 ноября 2001 г. в г. Будапешт состоялось заключение Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), различающей виды преступлений в данной сфере:

- против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (незаконный доступ, незаконный перехват, вмешательство в данные или в систему и др.);
- связанные с использованием компьютерных средств (мошенничество в целях неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или третьих лиц, подлог с использованием компьютерных технологий);

– связанные с содержанием данных (производство, предложение или предоставление в пользование, распространение или передача, приобретение, владение детской порнографией);

– связанные с нарушением авторского права и смежных прав;

– против распространения информации расистского и другого характера, подстрекающего к насильственным действиям, ненависти или дискриминации отдельного лица или группы лиц, основывающимся на расовой, национальной, религиозной или этнической принадлежности [4].

При характеристике *объективной стороны* правонарушения в современных условиях, по нашему мнению, особое значение приобретает установление причинной связи между противоправным деянием и негативными последствиями, а также, места, времени, способов и средств совершения. Все *правонарушения в цифровой сфере характеризуются единым местом совершения противоправных деяний – виртуальное пространство*, к которому относят и информационные компьютерные технологии, и электронные медиа-ресурсы, и в том числе сеть Интернет. Следовательно, будет целесообразно законодательно выделить место совершения правонарушения не как факультативный признак, а как обязательный признак внутренней структуры правонарушения. Учитывая, что виртуальное пространство не имеет географических ограничений, что определяет трансграничный характер цифровых правонарушений, то само правонарушение может быть совершено на территории одного государства, а негативные для субъекта последствия возникнут на территории другого государства (других государств).

Кроме того, появляются новые *способы совершения правонарушений* в цифровой реальности – использование современных технологий, информационных ресурсов и средств коммуникаций. Стоит отметить, что на данный момент с помощью различных электронных медиа-ресурсов и коммуникационных технологий (таких как, Интернет) с легкостью происходит распространение и обмен информацией, позволяющей воздействовать на сознание общества, при этом направленность воздействия может быть как позитивного (ориентированность на формирование общепризнанных человеческих ценностных ориентаций), так и негативного (дестабилизация: создание преступных группировок, пропаганда экстремизма, терроризма, наркомании, жестокости и насилия) характера [5].

Общепринятой является характеристика *субъективной стороны* характеризуется наличием вины, формирующейся в социальной среде обитания человека. Под виной не всегда стоит понимать психическое отношение лица к содеянному, в данном случае имеет место неприятие мер по соблюдению предписаний закона: лицо, распространившее запрещенную информацию, получает уведомление об ограничении доступа к такой информации, но не удаляет ненадлежащий контент.

Субъект под влиянием средств массовой информации с целью само-пиара и «раскрутки» может совершить правонарушение, не имея при этом умысла на непосредственно совершаемое деяние.

Касаемо субъекта правонарушения, то им принято считать физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (мы не берем случаи, где субъектом правонарушения являются юридические лица). На данный момент наблюдается рост правонарушений среди несовершеннолетних лиц, что обуславливается использованием компьютерных и информационных технологий в достаточно раннем возрасте. Среди данной категории субъектов наблюдается совершение правонарушений в цифровой сфере, участие в организованных преступных группировках и пр., что требует незамедлительной реакции государства, в частности внесения изменений в законодательство по изменению возраста юридической ответственности за правонарушения в пределах цифрового пространства на более низкий.

Заключение. Информационные технологии – это не только благо цивилизации позитивного характера, но и средство и способ, используемый для совершения правонарушений в условиях цифровизации. Обеспечение национальной информационной безопасности является одной из главных задач государства по его защите и для его нормального функционирования. Однако глобальность проблемы не позволяет ее решения, путем принятия мер только на национальном уровне; для противодействия цифровым правонарушениям должно быть привлечено мировое сообщество.

Список литературы

1. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания / В. Ф. Ницевич // Цифровая социология. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 18-28.
2. Mark, D. R., Gurchetan, S. G. Making laws in a digital age [Электронный ресурс] / D. R. Mark, S. G. Gurchetan. – Режим доступа: <https://www.parliament.uk/documents/speaker/digital>. – Дата обращения: 17.10.2020. – Загл. с экрана.
3. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В. А. Вайпан // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 5–18.
4. Газізова, Ю. Кіберзлочинність в Україні. Ера цифрових технологій – ера нових злочинів [Электронный ресурс] / Ю. Газізова // Юрист & закон. – 2020. – № 12. – Режим доступа: https://uz.ligazakon.ua/ua/magazine_article/EA013606. – Дата обращения: 17.10.2020. – Загл. с экрана.
5. Сценарный анализ проблем трансформации правоохранительной системы в условиях цифровизации [Электронный ресурс] / В. Л. Шульц, С. А. Бочкарев, В. В. Кульба, А. Б. Шелков, И. В. Чернов, А. А. Тимошенко // Вопросы безопасности. – 2019. – № 4. – С. 36-65. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30588. – Дата обращения: 17.10.2020. – Загл. с экрана.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Щербинина Е. В., канд. ист. наук, доц., *Шкиндер В. Т.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sherbinina@donnu.ru, vasya.shkinder@bk.ru

Введение. Являясь одним из относительно автономных разделов, юридическая техника подвержена влиянию тех же внешних факторов, что и теория права. Сегодня в современной юридической науке наблюдается тенденция терминологической «множественности», порою не всегда обоснованной. Так, наряду с уже известными и устоявшимися в науке терминами «юридическая техника», «законодательная техника», соотношению которых уделено значительное количество научных работ, в научном обиходе появляются новые – «нормография», «юридическая эстетика».

Основная часть. Возникнув в архаическом праве Древнего мира, найдя развитие в сословном праве традиционного общества; развитием, зрелом, общегосударственном праве индустриального общества и войдя в категориальный аппарат юридической науки на рубеже XIX – XX веков, юридическая техника и сегодня решает важнейшую задачу – обеспечение системности, структурной и содержательной грамотности и единства как актов правотворчества и толкования норм права, так и актов правоприменения, нацеленных на индивидуализацию регулирующего воздействия правовых норм по конкретной жизненной ситуации и конкретным субъектам.

В свое время еще М. Л. Давыдова в своей работе «Юридическая техника: проблемы теории и методологии», выделила основные тенденции в развитии юридической техники, которые сводились к следующему:

1) ограничение выделением юридической техники как самостоятельного понятия отличного (нетождественного) от законодательной техники;

2) признание за юридической техникой права иметь свой особый предмет изучения, а, следовательно, причисляя ее к особым – прикладным – юридическим наукам;

3) признание за юридической техникой широкого подхода к пониманию, однако в исследованиях исторически объективно делается упор на законодательную технику [1, с. 26-29].

И если на современном этапе вопрос размежевания законодательной и юридической техники решен однозначно, то о признании за юридической техникой статуса науки остается открытым. При этом большое число авторов остаются на позиции определения юридической техники как совокупности «правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и

учета, что обеспечивает их усовершенствование, эффективное использование» [5, с. 5].

Мы же считаем справедливой позицию Т. В. Кашаниной, В. М. Баранова, В. Н. Карташова и других ученых-правоведов, определяющих юридическую технику как науку с особым предметом изучения: «наиболее общие закономерности осуществления юридической деятельности, в процессе которой составляются юридические документы» [2, с. 30].

Причем необходимо учитывать, что предмет юридической техники, как и сама юридическая деятельность, постоянно расширяется и качественно изменяется, а, следовательно, **предметом ее изучения, является определенный круг вопросов, представляющий собой совокупность методов, правил, приемов и средств юридической деятельности в их динамичном развитии.** В пользу представленной позиции говорит и особая методологическая база юридической техники, которую формируют общенаучные, логические, лингвистические и технические методы научного познания.

Особое внимание, для целей представленного исследования, имеет вопрос содержания юридической техники, под которыми Т. В. Кашанина понимает правила выполнения юридической работы, различающиеся по своему характеру и форме внешнего выражения [2, с. 111]. Учитывая многообразие юридического инструментария, которым оперирует юридическая техника, нет единого подхода к выделению критериев их классификации. Однако признаем наиболее детальным и разработанным подход Ю. А. Тихомирова, который выделяет шесть групп элементов (т. е. правил юридической техники), «покрывающих» многогранность и многоаспектность юридической деятельности на всех стадиях правового регулирования: познавательно-юридические, нормативно-структурные, логические, языковые, документально-технические и процедурные [2, с. 112].

Таким образом, введенный Рудольфом фон Иерингом в научный оборот термин «юридическая техника», оправдывает себя и в современных условиях.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, предпринимаются попытки «введения» в терминологический оборот новых терминов-заменителей.

Так, группой авторов учебника «Нормография: теория и технология нормотворчества» предпринята попытка возобновления термина, введенного в XX веке И. Бенхамом – **нормография**, под которым сам И. Бенхам понимал законодательное искусство, а, следовательно, рассчитанного исключительно на процесс нормотворчества. Причем, авторами указанного учебника выдвинута идея о выделении **самостоятельной науки нормография**, как «...системы научных знаний о проблемах нормотворческой деятельности, ее видах, способах, принципах, а также правилах, приемах и средствах нормотворческой юридической техники (курсив авт.)...» [3, с. 9]. Исходя из ранее рассмотренного предмета юридической техники и очерченного авторами учебника

предмета нормографии, очевидным является их соотношение как родового (общего) и частного (узконаправленного) соответственно. В силу чего встает вопрос о целесообразности не только выделения «новой» сферы научного знания, но и возобновления «хождения» термина «нормография».

Мнение Д. О. Шнигера касательно того, что «...намечаются контуры новой междисциплинарной прикладной области, изучающей эстетику в праве» и попытка введения новой специальной дисциплины, а также и нового термина, «*правовая эстетика*», нами также считается ошибочной [4, с. 113]. Как утверждает Д. О. Шнигер, данная новая учебная дисциплина призвана репатриировать эстетическое начало в юриспруденции [4, с. 115], однако со слов самого автора нового термина «...предлагаемая дисциплина (*а, следовательно, и термин. Прим. авт.*) ничем не отличается от юридической техники...» [4, с. 117]. При этом обоснованием выдвинутых идей служит та реальная ситуация, которая сложилась в юридической деятельности на всех уровнях и направления в России, а именно повсеместное пренебрежение правилами построения юридического текста; предание забвению таких правил юридической техники как лаконичность, ясность, понятность, логика построения юридического текста. С учетом этого, тем более возникает вопрос: а решит ли проблему введение нового термина и новой дисциплины? По нашему мнению, нет. Проблема не в терминах, их «архаичности» или соответствии новому уровню развития общества. Корни проблемы не вызваны объективными факторами, как теми, что привели к формированию юридической техники, как особой сферы человеческой юридической деятельности. Корни проблемы – факторы субъективного характера, и бороться с ними следует не путем введения новых терминов, новых наук и учебных дисциплин.

Заключение. Исходя из вышеизложенного материала, считаем возможным сделать вывод, что введение новых терминов, таких как «нормография» и «правовая эстетика» не являются целесообразными. Более того, их введение не решат существующие в юридической деятельности проблемы несоблюдения правил юридической техники и, как итоговый результат, повышения качества юридических документов.

Список литературы

1. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
2. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
3. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 460 с.
4. Шнигер Д. О. Правовая эстетика, или право как искусство // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Юридическая практика. – 2020. – № 7. – С. 113-120.
5. Шутак І. Д. Юридична техніка: підходи до поділу на види // Теорія й історія держави і права; адміністративне право і процес; інформаційне право. – 2015. – С. 3–10.

Евразийское сотрудничество: теория и практика»

УДК 342.951:349.6

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДНР В СФЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
n.barbashova@donnu.ru

Введение. Активизация международного сотрудничества Донецкой народной республики и перспективы вступления в качестве независимого государства или субъекта Российской Федерации в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) предполагают гармонизацию республиканского законодательства с законодательством государств, входящих в ЕАЭС. Одним из важнейших направлений такого сотрудничества является принятие специальных нормативных актов, содержащих обязательные для всех государств ЕАЭС требования к объектам технического регулирования в части специального регулирования вопросов безопасности. Эта функция возлагается на технические регламенты, которые, как правило, разрабатываются на основе специально принятых законов о техническом регулировании.

Цель. Учитывая важность международного сотрудничества в сфере технического регулирования, в том числе в сфере согласования требований безопасности соответствующих нормативных правовых актов ДНР с требованиями регламентов, принятых государствами – членами ЕАЭС, в республике в настоящее время ведется активная разработка закона о техническом регулировании.

Основная часть. В ФЗ РФ «О техническом регулировании», являющегося базовым документом для разработки одноименного республиканского закона, под техническим регламентом понимается документ, который принят международным договором Российской Федерации, или федеральными нормативными правовыми актами и устанавливает обязательные для применения и исполнения требования к объектам технического регулирования (продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации).

Технические регламенты принимаются в первую очередь в целях защиты жизни или здоровья граждан, охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений от угроз, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. Разработка и принятие технических регламентов представляет особое значение для сферы правового регулирования экологических отношений, поскольку основная цель экологического законодательства – обеспечение экологической безопасности человека, решается путем разработки соответствующих стандартов и нормативов допустимого негативного воздействия на окружающую среду.

В настоящее время внутригосударственные технические регламенты последовательно заменяются техническими регламентами Таможенного союза, а в перспективе – техническими регламентами ЕАЭС.

Согласно ст. 2 «Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации» стороны проводят согласованную политику в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер. Все технические регламенты ЕАЭС (Таможенного союза), а также изменения в них разрабатываются и принимаются в порядке, установленном Положением о порядке разработки, принятия, внесения изменений и отмены технического регламента Таможенного союза, утвержденным Решением Совета ЕЭК от 20 июня 2012 г. № 48.

Анализ проекта закона, данный Верховным Судом ДНР в «Заключении к проекту закона Донецкой Народной Республики «О техническом регулировании» № 818-КД» [1] выявил целый ряд неточностей и неурегулированных вопросов, в том числе в сфере административной ответственности за нарушение требований технических регламентов.

Необходимо указать, что как сам проект Закона ДНР «О техническом регулировании», так и сделанное по нему Заключение Верховного Суда ДНР содержат принципиальные ошибки в части определения составов административных правонарушений в сфере технического регулирования, результатом которых является нарушение требований экологической безопасности и создание угроз человеку и окружающей среде. Использовать предписания статей Кодекса об административных правонарушениях, временно действующего на территории ДНР, не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, в указанном кодексе отсутствуют статьи, предусматривающие административную ответственность за нанесение вреда окружающей среде и здоровью человека, а во-вторых, использование положений одноименного российского закона «О техническом регулировании» делает логичным использование бланкетных норм именно российского Кодекса об административных правонарушениях.

В качестве примера, свидетельствующего о внимании российского законодателя к вопросу установления мер административной

ответственности за нарушения требований технических регламентов, результатом которых стало создание угроз здоровью человека и окружающей среде, приведем ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ «Нарушение изготовителем, исполнителем, продавцом требований технических регламентов», согласно которой в случае причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, на виновных лиц предусмотрено наложение соответствующего правонарушению административного штрафа. Ответственность за аналогичные составы нарушения предусмотрены в целом ряде других норм КоАП РФ.

Заключение. Отмеченное выше дает основание рекомендовать разработчикам Закона ДНР «О техническом регулировании» дополнить его специальным разделом, в котором были бы прописаны нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение требований технических регламентов, в том числе, результатом которых стало нанесение вреда окружающей среде и создание угроз экологического характера для здоровья и самой жизни человека. Наличие такого специального раздела позволит гармонизировать законодательство ДНР в сфере технического регулирования с законодательством государств, входящим в ЕАЭС.

Список литературы

1. Заключение к проекту закона Донецкой Народной Республики «О техническом регулировании» № 818-КД.– Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelnaya-iniciativa/zaklyucheniya/zaklyuchenie-k-proektu-zakona-doneckoy-narodnoy-345>.

УДК 34.01(470)

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Герасименко Ю. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

iuliatr@yandex.ru

Введение. Глобализация – объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Особенных темпов развития глобализация набрала в последние десятилетия XX столетия.

Результатом глобализационных процессов на постсоветском пространстве стало появление Евразийского экономического союза. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был создан с целью всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, а также с целью создания условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [1].

Евразийская интеграция является не только необратимым, но и необходимым процессом, поскольку призвана решать различные экономические, политические, социальные проблемы, возникающие в процессе развития и функционирования государств. Именно поэтому проблема интеграции нашего государства в Евразийское экономическое пространство приобретает первостепенное значение. Руководство Донецкой Народной Республики неоднократно выражало желание стать полноправным членом Евразийского экономического союза, но, к сожалению, на сегодняшний день статус Донецкой Народной Республики официально не признан другими государствами (за исключением Южной Осетии).

Для эффективной интеграции в единое экономическое пространство необходима не только экономическая основа, но и идеологическая мотивация, способная сплотить и мобилизовать общество.

Основная часть. Традиционно внимание ученых и политиков обращено к экономическому аспекту интеграции, в то время, как идеологическая основа до сих пор не получила широкого обсуждения. Идеология – это конкретная цель развития, которая определяет вектор движения государств (государственных союзов). Без идеологии государство или государственные объединения не имеют каркаса, а поэтому обречены на распад. Очевидно, что вопрос идеологической основы евразийской интеграции нуждается в дальнейшем научном развитии.

У истоков евразийской идеи стояли такие известные ученые как Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев. Известный русский философ Н. С. Трубецкой, размышляя о дальнейшем развитии России, в своих трудах обосновал необходимость объединения постсоветских государств в Евразийский союз на основании исторической общности народов, проживающих на этой территории. Ученый отмечал, что основой нового объединения станет понимание общих интересов на основе многовековой истории и опыта совместной жизни в рамках единой государственности [2].

Особое значение в интеграционном процессе занимает международное правотворчество, поскольку именно правовые нормы выступают основным регулятором межгосударственных отношений.

В ходе правотворческого процесса, правовая идеология выступает средством формирования правовой действительности. Правовая

идеология – это систематизированное научное выражение правовых взглядов, требований, идей общества, социальной группы. Формирование правовой идеологии осуществляется как процесс теоретического осознания интересов, целей и задач общества и государства [3, с. 337].

Правовая идеология должна нести в себе духовные, гуманные возможности, быть ориентированной на основные общечеловеческие ценности, создавать необходимые условия для содействия реализации их прав и свобод. Правовая идеология должна отображать прогрессивные идейные взгляды своей эпохи, основываясь на традиционных для данного общества ценностях, вбирая в себя исторический и духовный опыт прошлых поколений.

Проблема определения общих фундаментальных ценностей имеет первостепенное значение для дальнейшей евразийской интеграции.

Считаем, что идеологическую основу евразийской интеграции должны составить следующие базовые ценности:

– во-первых, это идея солидарности – Евразийский экономический союз может противопоставить современному миру, построенному на конкуренции идею солидарного общества, где союзные государства являются не конкурентами, а равноправными партнерами;

– во-вторых, верховенство духовных ценностей, которое заключается в приоритете абсолютных ценностей (честь, справедливость, совесть, патриотизм, достоинство) над материальными благами;

– в-третьих, единое экономическое пространство – евразийская интеграция должна стать взаимовыгодным проектом для всех стран-участниц с целью повышения благосостояния граждан, свободы передвижения товаров, услуг, рабочей силы, капитала, предприятий на всей территории Евразийского экономического союза.

– в-четвертых, культурное многообразие, т.е. культурный плюрализм – не только сохранение и развитие национального и религиозного плюрализма, основанного на традиционных ценностях, но и безусловное соблюдение верховенства национального суверенитета государств-членов ЕАЭС [4].

Заключение. На наш взгляд, проект Евразийского экономического союза должен стать новым цивилизационным сверхпроектом. Гармонизировать же межгосударственные отношения в новой многонациональной евразийской семье призваны единые фундаментальные ценности, воплощенные в идеологическом аспекте евразийской интеграции.

Список литературы

1. Евразийский экономический союз. Цели и история создания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cyclopedia.ifcg.ru/wiki> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.

2. Маслин М. А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. No 4. С. 161–178.
3. Марченко М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект : Изд-во Московского ун-та, 2018. – 636 с.
4. Большая Евразия Принципы евразийской интеграции в исторической перспективе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/33611> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.

УДК 351

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОВЕРШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, *Федосеева Я. О.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kablv.denis@rambler.ru, fedoseeva2408@mail.ru

Введение. Достаточно долгое время должностных преступлений вызывают беспорядок в гражданском обществе. Такое положение обусловлено тем, что институт государственной службы занимает значимое положение в правовом государстве.

Обращаясь к многовековой истории построения и становления государства можно утверждать, что ни одно цивилизованное государство не может эффективно функционировать без профессионального аппарата государственной службы.

Основная часть. Традиционно, должностное лицо за совершение того или иного противоправного деяния можно привлечь к дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, материальной и уголовной ответственности. Представляется целесообразным рассмотреть особенности привлечения государственного служащего именно к уголовной ответственности, поскольку она представляет наиболее суровую меру наказания за совершение тех или иных преступлений.

Определение должностных преступлений имеет легальное закрепление, то есть отражено в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Так, в соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда ДНР №16 от 17.11.2017 года под должностными следует считать преступления, возможность совершения которых обусловлена наличием у лица прав и возможностей, которыми это лицо наделено в связи со своим

служебным положением, а именно – в связи с его пребыванием на определенной должности, связанной с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций [1].

Необходимо согласиться с мнением А. В. Бриллиантова, который утверждает, что особенностью должностных преступлений является то, что их совершение становится возможным лишь благодаря занимаемой должности [2, с. 803].

Законодательная база ДНР находится на этапе формирования, что прямым образом влияет на соблюдение законности, прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому интересы государства в подобного рода вопросах возлагаются непосредственно на всех государственных служащих.

Выполнение надлежащим образом своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими государственные должности в ДНР, выступает важнейшим инструментом, при помощи которого обеспечиваются реализация законности и правопорядка в гражданском обществе [2, с. 802].

Общественная опасность преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления заключается в том, что эти преступления совершаются лицами, на которых возложена обязанность по поводу соблюдения закона. Представляется целесообразным разработать некоторые меры предупреждения совершения должностных преступлений.

В первую очередь, для повышения эффективности мер предупреждения совершения должностными лицами преступлений целесообразно совершенствование правового обеспечения деятельности соответствующих лиц. В таком случае, лица, которые в своей профессиональной деятельности осуществляют функции представителя власти или занимают государственные должности – выполняют предписания законодательных актов [3, с. 11].

Как результат, достижение наибольшей эффективности всевозможных правовых средств, которые направлены на систематическую борьбу с совершаемыми должностными преступлениями, достигается совершенствованием самих общественных отношений, регулируемых правовыми нормами.

Следующей мерой предупреждения совершения должностных преступлений будет выступать развитие превенции, направленной на предотвращение злоупотребления своими полномочиями должностными лицами.

В рамках анализа мер по поводу предупреждения совершения должностных преступлений представляется целесообразным в правовой системе ДНР разработать Деонтологический кодекс основ государственной службы.

Деонтологический кодекс основ государственной службы будет содержать нормы этико-деонтологической направленности, а также отражать особенности культуры профессиональной деятельности государственных служащих. Принятие органом законодательной власти соответствующего нормативного правового акта и его применение на практике будет способствовать систематическому формированию строгих норм поведения государственных служащих [4, с. 38].

В таком случае можно будет говорить о наличии, а главное применении соответствующих мер для предупреждения совершения должностных преступлений.

Заключение. Таким образом, определив меры предупреждения совершения должностных преступлений необходимо отметить, что их совокупность будет способствовать сведению к минимуму противоправных деяний.

Тем самым, наличие факта совершения должностного преступления в правовом государстве представляет реальную угрозу его социального и экономического развития. Кроме того, угроза распространяется на политическую стабильность, от которой зависит безопасность всего гражданского общества.

Совершенствование действующего законодательства, развитие превенциальных мер, а также принятие Деонтологического кодекса основ государственной службы в совокупности направлено на реформирование состояния государственной службы.

Список литературы

1. О практике применения судами Донецкой Народной Республики норм главы 33 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики о должностных и некоторых иных преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 16 от 17.11.2017 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/pplenum/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-norm-glavy-33-ugolovnogo-kodeksa/> – Дата обращения: 28.09.2020 г. – Загл. с экрана.
2. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; отв. ред. А. В. Бриллиантов. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 1227 с.
3. Оздоев М. Т. Должностные преступления: уголовно-правовой анализ и предупреждение. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2015. – 35 с.
4. Яблонская Л. М. Этико-деонтологический кодекс модель полиции XXI в. / Л. М. Яблонская // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 38–40.

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ «ИДЕОКРАТИИ» В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

*Лещенко И. И.*¹, канд. ист. наук, доц.,

*Славова Н. А.*², канд. юрид. наук

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР,

²АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва, РФ

ira_leshenko@mail.ru

Введение. В современной политике Российской Федерации евразийские идеи о государстве становятся всё более актуальными и востребованными. Евразийский концептуальный дискурс используется в политических программах самыми разными политическими партиями и движениями как радикально-демократических, так и радикально-правых. Связано это с поиском нового идеологического обоснования государственной идеологии или концептуальных его основ.

Вопрос о роли и месте России в грядущей геополитической расстановке сил сегодня актуален: «это вопрос выживания и безопасности страны»¹. Это учение систематизировало теоретическое наследие евразийцев прошлого века, дополнило его и адаптировало под современные вызовы и угрозы. Французская исследовательница евразийства Марлен Ларюэль, выступая в дискуссионном клубе «POLYTON», отметила, что евразийство – это наиболее разработанная идеология различных консервативных течений, которые возникли в России в 1990-е гг. [1].

Основная часть. Главным идеологическим постулатом евразийской концепции является идея создания на территории бывшего Советского Союза евразийской империи. Ноевразийство подобно своему предшественнику является неоднородным и представлено несколькими направлениями. В силу специфики изучаемого вопроса, обратимся только к первому направлению, которое основано на идеях Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилёва. Возглавляет это направление А. Г. Дугин, который значительно расширил традиционное понятие евразийства, объединив его с новыми идейными блоками: традиционализмом и геополитикой. Его представители противостоят либеральному западничеству и узкоэтническому национализму. Главной целью является создание теоретической концепции евразийской империи,

¹ Гребенник В.В. Методологические основы новой парадигмы оптимального обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия: 1: Экономика и управление. – 2012. – С. 5.

построенной на территории бывшего Советского Союза. Всю концепцию А. Дугина условно можно разделить на две тематические части: теоретическое обоснование внутренней политики евразийского государства и определение концепции внешней политики евразийского государства, направленной на создание стратегического союза, состоящего из евразийских государств. Здесь заложено важное отличие от евразийского учения, где основной упор делался на мощное русское государство, а у неоевразийцев, это мощное русское государство собирает вокруг себя другие государства, тем самым кратко усиливая новое государственное евразийское образование. И соответственно концепция идеократии, разработанная евразийцами, переносится и проецируется не на одно государство, а на новую евразийскую империю. Такой глобальный и мощный проект требует времени, сил, средств не только для его успешной реализации, но и сильнейшему противостоянию со стороны западных глобалистов во главе с США, что явно не вписывается в сферу их интересов.

Анализируя концепцию неоевразийства, сформулированную А. Дугиным, можно констатировать, что их теория внутреннего устройства евразийского государства была более продуманная, нежели у представителей классического евразийства. Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий в своей концепции очень мало внимания уделяли внутреннему устройству евразийского государства, что и доработал А. Дугин. По его мнению, Россия, занимая стратегическое положение на евразийском континенте, обязана стать евразийской державой. Для этого концептуальным стержнем может стать идеократическая модель государственного развития, которую необходимо адаптировать к новым реалиям без ключевых трансформаций. В своей монографии «Евразийский путь как национальная идея» А. Дугин отмечал: «Евразийский характер России предопределяет её центральное место в континентальном ансамбле. В стратегическом смысле России суждено быть ядром континентального евразийского блока, системы государств, объединенных общей структурой безопасности» [2, с. 19].

В концепции внутреннего развития евразийского государства он проводит параллель с классическим евразийством, соглашаясь с ними относительно федеративного устройства будущего евразийского государства. В евразийском федерализме А. Дугин определял два уровня развития: стратегический унитаризм и этнокультурный широкий плюрализм. Как он считал, на стратегическом уровне должны решаться вопросы государственной безопасности, территориальной и экономической интеграции. Второй уровень – этно-региональный – представляет систему автономий, которые принципиально отличаются от современных русских автономий, таящих в себе потенциальную угрозу их выхода из федерации. Исторический опыт развала СССР наглядно

свидетельствует именно о такой угрозе, которая вновь может повториться, при повторной попытке западных специалистов. Следовательно, главная концептуальная цель: не допустить в будущем, ни при каких условиях, подобного сценария, направленного на уничтожение государственности.

Евразийский союз, согласно концепции А. Дугина и его сторонников, должен представлять собой единую геополитическую структуру. Такая конструкция включает единую систему экономики, единые транспортные артерии, таможенный союз, общую валюту, единое стратегическое командование, общую систему коллективной безопасности, общую систему представительных органов. При этом, по его мнению, «национальная суверенность в сфере политики сохраняется за каждым субъектом Евразийского Союза, полнота экономических свобод остается прежней» [3, с. 282]. Важно отметить, что в этот союз государства, прежде всего, бывшие республики СССР, должны войти добровольно, так как союз способен стать главным условием сохранения основ государственности, территориальной целостности стран, входящих в него.

Внешнеполитический вектор развития государства также подчинён основной цели – созданию Евразийского союза. В силу своего геостратегического положения на евразийском континенте Россия должна стать лидером и возглавить континентальный блок евразийских государств.

Современный этап (2004–2018 гг.) деятельности евразийцев характеризуется реализацией геополитической концепции, которую используют разные политические силы. Особенно это касается партии Единая Россия и сил, которые поддерживают официальный курс президента В. В. Путина, направленный на практическую реализацию. Положительной стороной нового евразийства стали:

- фактическая констатация мультикультурности современной России;
- сочетание открытости и ориентации на диалог с верностью историческим корням;
- последовательное отстаивание национальных интересов РФ.

Процесс дальнейшей трансформации неоевразийства не прекращен.

Заключение. Таким образом, поиск выхода способствует не только созданию особенной идеальной модели будущего устройства постсоветской России, но и стремлению реализовать эту модель практически, т.е. включиться в общественную деятельность и в политическую борьбу.

Список литературы

1. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 12. Выступление М. Ларюэль в дискуссионном клубе «POLYTON»: Современное переосмысление евразийства в России и Казахстане. 2005. 11 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.club.kz> (дата обращения 02.12.2019).

2. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. – М.: Арктогея-центр, 2002. – С. 258.
3. Дугин А. Г. Проект «Евразия». – М.: Эксмо, 2004. – С. 282.

УДК 340.12(292.4/.5):303.833.6

ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц., *Шаповалова В. Д.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ira_leshenko@mail.ru, vladlenchik1305@mail.ru

Введение. В условиях современных цивилизационных трансформаций возникает необходимость поиска новых моделей общественного и государственного развития с акцентом на мирное, а не силовое разрешение вновь появляющихся межнациональных и межгосударственных конфликтов. Евразийская концепция прав народов во многом может послужить образцом в формировании новых идей при урегулировании подобных конфликтов. Целью является привлечение внимания к евразийской концепции прав народов и актуализация её значимости.

Основная часть. В противопоставление западной концепции атлантизма, в формуле которой доминирует личность, затем общество и государство, евразийство содержало идею рассмотрения человека как неотъемлемой части народа в контексте общность превыше частного. Актуализация концепции прав народов более значима для всех народов Евразии. Рассматривая триаду «права человека», «права государства» и «права народа», можно заключить, что именно категории прав народа уделяется наименьшее внимание, и реже употребляется в современном законодательстве и юридической практике.

Какова суть евразийской концепции «прав народов»? *Во-первых*, концепция прав народов значительно отличается от западной концепции прав человека: западному индивидуализму противопоставляется евразийская общность. А.Г. Дугин поясняет существенную разницу в этом понимании и отмечает, что «для Запада народ состоит из людей (граждан, индивидуумов), и если люди перегруппируются, например, переедут в другую страну, сменят гражданство, то они образуют другой народ, так как народ в таком понимании есть нечто искусственное, оторванное от качественной природы. Для евразийства же народ, напротив, первичен по отношению к индивидууму, человеку. Народ и есть то, что делает человека – человеком» [1]. *Во-вторых*, евразийская холистская модель рассматривает человека как часть народа. Холизм в широком понимании – это научная позиция по

проблеме соотношения части и целого, которая исходит из приоритета целого по отношению к его частям. Исторически сложилось так, что российское государственно-правовое развитие обуславливало и предполагало вторичность личности перед церковью, государством, обществом, этносом, которые представлялись как первичные. Исходя из разъяснений А.Г. Дугина, «иерархизация в традиционной России начиналась именно с них. Личность должна быть защищена не как индивидуальная особь, а как носитель общих принципов» [2, с.11]. Здесь чётко прослеживается холизм и историческая обусловленность концепции прав народов. *В-третьих*, в настоящее время категория прав народов существенно уступает масштабу значимости категории прав человека. Представители неоевразийства, в особенности А.Г. Дугин, ставят перед собой задачу повысить значимость концепции «прав народов» в мире и сделать её первостепенной на всём евразийском пространстве.

Важным аспектом данной проблемы является взаимодействие евразийских идей с конституционным правом. Евразийские концептуальные основы, так или иначе, затрагивают основные категории конституционного права, а именно: народ, государство, власть. Следовательно, необходимо оценить степень взаимодействия евразийских идей с наукой конституционного права в данном контексте. В российской научной литературе по конституционному праву проблема прав народа имеет меньшую степень освещённости и значительно уступает бесчисленным исследованиям проблем прав человека и гражданина. Права народа и права человека и гражданина развиваются во многом параллельно, изолированно, вопреки органическому подходу, представленному в учениях евразийцев. Кроме того, приоритет прав человека характерен западной юридической формуле. А, как известно, широкое заимствование зарубежного правового материала приводит к вытеснению национального и может способствовать утрате самобытности и индивидуальности государственно-правовой системы, а также её идентичности.

В Конституции Российской Федерации термин «народ» употребляется десять раз. В сочетании с понятием «многонациональный» Конституция определяет народ в качестве субъекта конституционного нормотворчества (преамбула), носителя суверенитета и единственного источника власти (ст. 3). Самоидентификация народа осуществляется посредством права на самоопределение (ч. 3 ст. 5). Материальной основой жизни и деятельности народа выступает земля и другие природные ресурсы (ч. 1 ст. 9). Духовная связь и преемственность определяется правом народа на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68). Государство обязано гарантировать права коренных малочисленных народов (ст. 69). В соответствии со ст. 82 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации приносит присягу именно народу [3]. В свою очередь, правам человека

посвящена вся вторая глава «Права и свободы человека и гражданина». Так, при анализе Основного закона государства, чётко прослеживается особая значимость и приоритетность прав человека.

Концепция прав народов (наряду с концепцией прав человека) в современных условиях может играть положительную, прогрессивную роль, когда она выдвигается как политико-юридическое, исходное положение. Более широкое закрепление прав народа в Конституции имеет большое значение с точки зрения техники конституционного регулирования. Выстраивание нормативного содержания текста Конституции на базе юридических конструкций: права народа – права и обязанности человека и гражданина – права и обязанности государства и его органов – позволило бы обеспечить стройность и непротиворечивость Основного закона, логичность его структуры.

Характерно, что в евразийском понимании «народ» является особой сущностью народного духа, которая состоит из мёртвых, живых и ещё не рождённых, из общего естественного пути народа как общины сквозь историю. Интерпретация данной идеи через призму конституционно-правового измерения позволяет сформулировать существенную для современной науки конституционного права позицию. Одной из генеральных идей конституционно-правового развития страны должен быть именно принцип преемственности. Конституционно-правовая преемственность, как и правовая преемственность в целом, представляет собой органичную связь между прошлым и будущим.

Внесение определённых корректировок в Основной закон государства и создание нового нормативно-правового акта, который в полном объёме регулировал бы права народов и права человека в органическом единстве, является необходимостью на современном этапе.

Заключение. Актуализация евразийской концепции прав народов предоставит возможность снизить степень отдалённости народа от государства, и в то же время повысить роль народа в формировании государственной политики. Расширение прав народов может способствовать повышению ответственности государства перед народом за проводимую им политику. Кроме того, практическая реализация евразийской концепции позволит обеспечить сосуществование прав народов и прав человека в органическом единстве.

Список литературы

1. Права народов и права человека: интервью А. Г. Дугина казахстанской газете «Навигатор» от 2002 г. URL: <http://med.org.ru/article/811> (дата обращения 13.03.2020).
2. Верещагин В. Ю. Евразийская концепция современного российского государства / В. Ю. Верещагин // Философия права. – 2011. – № 1. – С. 1–18

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.04.2014. № 15.

УДК 347.193.4

ИМПЕРСКАЯ ПАРАДИГМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц., *Шершнёва О. С.*, *Якубенко Б. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ira_leshenko@mail.ru, shershneva.o02@gmail.com, borya.yakubenko@mail.ru

Введение. Современное переосмысление однополярной системы мира позволяет обратиться к наследию отечественных мыслителей прошлого, пытавшихся осознать место и роль России в мировом историческом процессе, прежде всего, к евразийству. Евразийские идеи востребованы различными политическими и общественными движениями России и в определенной степени обрели свое воплощение в современной политической практике. Прежде всего, это связано с поиском новых оснований для самоидентификации. Политико-идеологическая концепция евразийства также представляет интерес для разных политических направлений.

Целью исследования является определение имперских начал в Евразийском экономическом союзе, способных ответить на вызовы XXI века и одновременно сохранить историко-культурную самобытность стран-участниц.

Основная часть. Современный мир может гармонично развиваться в своей многогранности и многоцветности, опираясь на испытанные и проверенные опытом традиции, ценности и идеалы. Таким уникальным образцом и примером может быть Византийская империя, которая разительно отличалась от стран средневекового и даже современного развития. Российское государство стало преемницей имперской модели Византии.

Характеризуя понятие империи, немецкий философ начала XIX в. Г. В. Ф. Гегель, определял их как государства, состоявшие «из множества государств, которые хотя и находились в зависимости, но все-таки сохраняли свою индивидуальность, свои обычаи и права. Те всеобщие законы, которым они подчинялись, нисколько не нарушали их особых порядков, но даже защищали и охраняли их, и таким образом у каждого из этих народов, составлявших целое, существовала особая форма государственного устройства» [1, с. 176].

На протяжении XX века понятие империи как политико-правовой категории быстро менялось, эволюционируя под давлением нарастающего сопротивления и становления антиимперских норм государственного суверенитета и национального самоопределения. В современном мире модель классической имперской системы не применима. Как исключение эта идея реализуется в Евразийском экономическом союзе на новых основах.

В Евразийском экономическом союзе проявляются следующие имперские признаки. *Во-первых*, ЕАЭС является русскоцентрической интеграцией, что обусловлено такими объективными причинами, как преобладание над другими государствами по численности населения (80,1 % от населения ЕАЭС), абсолютного ВВП (86 % от ВВП ЕАЭС) и территории (84,5 % от территории ЕАЭС). Кроме того, взаимная торговля в Евразийском экономическом союзе сосредоточена на интересах Российской Федерации, представляющей собой важный и исключительный рынок для партнеров. Фактически члены ЕАЭС осуществляют торговлю в основном с Россией, но не друг с другом. Например, Россия – главный внешнеторговый партнер Беларуси. Она составляет 39,2 % экспорта республики и 59 % ее импорта [3].

Во-вторых, несмотря на отсутствие политической зависимости стран-участниц от Российской Федерации, можно констатировать о зависимости экономической. Например, объём накопленных российских капиталовложений в экономику Армении составляет 40 % всех иностранных инвестиций. Российская Федерация также является основным «трансфертным донором» Армении. Так, за прошедшие 8 месяцев объём частных денежных переводов в Армению составил около 1 млрд. долларов, 85 % которых поступило из Российской Федерации [4].

В-третьих, империи основываются на универсальных нормах и идеях, за счёт которых возможно организовать народы, уже сформированные как самостоятельные единицы с помощью локальных принципов, то есть принципов, выработанных в рамках локальной культуры [5, с. 24]. Такие универсальные нормы и идеи собраны в категорию, которая введена статьей 6 договора о Евразийском экономическом союзе. Это – «право Евразийского экономического союза». Речь идёт о единой евразийской правовой системе, проявляющейся в преобладании евразийского права над внутригосударственным правом стран-участниц [6].

В-четвертых, одной из основных имперских задач является защита культурно-исторического своеобразия. Имперская идея обретает новую жизнь в XXI веке во многом из-за того, что эпоха ставит вопрос о том, как могут сосуществовать разные культуры друг с другом, не теряя при этом своей независимости. Именно в таком свете Евразийский экономический союз как инструмент для сохранения и развития культурных идентичностей каждого из евразийских народов в отдельности может

предложить привлекательную альтернативу европейскому проекту, где преобладают тенденции американизации общества, мультикультурализма, деконструкции национальных государств и национальных культур европейских народов, политика открытых границ. В этом смысле ЕАЭС может официально провозгласить лозунг построения «Евразии наций» как эхо концепции «Европы наций».

Это подтверждает распространение имперской идеи на отношения в праве и экономике, складывающиеся между Российской Федерацией и другими членами Евразийского экономического союза. Признаки империи проявляются в современных политических шагах Российской Федерации, направленных на сближение с государствами-членами ЕАЭС. Но такие шаги являются неизбежными в условиях современного биполярного мира и предназначены в качестве противовеса сформировавшегося западного антироссийского блока. У Российской Федерации, учитывая её географическое месторасположение, нет других вариантов развития, допускающих её абсолютный суверенитет и независимость.

Заключение. Несмотря на территориальное, политическое, экономическое и духовное разделение и разобщение народов России в 90 г. XX, возвращение к исконным историческим традиционным истокам неизбежно. «Если этот процесс не будет остановлен, мир ждут непредсказуемые опасности», – предупреждал президент Киргизской Республики (1990–2005 гг.) А. А. Акаев [7, с. 22]. В настоящее время евразийство воспринимается как новая идеологическая парадигма возрождения России, как модель и образец межнациональных и межцивилизационных отношений в глобальном мире.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения в 14 т. – Т. 8. – М., 1935. – 500 с.
2. Образ будущего ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/obraz-budushchego-eaes/> (дата обращения: 26.09.2020). – Заглавие с экрана.
3. Россия: маховик экономического развития или источник шоков для Армении? [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/24/rossiya-mahovik-ekonomicheskogo-razvitiya-ili-istochnik-shokov-dlya-armenii> (дата обращения: 26.09.2020). – Загл. с экрана.
4. Угрин И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. – М.: ИФ РАН, 2017. – 106 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 26.09.2020). – Загл. с экрана.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 26.09.2020). – Загл. с экрана.
7. Акаев А. А. Общность народов и феномен евразийства. Диалог культур и партнёрство цивилизаций: IX Международные Лихачёвские научные чтения 14-15 мая 2009 г. СПб.: Изд-во СПб ГУП, 2009. – 552 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, *Ищенко Т. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

k.matvienko@donnu.ru, tamerlan16111@yandex.ru

Введение. Политическое и экономическое пространство Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) предоставляет широкие возможности как для экономического, так и для политического развития своих участников. Донецкая Народная Республика (далее – ДНР), имеет государственную границу с крупнейшим членом данной организацией – Российской Федерации и, соответственно – перспективы интеграции в ЕАЭС.

Основная часть. Сегодня в международной практике вопрос непризнанных государств является актуальным вследствие сложных историко-политических и этногеографических процессов. На данный момент существует более ста государств, провозглашенных на территории почти шестидесяти стран, но непризнанных международным сообществом государств, и, Донецкая Народная Республика является одним из таких государств.

Статус ДНР, как непризнанного государства не позволяет вести активную экономическую деятельность, реализовывать межгосударственные проекты в области инвестиций, заключать взаимовыгодные контракты в сфере торговли. Для Донецкой Народной Республики, как государства, являющегося культурно, экономически и политически близким с Российской Федерацией, даже начальная или частичная степень интеграции в Евразийский Экономический Союз дала бы огромный толчок в плане развития экономики и политики. Даже оставаясь непризнанным государством со стороны ООН, ДНР имеет возможности эффективно реализовать себя в новой Евразийской экономической системе.

Эксперты справедливо говорят о том, что, обладая значительным экономическим и научно-техническим потенциалом, государства Евразийского экономического сообщества располагают всеми возможностями для создания полноценной инновационной системы [1, с. 50], которая может объединить ресурсы национальных инновационных систем и придать устойчивый, системный характер инновационному развитию. Что, в свою очередь, будет способствовать эффективному использованию научно-технических разработок и изобретений независимо от места их происхождения.

Для непризнанного государства важное значение имеет территория, на которой оно расположено, его выгодное географическое и политическое положение, число жителей. Также очень весомым фактором представляется помощь союзников – стран, которые являются их географическими соседями и вообще мировых держав [3, с. 159].

Донецкая Народная Республика фактически граничит с Российской Федерацией и зоной Евразийского Экономического Союза, что позволяет Донецкой Народной республике вести хозяйственную деятельность с Российской Федерацией. Также это способствует активному развитию интеграционных процессов между двумя государствами:

Так, 17 марта 2017 года, в Крыму состоялось учредительное заседание Интеграционного комитета «Россия – Донбасс». Основными задачами данного комитета являются обеспечить развитие Донбасса через интеграцию с Россией. Украинские националистические власти изолировали Донбасс, последовательно выдавливая его из своего политического и гуманитарного пространства. Сегодня только путем всеобъемлющей интеграции Донбасса с Российской Федерацией возможно преодолеть последствия украинской военной агрессии и введенных ей экономической, транспортной и иных блокад [4].

В 2018 году произошло расширение географии Интеграционного комитета и регионального состава его участников с привлечением общественности тех регионов, которые уже имеют налаженные интеграционные связи с Донбассом: республик Чувашия, Дагестан, Чеченской, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Волгоградской, Псковской, Пензенской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского АО и других субъектов Российской Федерации [5].

Также благодаря своему стратегическому географическому расположению, Донецкая Народная Республика имеет возможность как получать гуманитарную поддержку, так и осуществлять прямую хозяйственную деятельность.

Кроме того, достигнутые успехи в восстановлении экономики вместе с интеграцией позволят Донецкой Народной Республике вести активную экономическую деятельность, реализовывать межгосударственные проекты с Российской Федерацией, заключать взаимовыгодные контракты в сфере торговли.

Например, предприятия ДНР в первом полугодии 2020 года экспортировали свыше десяти тысяч тонн молочной продукции, а также мясных и колбасных изделий отечественного производства. Об этом заявили в министерстве агропромышленной политики и продовольствия Республики [6].

Также, Донецкий завод холодильной техники «ДонФрост» с начала 2020 года поставил в Российскую Федерацию свыше 92 000

холодильников и морозильников, и планируется увеличить поставки до 165 тысяч. [7].

Заключение. Таким образом, Донецкая Народная Республика продолжает оставаться непризнанным государством, тем не менее имеет большой экономический потенциал. В сложившейся ситуации для реализации своего экономического потенциала в политическом и экономическом пространстве Евразийского Экономического Союза наиболее выгодным вектором развития республики безусловно будет являться дальнейшая интеграция с Российской Федерацией. Благодаря организации Интеграционного комитета «Россия – Донбасс», удалось добиться широкого экономического и политического сотрудничества с более чем 20 субъектами Российской Федерации, включая Крым. Донецкая Народная Республика уже начала реализовывать себя в политическом и экономическом пространстве Евразийского Экономического Союза, пока что в основном только в отношениях с Россией и Крымом, однако сотрудничество с каждым годом приобретает всё более тесный характер. На данный момент уже фактически создано единое экономическое пространство между Донецкой народной Республикой и Российской Федерацией, что в будущем позволит Донбассу стать одним из наиболее экономически развитых регионов в Восточной Европе.

Список литературы

1. Торопыгин А. В. Инновационная система Евразийского экономического сообщества / А. В. Торопыгин. – Текст : электронный // Управленческое консультирование. – 2013. – №10 (58). – С. 50-53. <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-sistema-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobschestva> (дата обращения 05.10.2020). – Режим доступа: научная электронная библиотека КиберЛенинка.
2. Рутко Д. Ф. Горбачев Д. Ф. Развитие инновационной системы в Евразийском экономическом сообществе на основе использования опыта Европейского союза / Рутко Д. Ф., Горбачев Е. В. – Текст: электронный // Экономика и управление. – 2011. – № 2. – С. 101-106. http://media.miu.by/files/store/items/eiup/26/eiu_26_2011_17.pdf дата обращения 05.10.2020).
3. Дробышева Т. В. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства) / Т. В. Дробышева // Международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 154-160. Режим доступа: научная электронная библиотека КиберЛенинка <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-nepriznannyh-gosudarstv-na-primere-nepriznannyh-gosudarstv-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения 05.10.2020). –
4. Интеграционный комитет «Россия – Донбасс»: официальный сайт. – 2020. – URL: <http://russia-donbass.ru/o-nas/> (дата обращения 21.10.2020). – Текст : электронный.
5. Деловой портал DNR LIVE : [сайт]. – 2020. – URL: <http://dnr-live.ru/planyi-integratsionnogo-komiteta-rossiya-donbass-na-2018/> (дата обращения 21.10.2020). – Текст : электронный.
6. Интеграционный комитет "Россия – Донбасс" : [сайт]. – 2020. – URL: <http://russia-donbass.ru/o-nas/> (дата обращения 21.10.2020). – Текст : электронный.

7. Донецкое Агентство Новостей : [сайт]. – 2020. – URL: <https://dan-news.info/russia/doneckij-zavod-v-2020-godu-postavil-v-rossiyu-pochti-100-000-xolodilnikov-i-morozilnikov.html> (дата обращения 21.10.2020). – Текст : электронный.

УДК 327:39(292.4/5)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Медовкина Л. Ю., канд. ист. наук, доц., *Мнухина Р. М.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
medovkina@donnu.ru, rimmavk1@gmail.com

Многообразие евразийской интеграции является естественным отражением сложного национального, исторического и культурного состава евразийского региона. Все соответствующие страны стремятся развивать взаимное сотрудничество и тем самым вносить вклад в региональную интеграцию в Евразии в разной степени. В отличие от Европы, евразийские страны сильно различаются по своей политической культуре и религиозным убеждениям, а разрыв в их экономическом развитии огромен. В этих уникальных условиях чрезвычайно сложно сформировать единый механизм евразийской интеграции. Мировая экономическая мощь становится все более рассредоточенной, и этот процесс сопровождается все большей ролью различных международных экономических ассоциаций государств в регулировании международных экономических отношений. Одним из таких объединений является Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС).

ЕАЭС стал наиболее успешной организацией в достижении евразийской интеграции. Однако членство в ЕАЭС пока ограничено бывшими советскими республиками и требует, чтобы его члены имели определенное политическое прошлое, что ограничивает его потенциал в качестве широкой основы для евразийской интеграции. ЕАЭС расширил сферу своего сотрудничества в основном за счет создания зон свободной торговли с другими странами. Были подписаны соглашения с Вьетнамом, Ираном, Сербией и Сингапуром, а также ведутся переговоры с Египтом, Израилем и Индией о создании зон свободной торговли. Однако страны ЕАЭС очень осторожно относятся к созданию зоны свободной торговли с Китаем, своим крупнейшим торговым партнером [3].

Сама по себе интеграция стран Центральной Азии разумна, но следует признать один факт: Соединенные Штаты намерены использовать интеграцию этих стран, чтобы вбить клин между этой группой и Россией и

Китаем. США не скрывают, что, поощряя интеграцию стран Центральной Азии, они преследуют свои собственные геополитические цели. Объективно это могло бы добавить геополитические элементы в центральноазиатскую интеграцию, что нежелательно. Существует и следующая проблема: при определенных обстоятельствах, если они ограничивают и изолируют друг друга, это также может привести к институциональной фрагментации субрегионов евразийского региона, что ограничивает региональное сотрудничество в целом [2].

Наибольшее влияние на евразийскую интеграцию оказывает связь между Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Если евразийская интеграция может совершить прорыв, это наиболее вероятная точка прорыва. Китай и Россия являются основными странами в соединении ЭПШП-ЕАЭС. Таким образом, в некотором смысле это интеграция между Китаем и Россией, и в значительной степени развитие связи ЭПШП-ЕАЭС также будет представлять собой продвижение евразийской интеграции. Его преимущество в том, что, в отличие от ШОС, у него не так много органов. В ШОС восемь органов, и достичь согласия не только сложно, но и дорого. Проект ЭПШП и ЕАЭС находится между двумя сторонами, и объекты переговоров ясны [3].

Евразийская интеграция должна расширяться, чтобы достигнуть изначально поставленных целей. Одна из возможных сфер сотрудничества – это общественное здравоохранение, предотвращение инфекционных заболеваний и ликвидация последствий стихийных бедствий, болезней растений и борьба с вредителями. Это не быстрое решение, ограниченное вспышкой COVID-19, а необходимость долгосрочного развития. Эти нетрадиционные области безопасности имеют очевидные общие интересы, что делает взаимное сотрудничество относительно легким. Чаще всего эти области воспринимаются как ресурсоемкие, но на самом деле они имеют большое промышленное, научное и технологическое значение и могут принести огромные экономические выгоды. Это также может быть новым подходом к евразийской интеграции [1].

Проанализировав вышесказанное, есть основания полагать, что глобальные производственно-сбытовые цепочки претерпят некоторую реструктуризацию после пандемии. Страны будут уделять больше внимания снижению своей уязвимости, и региональный характер глобальных производственно-сбытовых цепочек будет усилен. Сторонники евразийской интеграции должны воспользоваться этой возможностью для развития более тесных региональных производственно-сбытовых цепочек, которые принесут стабильные экономические и социальные выгоды странам Евразии и станут важной движущей силой региональной интеграции.

Список литературы

1. Мещеряков К. Е., Трещенков Е. Ю. Евразийская интеграция и Россия. – М., 2014. – С. 58-60.
2. Стожко К. П., Рущицкая О. А., Кружкова Т. И. Евразийская интеграция: настоящее и будущее // АБУ. – 2016. – №3 (145). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-nastoyashee-i-budushee> (дата обращения: 14.10.2020).
3. Bordachev T. Eurasian Integration: Is There Any Reason to Worry? // Valdai Club. – 2020. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/eurasian-integration-is-there-any-reason-to-worry/> (дата обращения: 14.10.2020).

УДК 327:335.271[(292.4/5)+(55)]

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ИЛИ ПЕРВАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ВОЙНА: КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ИРАНА

Медовкина Л. Ю., канд. ист. наук, доц., *Пешехонова Д. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
medovkina@donnu.ru, dv.peshekhonova@gmail.com

Став триггером к существенным геополитическим сдвигам, события 2020 года внесли немало изменений в существующую систему международного порядка, наметили новые контуры политической конъюнктуры и кардинально изменили баланс сил в мире. Сегодня под угрозой находятся уже несущие конструкции текущего миропорядка. Меняется система глобального управления и, складывающиеся столетиями стратегические поведенческие подходы государств. В конечном итоге, происходит очередная, но отличающаяся большей скоростью, резкостью, сложностью и трудной прогнозируемостью, историческая трансформация системы международных отношений в целом. И ставки беспрецедентно велики.

Сейчас с уверенностью можно говорить и о подтверждении тезиса об «азиатском XXI в.». Новые позиции Китая, Израиля, Турции, Северной Кореи, события в Ливане, Иране, Киргизии, новые обострения в индийско-китайских отношениях, кризис в Мьянме и многое другое, помимо продолжающихся Палестины, Афганистана, Йемена, Сирии и т.д. Азия становится центральным театром действий всех международных акторов, местом протекания большинства глобальных процессов. И, едва ли не единственной неизменной константой осталось то, что сердцем всех этих перемен, «шахматной доской», где теперь, разве что, ведётся игра не просто за мировое господство, а игра на выживание, по-прежнему выступает Евразия.

Новой вводной геополитической конструкцией здесь, обладающей потенциалом влиять на судьбы всего мира, является сформировавшаяся ось Москва–Пекин–Тегеран. Отчётливо оформившееся в 2020 году тесное взаимодействие этих стран, прошло боевое крещение уже в начале января. Попытка не допустить формирование нового альянса была предпринята США уже 3 января 2020 г. [7] убийством генерала КСИР Касема Сулеймани. Однако это скорее дало новый импульс к скорейшему его становлению.

Ещё в июле стало известно, что ИРИ и КНР находятся на пороге заключения сделки века – секретного широкомасштабного стратегического соглашения, рассчитанного на 25 лет [6] и предполагающего сотрудничество в нефте-газовой, экономической сфере, реализацию крупных инфраструктурных проектов, а также военно-техническое сотрудничество [6]. Помимо беспрецедентной суммы в половину триллиона долларов [1] и реализации более 100 экономических проектов, в соглашении есть открытая военная часть, где речь идёт о совместных учениях, обмене разведывательной информацией, доступе Пекина, и, что интересно, к слову об альянсе, Москвы к иранским авиабазам и объектам двойного назначения в ключевых портах. Кроме того, предполагается связать ПВО Ирана с бригадой ВВС России, которая уже связана с китайской ПВО и разместить одну из российских систем воздушных помех в г. Чабахаре, откуда она будет способна полностью отключить противовоздушную оборону ОАЭ и Саудовской Аравии [9].

Таким образом, даже из имеющихся на сегодня данных, речь идёт о полномасштабном военном сотрудничестве и полном вхождении Ирана в экономическую зону влияния Пекина, об интеграции экономического и военного пространства ИРИ и КНР, с определёнными бенефициями для России.

На сегодняшний день переговорный процесс находится на своей финальной стадии [4]. Очевидно, что формирование такого союза вносит новые коррективы в расстановку сил и на Ближнем Востоке. Теперь Иран открыто будет продвигать интересы Китая в Сирии, Ливане, Палестине и т.д. Такой ход событий приобретает абсолютно неприемлемый для Вашингтона и его союзников уровень, формируется ось противодействия США – Израиль – Турция и, с недавних пор ОАЭ [3].

«Иранский проект», разумеется, будет полностью согласован с ключевым геополитическим проектом КНР «Один пояс – один путь». Новая парадигма Великого шёлкового пути будет продолжать китайско-пакистанский коридор в Иран, в перспективе Афганистан и далее до Средиземного моря. Следует отметить, что у Китая уже есть опыт взаимодействия азиатских государств на таком уровне (династии Тан, Мин с арабским халифатом и империей Тимуридов) [8], а вот для остальных государств, в том числе и для России, это станет большим геополитическим вызовом [1].

Ратифицировав соглашение, Пекин открыто будет нарушать американские санкции. Т.е. по факту, объявит открытую войну Вашингтону, позиционируя себя на международной арене в несколько новом качестве. По факту, мы наблюдаем явную трансформацию присущей Поднебесной стратегии *soft power* на *wolf-warrior*, вошедшую в активную фазу с начала года.

С этой целью КНР создаёт интересную геополитическую конфигурацию из точек своего влияния в Шри-Ланке (порт Хамбантота), Пакистане (порт Гвадар), теперь Иране (порт Джаск) и на Африканском Роге (военно-морская база в Джибути), образовав своеобразный полумесяц китайского влияния на Ближнем Востоке. Но, здесь есть ещё один важный момент, ведь точно также он как Дамоклов меч нависает над ещё одним союзником США в Азии – Индией, и Индийским океаном в целом.

Хотя, Индия и без того попадает под удар заключаемого китайско-иранского союза. Последний, скорее всего, денонсирует ирано-индийское соглашение по строительству порта в Чабахаре, который мог бы связать её с Центральной Азией, Кавказом и прибрежными государствами Персидского залива [5], а также железнодорожной ветки от него в Афганистан, строительством которой теперь, по видимому, займётся Пекин, буквально выкинув Индию из Ирана [1]. По этому и многим другим факторам, она оказывается наиболее вероятным и серьёзным противником Китая в XXI в., чью карту США уже умело разыгрывают. Сдерживающим фактором здесь пока являются исторические индийско-российские отношения, которые сейчас не дают премьер-министру Индии Н. Моди развязать полномасштабную войну с Китаем.

У США же в сложившейся ситуации есть 2 более краткосрочные и эффективные концепции действий.

Во-первых, Пентагон может взять на вооружение неоднократно отработанный сценарий предварительного нефтяного эмбарго, как это было с Японией в 1941 г. или с Саддамом Хусейном в Ираке, и оказания давления на других крупных поставщиков. В результате сильного подрыва экономики, открыто проявят себя проамериканские силы, требующие смены режима. Наличие понимания возможности такого развития событий в Компартии свидетельствуют серьёзные увеличения Китаем в последнее время запасов нефти [1;2].

Вторая же концепция, куда более далекоидущая – так называемая «тюркская стратегия Вашингтона» [1]. Идея создания геополитического проекта «Великого Турана» не нова, но в этом году она заиграла новыми красками. Риторика Р. Эрдогана, позиции США, разворачивающаяся новая «арабская весна» на просторах Евразии и другие процессы придают новые импульсы к созданию по сути «второго исламского государства, пылающего пламенем гражданской войны, но уже на

основе не арабов, а тюркоязычных народов Средней Азии, Западного Китая и Кавказа» [1].

Одним из ярких подтверждений реализации данного проекта выступают начавшиеся в конце сентября события в Карабахе. Азербайджан, устранив Карабах, пробивает себе коридор к Турции. Для Турции это мост в Каспий и к тюркоязычному Узбекистану [10].

Более того, районы Армении и Азербайджана являются одной из веток Шёлкового пути, и дестабилизация этого региона означает дестабилизацию одного из транспортных коридоров, а также блокирует саму идею Кавказа как транспортного канала из Китая в Европу, в том числе через Турцию [10]. И сейчас этому помешать сможет только Иран.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод, что геополитическая обстановка в Евразии накалена до предела. Спорных вопросов, готовых вспыхнуть в любой момент становится всё больше, помимо тех, которые уже взорвались и тех, которые тлеют не одно десятилетие. Рычагов для изменения баланса сил в системе, как и для взрыва самой этой системы в этом регионе более, чем достаточно. И если существующая сейчас тенденция не сбавит обороты, то вероятность начала третьей мировой войны приобретает совсем новое значение. А пока, факторов деэскалации региона или хотя бы каких-то его частей не наблюдается.

Список литературы

1. Вавилов Н. Третья мировая, первая Евразийская: место России в противостоянии Китая и США на Ближнем Востоке // YouTube [Видео]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8yBusLZWtrg>
2. В июне 2020 запасы нефти в Китае могут побить рекорд [Электронный ресурс] // Нефть и капитал – Электрон. журн. – 2020. – 22 июня. – Режим доступа: <https://oilcapital.ru/news/markets/22-06-2020/v-iyune-2020-zapasy-nefti-v-kitae-mogut-robit-rekord>
3. Грязев А. Против общего врага: арабы и евреи пошли на мировую. – 2020. – 15 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/15_a_13252549.shtml
4. Консультации между министрами иностранных дел Ирана и Китая по всеобъемлющему плану стратегического сотрудничества между двумя странами // Pars Today [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i119321>
5. Место порта Чабахар в политике Ирана "Взгляд на Восток" // РИА Иран.Ру [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: https://iran.ru/news/analytics/116131/Mesto_porta_Chabahar_v_politike_Irana_Vzglyad_na_Vostok
6. Сажин В. Иран – Китай: намечается стратегический союз? [Электронный ресурс] / В. Сажин // Международная жизнь. – Электрон. журн. – 2020. – 27 июля. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/27016>
7. Трамп: США убили иранского генерала Касема Сулеймани, чтобы остановить войну // BBC News Русская служба [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-50990821>

8. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / П. Франкопа. – М. : Эксмо, 2015. – 409 с.
9. Чижевский А. Подробности секретного 25-летнего стратегического партнерства между Китаем и Ираном вряд ли обрадуют власти США [Электронный ресурс] / А. Чижевский. – 2020. – 7 июля. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/>
10. Юзик Ю. За кого вступится Иран в карабахском конфликте США [Электронный ресурс] / Ю. Юзик // – 2020. – 30 сентября. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/788200-yuzik-nagornyi-karabah-konflikt-iran>

УДК 327.39(218):323.382

ЕАЭС И «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Морозов Р. Н., канд. ист. наук, доц., *Кулага М. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
rusl.morozow@yandex.ru, maks.kulaga.97@mail.ru

В философской концепции русских евразийцев существует два понятия Евразии. В первую очередь – это «Малая Евразия», территория, которая образовалась после развала СССР и включает в себя большинство стран Восточной Европы, Центральной Азии и Закавказья, которые также объединены единым культурно-историческим прошлым. Данная территория рассматривается как плацдарм для создания устойчивых финансовых и институциональных структур и дальнейшего углубления сотрудничества с другими государствами. Второе понятие – «Большая Евразия», является пространством всего огромного евразийского материка, распространяющегося от Атлантики до Тихого океана, от Северного ледовитого до Индийского океанов [1].

Следует отметить, что в рамках Малой Евразии Россия осуществляет в первую очередь экономический проект – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который призван углубить сотрудничество России со странами Центральной Азии, где находятся выгодные рынки сбыта, а также сформировать унифицированную систему торговли для облегчения таможенных барьеров. В тоже время инициатива Китая «Один пояс – один путь» (ОПОП), направлена прежде всего на регулирование социально-экономического состояния своих западных регионов и распространения своего экономического и политического влияния на соседние государства. В этом контексте, можно говорить о том, что сближение этих структур в

рамках сотрудничества в Большой Евразии не противоречат друг другу, но содержат конфликтный потенциал.

Инвестиционное партнерство, в рамках евразийской интеграции является одним из важнейших элементов сотрудничества международных отношений. В 2018 г. Китай предоставил Внешэкономбанку кредит в размере 10 млрд. долл. на углубление интеграции в ЕАЭС и его развитие [4]. Тем не менее, активное российско-китайское взаимное инвестирование порождает проблему пропорциональности инвестирования в рамках Большой Евразии. Большая часть государств ЕАЭС остаются «за бортом» политической повестки, тогда как основные переговоры ведутся в двустороннем российско-китайском формате. Это порождает отчужденность стран Центральной Азии от России, которая игнорирует их интересы в Малой Евразии и дает более свободный и неконтролируемый доступ китайским товарам.

Значимым фактором углубления евразийской интеграции может служить более интенсивное строительство взаимосвязанных инфраструктур. Например, трансграничного железнодорожного моста между северо-восточным Китаем и Дальним Востоком России с прокладкой крупномасштабных транспортных коридоров «Бинхай-1» и «Бинхай-2» способно оказать огромную помощь в деле сопряжения инициативы «Пояс и путь» с ЕАЭС. При этом, расширение сотрудничества России и Китая в Дальневосточном федеральном округе может значительно увеличить двусторонние объемы торговли двух стран, при этом создав дополнительные возможности для дальнейшей интеграции. Сотрудничество в рамках расширения транспортных коридоров между Монголией и Россией, а также строительство дополнительных железнодорожных пересечений, положительно влияет на евразийскую миграцию, открывая дорогу для более удобного строительства ОПОП в направлении стран Центральной Азии и облегчения движения товаров.

Помимо инфраструктуры и транспортной составляющих, нельзя исключить реализацию широкой инвестиционной целевой программы, направленной на содействие внутреннему социально-экономическому развитию стран-партнеров на Великом шелковом пути, включая практику товарных и иных кредитов. Очевидно, что на проект будут потрачены огромные финансовые ресурсы. При этом не только ближайшие соседи КНР, но и другие страны вне региона могут выступать в качестве стран-партнеров.

К тому же, сама интеграционная основа ЕАЭС еще относительно слаба для того чтобы соревноваться с китайским ОПОП. Необходимо стремиться ее расширять за счет вступления в евразийскую интеграционную структуру соседних евразийских стран, таких как

Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан и Молдавия. Очень важно продолжать работу, направленную на заключение соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС с заинтересованными странами [3]. Формирование четко оформленной и эффективной структуры сотрудничества в рамках ЕАЭС выгодно Китаю. Так как одной из целей ОПОП является формирование нового мирового порядка, или как минимум регионального, то чем более плотно КНР сможет сотрудничать со странами Центральной Азии, тем эффективнее он сможет вести торговлю и распространять свое влияние. В рамках формирующейся новой полицентричной парадигмы целесообразно учесть и оценки перспектив ОПОП со стороны других крупных мировых игроков, особенно тех, чьи интересы затрагиваются непосредственным образом.

При этом, следует учитывать, что существующее сейчас партнерство в рамках ЕАЭС не обеспечивает достаточно глубокого уровня взаимного проникновения экономик среди стран-участников. При этом, так как процесс экономической интеграции осуществлялся не параллельно политическому, а после него, то можно усмотреть прямое отставание инициатив от их реализации. В рамках ОПОП Китай стремится продвигать себя не только как политического лидера, но и экономически значимого субъекта и в рамках этого проекта активно подталкивает вести международные сделки с использованием китайских юаней, а не долларов. Для ЕАЭС этого пункт интеграции является сложным, так как большинство сделок заключаются на долларовой основе и относительно недавно, часть договоренностей начала переходить на расчет рублями. При этом, КНР стремится изменить мнение о себе, как о производителе низкокачественных товаров и для этого перемещает производственные мощности на запад, то есть в страны Центральной Азии, которые не готовы полностью принять все экономические инициативы Пекина [2]. Страны ЕАЭС видят себя равноправными партнерами и не нуждаются в китайском капитале (по крайней мере, в соответствии с их официальной позицией) так, как страны Центральной Азии. Для решения этой проблемы от Китая требуется новый подход к партнерам.

Современное соотношение ЕАЭС и ОПОП показывает, что существует устойчивый реальный интерес к сотрудничеству в области евразийской интеграции. Как главные элементы системы интеграции, Россия и Китай активно взаимодействуют для того чтобы максимально сблизить данные структуры, но сталкиваются с существенными политическими проблемами. Прежде всего двусторонний процесс сильно отдаляет остальных участников Большой Евразии от интеграции, заставляя их принять на себя роль объекта международных отношений в рамках выстраивания новой мировой системы. Кроме того, стремление

Пекина к реструктуризации собственной экономики и перемещение низкокачественного производства на запад заставляет страны ЕАЭС более тщательно обдумывать отдельные экономические инициативы с востока. Также следует отметить соотношение интересов КНР и России неравномерно, из-за чего происходят конфликты политико-экономического характера. Для дальнейшей интеграции необходимо включение в интеграционный процесс большего числа влиятельных международных акторов, а также расширение сети инфраструктуры для более простой коммуникации.

Список литературы

1. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции. I. – РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34501/> (Дата обращения: 12.10.2020).
2. Глазьев С. Ю. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлении Китая и России / С. Ю. Глазьев, В. В. Архипова, А. И. Агеев, М. В. Ершов, Д. А. Митяев, А. А. Нагорный, В. Ван, Я. Ян, Дж. Росс // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3 (29). – С. 13-30.
3. Михайленко А. Н. Перспективные внешние направления развития Евразийского экономического союза / А. Н. Михайленко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – М., 2017. – Вып. 1(36). – С. 122-138.
4. Юнхуэй Л. Большое евразийское партнерство и китайско-российские отношения. / Л. Юнхуэй // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – Т. 23. – № 23. – С. 42-51.

УДК 327.39(218):341.241(510)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ ОДКБ И ШОС

Морозов Р. Н., канд. ист. наук, доц., *Любичев Г. А.*
ГОУ ВПО Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
rusl.morozow@yandex.ru, TheWallkerGleb@gmail.com

Евразийская интеграция, подразумевает ряд определенных проблем и способов их решения, а также целей, которые данный процесс ставит перед собой. Прежде всего, интеграция занимается созданием институтов, которые унифицируют экономическое, политическое, а также социокультурное пространство Евразии. Понятно, что это довольно сложная задача, ведь даже в рамках одного государства бывает нелегко провести такой процесс, не говоря уже о нескольких государствах, или же целом континенте. В этом контексте, речь идет о создании, на

законодательном уровне, «правил игры» по которым согласились бы играть все участники интеграции.

Организация договора коллективной безопасности (далее – ОДКБ) приняла на себя обязательства по наблюдению за террористической активностью на территориях сопредельных участникам договора, что в целом способствует поддержанию мира и стабильности на территории Евразии. Однако, несмотря на это существуют серьезные проблемы в деятельности этого регионального института. Речь идет о том, что сама суть организация преследует определенные цели, которые, к сожалению, не исполняются на должном уровне. Анализируя историю организации, можно заметить, что цели самих участников практически одинаковы – защита от терроризма своей территории и своего народа, но с учетом того, что Россия имеет глобальные перспективы, которые не вяжутся с целями региональных членов ОДКБ. Не исключено, что сейчас эта организация пристально наблюдает за развитием ситуации в Беларуси и Киргизии, а также за течением конфликта между Азербайджаном и Арменией. Возможно, в будущем, если ситуация в этих странах приобретет угрожающий оборот для стран-членов ОДКБ, то сама организация может предпринять действия по нейтрализации любых форм угроз.

Другим воплощением евразийской интеграции является Шанхайская организация сотрудничества, которая является крупнейшим и самым перспективным межгосударственным объединением в Евразии. Предшествовал ей, механизм «Шанхайской пятерки», организации, созданной в 1996 году, несколькими постсоветскими республиками и Китаем для обеспечения финансового взаимодействия и борьбы с исламским фундаментализмом в Центральной Азии.

Кроме того, «пятерку» и Узбекистан беспокоила инициатива США по созданию национальной противоракетной обороны и общее расширение сфер влияния после развала СССР. Реалии неэффективной борьбы с терроризмом, а также стремление Запада разорвать связь между странами Евразии вынуждают ШОС пойти на новые меры. В 2004 году, к хартии международной организации принимается приложение «О статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества». Это расширение хартии подразумевает учреждение статуса наблюдателя за деятельностью организации, который претендует на вступление в ее ряды. В этом же году, к ШОС, в качестве наблюдателей присоединились Индия, Пакистан и Иран.

Анализируя деятельность ШОС с 2000 года, ШОС была привержена идеалам добрососедства, всестороннего сотрудничества и помощи своим партнерам. Кроме того, организация всегда поддерживала инициативу своих членов в разработке мирных планов или договоров по тем или иным конфликтным ситуациям, примером является конфликт на Донбассе, где

при участии правительства России был принят Минский формат урегулирования конфликтной ситуации. Данная инициатива была одобрена Советом глав-государств ШОС в Уфимской декларации совета глав-государств в 2015 году.

Таким образом, можно заключить, что ШОС своей деятельностью, конструктивно влияла на политику всех 8 государств-членов данной организации, занималась разрешением территориальных споров, созданием площадки для урегулирования существующих и предупреждения потенциальных конфликтов. Путем экономических договоренностей, организация взялась за преобразование экономики отстающих центральноазиатских республик, а также интеграцию их в общее торговое пространство ШОС. Интеграционные процессы такого масштаба происходят отнюдь не за несколько лет, в лучшем случае, это займет одно – два десятилетия. Сейчас уже можно рассматривать евразийскую интеграцию с точки зрения взаимодействия наиболее перспективных организаций. Рассматривая объединение в целом, можно определить два основных направления развития, где первая – представляет собой классический вариант многоцентричности, как продолжения идеологием «холодной войны», а вторая – адаптация многополярной системы в сложную концепцию многосторонности партнеров, которая лучше адаптируется под реалии глобализации мир-системы. Отдельно следует подчеркнуть, что система глобализма, которая базируется на экономическом превосходстве Запада – несправедлива, а значит неустойчива. Об этом свидетельствует серьезное намерение и стремление Евразийского континента к интеграции, как возможной альтернативе сложившейся мир-системе.

Список литературы

1. Полетаев В. Договору – 15 лет // Российская газета Федеральный выпуск N4363 от 15 мая 2007 г. – 2007. – URL: rg/2007/05/15/odkb.html (дата обращения: 5.10.2020)
2. Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. – URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=10> (дата обращения: 5.10.2020)
3. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г. // Шанхайская организация сотрудничества. – URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>(дата обращения: 5.10.2020)

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Овинникова Р. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
r.ovinnikova@donnu.ru

Введение. Общие глобализационные процессы оказывают воздействие на такое неотъемлемое явление хозяйственных правоотношений как конкуренция, опосредуя ее трансграничный характер. Обеспечение благоприятных условий формирования и функционирования конкурентной среды является одним из условий достижения Евразийским экономическим союзом (далее по тексту – ЕАЭС), как международной организацией региональной экономической интеграции, своих целей – стабильного развития экономик государств-членов, формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик. В качестве одного из аспектов создания благоприятных условий для воплощения указанных направлений необходимо сотрудничество государств по вопросам выработки и реализации эффективной антимонопольной политики.

Целью исследования является определение особенностей модели антимонопольной политики ЕАЭС, а также ключевых аспектов ее реализации.

Основная часть. В литературе отмечается направленность диверсификации внешнеэкономических связей на преодоление финансовой и технологической зависимости, в том числе путем расширения и укрепления Евразийского экономического пространства [1, с. 102]. Важность единой политики в сфере антимонопольного регулирования, охраны и защиты конкуренции опосредована тем, что при помощи соответствующих правовых и институциональных средств возможным является повышение конкурентоспособности предприятий, эффективности их деятельности и, как следствие, улучшение уровня жизни населения государств-членов ЕАЭС. В соответствии с положениями Основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС на 2020-2021 годы – обеспечение добросовестной конкуренции и ее защита – одно из условий поддержания стабильного спроса, расширения экспортных возможностей и активизации взаимной торговли [2].

Антимонопольное регулирование в рамках ЕАЭС характеризуется двухуровневостью реализации – непосредственно на уровне ЕАЭС, а также на национальном уровне государств-членов. Кроме того,

конвенционное конкурентное право рассматриваемого международного объединения предполагает применение единой политики, а также скоординированной и согласованной – в зависимости от характера рынка и национальной принадлежности хозяйствующего субъекта.

В настоящее время сформирован и применяется пул нормативных актов по охране и защите конкуренции в ЕАЭС. По нашему мнению, целесообразным является упоминание некоторых из них – это, в частности, раздел XVIII и Приложение №19 Договора о ЕАЭС; отдельные методики (оценки состояния конкуренции; определения монопольно высокой (низкой) цен; расчета и порядка наложения штрафов); Порядок рассмотрения заявлений (материалов) о нарушении правил конкуренции.

Кроме того, необходимо упомянуть и утвержденный модельный закон о конкуренции, которым закреплены лучшие нормы антимонопольного законодательства России, Белоруссии и Казахстана (по рейтингу Global Competition Review [3, с. 249]). Так, следует согласиться с мнением, обоснованным в научной литературе, о важности типовых законодательных актов в сфере развития конкуренции и их внедрения в национальные системы права [4, с. 17].

Конвенционным органом по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия (далее по тексту – ЕЭК), полномочия которой возникают в случае, если деяние оказывает или же может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничном рынке – на территории двух и более государств-членов ЕАЭС. В государствах-членах ЕАЭС осуществляют предусмотренную внутригосударственным законодательством деятельность специально уполномоченные органы в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования.

В литературе отмечается целесообразность разработки Концепции развития конкурентной политики на территории государств-членов ЕАЭС, с целью совершенствования специального законодательства государств-членов, а также проработки государствами совместно с ЕЭК поэтапного снижения и обнуления роуминга в странах ЕАЭС (по аналогии с Европейским союзом) [5, с. 332]. Имеют место и иные инициативы, направленные на совершенствование регулирования конкуренции в рамках ЕАЭС [6, с. 8]: нормотворческого, процедурно-процессуального, юридико-технического характера.

Заключение. Таким образом, антимонопольная политика ЕАЭС представляет собой двухуровневую систему, объединяющую комплекс административных, экономических, методических, нормативных средств обеспечения функционирования конкурентоспособного трансграничного рынка, противодействия и ограничения власти монополий. Среди ключевых аспектов реализации антимонопольной политики ЕАЭС

целесообразно выделить нормативный (реализуемый посредством разработки, принятия и реализации нормативных актов как конвенционного, так и внутригосударственного уровня, обеспечение их согласованности и соответствия); научно-методический (включающий разработку и обоснование специальных методик, направленных на выработку критериев оценки, соответствия, на создание конкурентной среды и противодействие монополиям); институциональный (реализуемый в создании и деятельности специально уполномоченных, контрольных органов за соблюдением конкуренции; органов, осуществляющих деятельность по противодействию монополиям, пресечению соответствующих противоправных деяний); процессуальный (предполагающий процедурно-процессуальную деятельность специально уполномоченных органов и судебных инстанций).

Список литературы

1. Тимаков В. В. Русская программа. Формула и цель нашей цивилизации / В. В. Тимаков, А. Б. Рудаков. – Тула: Аквариус, 2015. – 160 с.
2. Международный документ. Решения Высшего Евразийского экономического совета. Об основных ориентирах макроэкономики государств-членов Евразийского экономического союза на 2020-2021 годы: Решение Высшего Евразийского совета от 19 мая 2020 г. №6 / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/202020-2021.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
3. Петров Э. Ю. Антимонопольная политика Европейского союза и Евразийского экономического союза: взгляд изнутри / Э.Ю. Петров, Е.С. Гринберг // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №6. – С. 244- 251.
4. Панина Е. В. Социально-экономические и законодательные аспекты развития Евразийского экономического союза / Е. В. Панина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – №12. – с. 15-20.
5. Чистякова Е. А. Проблема конкуренции и антимонопольного регулирования в Евразийском экономическом союзе / Е. А. Чистякова // Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества российских и зарубежных вузов [сборник трудов конференции]. – Королев, 2015. – Издательство: Алькор Паблшерс: Технологический университет. – С. 330-333.
6. Антимонопольное регулирование в рамках Евразийского экономического союза («ЕАЭС»): брошюра / АЛРУД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alrud.ru/upload/Файлы/Брошюры_RUS/Антимонопольное_регулирование_в_ЕАЭС.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЕАЭС

Овинникова Р. В., Левицкая Т. А., Яременко Д. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
r.ovinnikova@donnu.ru, deoles.yaremenko@mail.ru, levona30@mail.ru

Введение. Конец XX и начало XXI веков проходят под эгидой технологического, информационного и цифрового прогресса, стремящегося перевести под свое влияния все сферы деятельности человека. На данном этапе своего развития человеческое общество активно осваивает IT-технологии, что позволяет в большей степени развить возможность индивида в отношениях с Миром.

Основная часть. Наиболее открытой сферой человеческой деятельности является экономика, вектор движения которой ориентирован на прибыли, а, следовательно, каждая возможность, которая может облегчить данный процесс активно развивается и используется. Одним из основных результатов внедрения IT-технологий в экономику является формирование нового термина «цифровизация», охватывающая за время своего становления все сферы деятельности человека. Особую значимость, по нашему мнению, цифровизация приобрела в государственном управлении, поскольку именно здесь использование IT-технологий способствуют реализации прав всех слоев населения, упрощению процедур взаимодействия граждан с государственными органами и структурами, а также непосредственно государственных органов друг с другом. Таким образом, не смотря на то, что цифровизация находится в процессе своего формирования, она способна оказывать положительное влияние на отношения типа «человек-государство».

Исходя из возможностей современных технологий можно говорить о потенциальном переходе деятельности государства в цифровую сферу. Причем, стоит заметить, что во многих странах внутренняя политика на протяжении длительного времени нацелена на внедрение цифровой реальности в повседневную жизнь общества. Наиболее развитыми в данной сфере принято считать Эстонию, Швецию, Австралию и Исландию, в каждом из приведенных государств существует свой подход, система внедрения передовых технологий в отношения между гражданами и государством. Примером таких отношений может выступать портал The Dialogue – для обращения граждан в Швеции, или применения краудсорсинга в Исландии, когда при проведении выборов был использован данный метод [1].

В случае с внутригосударственными отношениями достаточно просто разобраться, но возможно ли рассматривать цифровизации как

новый способ взаимодействия между государствами. Отношения, складывающиеся между государствами всегда носят многогранный характер, то есть складываются одновременно по нескольким направлениям деятельности. В качестве примера возможно рассмотреть деятельность Евразийского экономического союза, который является на данном этапе своего развития одним из наиболее перспективных проектов межгосударственного сотрудничества.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) рассматривает переход к цифровой экономике как ключевую движущую силу экономического роста. основополагающим документом, принятым ЕАЭС для перехода экономики на цифровой уровень в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов, отражен в Заявлении о цифровой повестке ЕАЭС (подписано главами государств-членов ЕАЭС 26 декабря 2016 г.) [2].

В 2016 году ЕАЭС приступил к выработке предложений по формированию цифрового пространства, в обеспечение которого были определены следующие приоритеты: развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС и гармонизация законодательства государств-членов; формирование единого цифрового пространства для увеличения взаимного товарооборота с внедрением электронной торговли; расширение практики использования ИКТ для повышения эффективности трансграничного взаимодействия между органами государственной власти, хозяйствующими субъектами и физическими лицами; разработка и реализация совместных проектов и программ, направленных на цифровую трансформацию экономик стран Союза.

Анализируя процесс реализации повестки странами-участницами ЕАЭС, следует отметить, что на национальных уровнях идет активная разработка программ, направленных на оцифровывание экономических, правовых процессов (например, программа «Цифровой Казахстан», «Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 года»). Российская Федерация в сравнении с другими странами-участницами Союза имеет наиболее многогранный спектр проектов, направленных на внедрение цифровых технологий во внутригосударственное управление. Так, в целях реализации указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[3]; в рамках реализации национальной цели «Цифровая трансформация» Правительством Российской Федерации было подписано постановление «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в

деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» [4] и проч.

Странами-участницами ЕАЭС активно ведется работа над созданием законодательной платформы для развития всего спектра правоотношений в условиях цифровой реальности: Закон Республики Армения «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», в Киргизии действуют законы об управлении электронной подписи, а также поправки к законам о личной информации и государственных и муниципальных услугах. Республика Беларусь, как одна из активных участниц ЕАЭС в сфере новаторского правотворчества, активно пополняет внутригосударственное законодательство нормативно-правовыми актами, регулирующими внедрение и использование цифровых технологий. Так базисными нормативными правовыми актами в данной сфере являются: Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»[6]; Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики»[7] и проч. Республика Казахстан, определяя основные цели развития цифровизации своего государства, выстраивает правовую систему путем принятия и внесения изменений в законы: «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [8]; «О персональных данных и их защите»[9]; «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий»[10].

Вместе с тем, не смотря на то, что действующее законодательство стран-участниц имеет положительную динамику в укреплении правовой основы для цифрового развития, оно по-прежнему характеризуется фрагментарностью и на практике не применяется должным образом [5]; остаются нерешенными многие фундаментальные проблемы (например, дефиниций).

Так, в частности, в РФ сделана попытка определения понятия «цифровые права» и включение их в объект гражданского права; был принят Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Если проследить указанные в названии закона изменения, можно заметить, что они касаются инвестиционной сферы и финансовой деятельности. К примеру, операторы инвестиционной платформы теперь признаются некредитными финансовыми лицами, их деятельность может являться источником кредитной истории, они являются субъектами, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом.

Заключение. Рассматривая вопрос внедрения IT-технологий в процесс взаимодействия между государствами, особое внимание, по нашему мнению, необходимо уделить постановке приоритетов их развития,

а именно вопросам, касающимся цифровых возможностей реализации прав государств на внешнеполитическом уровне, что особенно актуально в условиях новых мировых угроз. Таким образом, цифровизация – это тот важнейший фактор, влияние которого может вывести на новый уровень внешнеполитические взаимоотношения государств.

Список литературы

1. Лебедева Т. Н. Краудсорсинг: сущность, виды, ключевые составляющие для современной компании [Электронный ресурс] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – №5 (31). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudsorsing-suschnost-vidy-klyucheveye-sostavlyayuschiedlya-sovremennoy-kompanii> (Дата обращения: 22.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Цифровая повестка Евразийского экономического союза: перспективы и рекомендации: Обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/act/dmi/SiteAssets/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%92%D0%91.pdf>. – Дата обращения: 22.10.2020. – Загл. с экрана.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г № 204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>. – Дата обращения: 22.10.2020. – Загл. с экрана.
4. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 г. № 1646 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74649576/>. – Дата обращения: 22.10.2020. – Загл. с экрана.
5. Андреев В. К., Андреева Л. В. Внедрение цифровых технологий в экономику государств-членов ЕАЭС / В. К. Андреев, Л. В. Андреева [Электронный ресурс] // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2018. – №2 (15). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovyyh>. – Дата обращения: 22.10.2020. – Загл. с экрана.
6. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З, ред. от 08.11.2018 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document>. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.
7. О развитии цифровой экономики: декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017. – № 8. – [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.
8. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: закон Республики Казахстан от 07.01.2003 года № 370-III, ред. от 25.06.2020 [Электронный ресурс] / СПС Закон. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1035484. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.
9. О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21.05.2013 № 94-V, ред. от 03.07.2020 [Электронный ресурс] / СПС Закон. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31396226. – Дата обращения: 20.10.2020. – Загл. с экрана.

10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий: закон Республики Казахстан от 25.06. 2020 года № 347-VI. [Электронный ресурс] / СПС Закон. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34230083. – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с экрана.

УДК 615.849

ЗАЩИТА НЕКОМБАТАНТОВ В РЕАЛИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, *Бондаренко Д. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.polyakov@donnu.ru, bovi0514@gmail.com

Введение. Научно-технический прогресс обуславливает появление новых групп общественных отношений, требующих своевременной и эффективной правовой регламентации. При этом, следует отметить, что для международного права в целом характерно опережение в развитии указанных отношений по сравнению с их нормативным регулированием. В контексте предмета международного гуманитарного права подобное опережение не позволяет обеспечить эффективную защиту лиц, не входящих в состав вооружённых сил (некомбатантов).

Целью данного исследования является изучение особенностей гибридных войн, а также разработка предложений по защите некомбатантов в условиях ведения гибридной войны.

Основная часть. Основной целью международного гуманитарного права является ограничение средств и методов ведения войны, которые могут использоваться сторонами в конфликте, и обеспечение защиты лицам, которые не принимают или более не принимают непосредственного участия в военных действиях, и гуманного обращения с ними [1, с. 19].

В Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны существует деление на вооруженные конфликты международного и немеждународного характера: «В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон...; Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами...» [2].

В каждом из этих конфликтов международное гуманитарное право защищает некомбатантов тем, что связывает воюющие стороны принципом «талиона»: каждая из сторон воздержится от использования

запрещенных методов ведения войны, чтобы против неё не использовали эти же методы.

Международный вооруженный конфликт с объявлением войны дает большую защиту некомбатантам, по сравнению с немеждународным, так как есть возможность определить начало боевых действий и эвакуировать гражданских из мест ведения активных боевых действий.

Однако, на сегодняшний день остается открытым вопрос защиты некомбатантов во время ведения «гибридной войны», которая не имеет детерминированного начала, окончания и методов ведения.

М. Хардт, А. Негри [3], М. Калдор [4], К. Шмитт [5] называют причины появления такого явления как гибридная война – общество, разочаровавшееся в утопических идеях, утратившее конвенциональность и обесценившее базовые принципы международного права, но сохранившее ядерное оружие, породило такой вид борьбы, как тотальную гибридную войну, осмысление и противодействие которой является одной из главных задач как военной теории, так и социально-гуманитарного знания [6].

В каждом отдельном случае гибридная война проявляется по-разному. По мнению Е. Н. Грачикова, гибридная война выражается в трех особенностях.

Первая особенность заключается в том, что вооруженные конфликты сегодня в большинстве случаев происходят либо внутри государства, либо опосредованно – на территории экономически отсталых, неядерных государств при поддержке сильных государств. Вторая особенность гибридных войн – это формирование экономических, политических и культурных союзов с целью ослабления выбранного государства, что не противоречит принципам международного права. Третья особенность – оккупация спорных территорий, саботирование международных конференций, направленных на консенсуальное решение территориального кризиса, что затрудняет применения норм международного права [7].

По мнению Л. Светничка, политические процессы государства также являются частью гибридной войны. Политическое воздействие может проявляться следующими способами:

1) деморализация общества и сталкивание радикальных политических групп между собой;

2) дестабилизация современных институтов, направленная на ослабление экономической и правовой систем;

3) интервенция в моменты кризиса, когда появляется запрос на нового лидера или политическую ориентацию, что постепенно может вылиться в гражданскую войну или в «интернациональную помощь» от другого государства [8].

Все рассмотренные ранее способы ведения войны подпадают под юрисдикцию внутригосударственного права, а не международного гуманитарного права.

Таким образом, для защиты некомбатантов от негативного влияния гибридной войны необходимы эффективные внутригосударственные институты, конкурентоспособная экономика и добросовестная политическая среда. Также таргетированные санкции мирового сообщества против физических и юридических лиц, призывающих к ведению или спонсирующих ведение гибридной войны должны быть расширены, т. к. именно эти средства могут защитить граждан-некомбатантов виновного государства от коллективной ответственности за деятельность своего правительства. Таргетированные санкции отличаются от всеобъемлющих большей гибкостью применения. Всеобъемлющие санкции трудно откорректировать при изменении политической ситуации, поскольку они подразумевают полный разрыв международных отношений с определенной страной. Таргетированные санкции, наоборот, адаптивны к изменениям поведения объекта, так как могут быть усилены либо ослаблены в нужный момент, что подходит для особенностей ведения гибридной войны.

Заключение. Анализ научной литературы по исследуемому вопросу позволяет утверждать, что методы ведения гибридной войны подпадают под юрисдикцию внутригосударственного права, а значит выходят за рамки международного гуманитарного права. С целью защиты некомбатантов от влияния гибридной войны предлагается расширение таргетированных санкций и смещение приоритетов государственного развития на внутригосударственные институты и экономику.

Список литературы

1. Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс: Справочное издание / Э. Кустер. – 2017. – 420 с.
2. О защите гражданского населения во время войны: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
3. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Культурная революция. – 2006. – 508 с.
4. Kaldor, M. *New and Old Wars: Organized violence in a global era*. Cambridge: Polity. – 2012. – 268 с.
5. Шмитт К. Теория партизана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).
6. Сидоренко И.Н. Тотальная война: феномен XXI века // Труды БГТУ. – Серия 6: История, философия. – 2016. – № 5. – С. 120-124.
7. Головнев В.В. Актуальные вопросы применения международного гуманитарного права в конфликтах немеждународного характера // ДонНУ. – Право и правосознание в период вооруженных конфликтах. – 2018. – № 2-1. – С. 22-23.
8. Светничка Л. Гибридные войны нам давно известны, но все равно мы должны их распознавать и описывать / Л. Светничка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150729/229332697.html> (дата обращения: 30.09.2020).

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС

Степанова Ю. С., Слайковский Е. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julias.stepanova@yandex.ru, slaykovskiy99@inbox.ru

Введение. По состоянию на сегодняшний день институт независимой экспертизы нормативных правовых актов получил своё признание на территории всего пространства государств-участников Евразийского экономического союза (далее по тексту – ЕАЭС). Доктринальная и правоприменительная разработка механизма вовлечения и взаимодействия институтов частного сектора с публичным способствовали созданию условий для разрешения актуальных вопросов качества, эффективности, совершенствования точности и единства подходов государственного и международного регионального нормотворческого процесса, а также участия институтов гражданского общества в правотворческой деятельности.

Основная часть. Основополагающим правовым базисом экспертного анализа законодательства государств евразийского пространства на сегодняшний день выступает Конвенция против коррупции от 31 октября 2003 года. В соответствии со статьёй 13 Конвенции, среди основных мер по противодействию коррупции, указана обязанность государства обеспечить участие в антикоррупционной политике отдельных лиц и групп, не составляющих публичный сектор, то есть, институты гражданского общества и неправительственные организации [1].

Тем не менее, будучи одним из первых государств евразийского пространства, ранее институт независимой экспертизы нормативно-правовых актов внедрён Республикой Казахстан, где в 1998 г. Постановлением Правительства от 30.05.2002 г. №598 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» была учреждена независимая научная экспертиза [2; с. 68]. В соответствии с п. 1 ст. 23 Закона Республики Казахстан «О нормативных правовых актах» научную экспертизу осуществляют привлекаемые аккредитованные учёные и специалисты, а также организации, представленные научными учреждениями и высшими учебными заведениями по направленности исследуемых вопросов в отношении проектов нормативных документов [2; с. 69].

Согласно статье 31 Конституционного Закона Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 г. №21-IVKQ «О нормативных правовых актах» независимая научная экспертиза проектов нормативных актов

проводится с целью обеспечение высокого качества, обоснованности, законности и актуальности разрабатываемых проектов, создания научно обоснованной системы принимаемых нормативных правовых актов [3].

Закон Киргизской Республики от 8 августа 2012 г. № 153 «О противодействии коррупции» в качестве предмета антикоррупционной экспертизы предусматривает нормативные правовые акты и их проекты. Согласно ч.3, ч.4 статьи 20 указанного Закона, антикоррупционная экспертиза определяется как независимая научная экспертиза. Законодательство выделяет три категории субъектов экспертизы: парламент, организации гражданского общества и независимые аккредитованные эксперты, в том числе иностранные независимые специалисты, международные организации [4].

В свою очередь, закон Республики Армения от 21 марта 2018 года №НО-180-Н «О нормативных правовых актах» исключает возможность вынесения на независимую экспертизу проектов нормативных актов, однако допускает определённую альтернативу – направление на оценку коррупциогенности проекта подзаконного акта двум и более не зависящим друг от друга экспертам, которые не имеют заинтересованность в его принятии [5, с. 140].

Закон Республики Беларусь от 17 июня 2018 года №130-З «О нормативных правовых актах» в положениях ст.ст. 47-49 закрепил огосударствление юридической экспертной оценки проектов нормативных правовых актов, которая является обязательной процедурой. Притом, часть полномочий экспертной оценки делегирована научному государственному учреждению «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» [6].

В Российской Федерации (далее по тексту – РФ), независимая экспертиза проектов нормативных правовых актов, при отсутствии единого законодательного акта о нормативных правовых актах, имеет наиболее детальную регламентацию среди государств евразийского пространства, и подразумевает многоуровневую федеральную систему, а также в качестве элемента правотворческих процессов местного самоуправления, и находит своё отражение в Федеральном Законе РФ от 17.07.2009 года №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Следует отметить, что возможность институтов гражданского общества и аккредитованных граждан РФ принимать участие в проведении независимой антикоррупционной экспертизы закреплено в ст. 5 данного закона [7]. Так, за 2015 г. органами прокуратуры проведена антикоррупционная экспертиза около пятисот тысяч нормативных правовых актов (далее по тексту – НПА), из них 28500 содержали коррупциогенные факторы. В 2016 году количество достигло уже около одного миллиона проверенных НПА, среди которых 5 % не

соответствовали федеральному антикоррупционному законодательству [8]. Значительное увеличение нормативных правовых актов, прошедших антикоррупционную экспертизу, обусловлено тем, что в течение 2016 года независимая экспертиза была введена на территории всех субъектов РФ.

Мониторинговая тенденция нашла своё отражение в Указе Президента РФ от 29.06.2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 гг.», в части усиления совместного мониторинга Министерством юстиции, Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности и Генеральной прокуратурой РФ деятельности некоммерческих организаций (в том числе, аккредитованных на проведение независимой антикоррупционной экспертизы) [9]. Так, на период 2019 года – первого квартала 2020 года Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Союзом «Рязанская торгово-промышленная палата» и пятью аккредитованными экспертами проведено 5 заключений независимой антикоррупционной экспертизы в отношении 7 постановлений Правительства Рязанской области по вопросам регионального государственного контроля [10].

Заключение. В заключение, отметим, что проведенное исследование межгосударственных доктрин позволяет в сравнительной ретроспективе проанализировать опыт становления института независимой экспертизы проектов нормативных актов в правовом пространстве ЕАЭС.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / СПР «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
2. Воказе К. К. Юридическая экспертиза в законотворческом процессе: проблемы и перспективы совершенствования / К. К. Воказе // Право и государство. – 2014. – № 1. – С. 67-69.
3. О нормативных правовых актах: закон Республики Азербайджан от 21 декабря 2010 года №21-IVKQ (ред. от 03.05.2019) [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=33085. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
4. О противодействии коррупции: закон Киргизской Республики от 8 августа 2012 г. № 153 (ред. от 18.03.2017) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства юстиции Киргизской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/203753/40>. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
5. Цирин А. М. Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / А. М. Цирин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №. 4 (71). – С. 138-145.

6. О нормативных правовых актах: закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З, принят Палатой представителей 27 июня 2018 года [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ, принят Государственной Думой Российской Федерации 3 июля 2009 года (ред. от 11.10.2018) [Электронный ресурс] / СПР «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
8. Антикоррупционная экспертиза правовых актов в порядке надзора [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/>. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.
9. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы: указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 №378 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43253/page/1> (дата обращения: 15.11.2019). – Загл. с экрана.
10. Информация о результатах антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов, выявленных коррупциогенных факторах за 2019 год – первый квартал 2020 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/node/439511>. – Дата обращения: 31.11.2019. – Загл. с экрана.

УДК 342.951

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., *Вугерничек В. Ю.*
ГООУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
osyn@inbox.ru, vugernichek@list.ru

Введение. Система здравоохранения, являющаяся фактором устойчивого и стабильного роста благосостояния населения, представляет собой один из основных приоритетов в Республике Казахстан. Ключевым элементом устойчивого развития Казахстана, является обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех граждан в любом возрасте.

Основная часть. В Казахстане обязательное социальное медицинское страхование (далее – ОСМС) внедрено с 01 января 2020 года. Оно представляет собой правовые, экономические и организационные

мероприятия по оказанию медицинской помощи для потребителей медицинских услуг за счет средств фонда социального медицинского страхования. По ОСМС работодатели и индивидуальные предприниматели отчисляют взносы в фонд медицинского страхования.

Система ОСМС предусматривает, что граждане вправе самостоятельно выбирать медицинское учреждение, также они могут совершать высокотехнологичные операции и получать пакет медицинских услуг, сумма которых не ограничена и не зависит от размера оплачиваемого взноса.

Право на получение медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования имеют лица, выплачивающие им отчисления и (или) взносы в фонд, а также лица, освобожденные от уплаты взносов в фонд в соответствии с пунктом 7 статьи 28 Закона Республики Казахстан «Об обязательном социальном медицинском страховании» [3].

Внедрение системы обязательного медицинского страхования в сфере здравоохранения Донецкой Народной Республики повысит доступность консультативно-диагностической помощи и восстановит лекарственное обеспечение в амбулаторных условиях. Вы заметите повышение качества предоставляемых медицинских услуг, а также снижение стоимости платных медицинских услуг. Медицинские работники также почувствуют положительные стороны медицинского страхования, а именно, снизится нагрузка на уровне первичной медико-санитарной помощи, будет четко определен объем оказываемой медицинской помощи, появится возможность повысить уровень заработной платы.

Однако на данный момент в Донецкой Народной Республике нет экономической основы для внедрения медицинского страхования, так как отрасль бездействует и отсутствует соответствующее экономическое наполнение социальной сферы.

В Республике Казахстан осуществлен переход на справочное ценообразование. На законодательном уровне реформировано государственное регулирование цен на лекарства. В целях повышения доступности и качества лекарств изменен порядок приобретения лекарств, то есть они сделаны доступными онлайн для всего населения. В результате этих событий заключено 49 долгосрочных контрактов с 30 отечественными производителями более 1500 наименований лекарственных средств и изделий медицинского назначения. Это позволило увеличить объемы закупок и сэкономить на дорогостоящей логистике.

В целях рационального использования лекарственных средств Казахский национальный формуляр поддерживается и разработан с участием казахстанских и международных экспертов и содержит лекарственные средства с доказанной клинической эффективностью [4].

Благодаря внедрению оцифровки в Республике Казахстан внедрено безбумажное ведение медицинских карт, сформированы электронные паспорта здоровья жителей страны, а также централизованные записи, которые необходимы для обмена данными о предоставляемой медицинской помощи. Благодаря развитию информационных систем объем автоматизированных государственных услуг был расширен, что значительно сократило бумажную работу в медицинских учреждениях и повысило качество информации о медицинских и фармацевтических услугах.

Социально-экономический эффект проделанной работы определяется на основе следующих показателей:

- количество посещений клиники сократилось в два раза;
- живые очереди сокращены вдвое;
- экономия времени на 50%;
- Время получения результатов поиска сокращено в 2,5 раза [1].

Таким образом, здоровая экосистема строится на интересах пациента и делится на 4 направления:

- а) оздоровление и профилактика заболеваний;
- б) раннее выявление заболеваний;
- в) оказание медицинской помощи;
- г) лечение хронических заболеваний и реабилитация

Основным фактором обеспечения здоровья является здоровый образ жизни и возможность получить достоверную и полезную информацию: как укрепить и сохранить здоровье, как получить качественные медицинские услуги.

Ключевым фактором обеспечения здоровья является здоровый образ жизни и возможность получить достоверную и полезную информацию: как укрепить и сохранить здоровье, как получить качественные медицинские услуги [2].

Внедрение системы цифровизации в Донецкой Народной Республике позволит достичь высоких результатов в оптимизации работы системы здравоохранения. Цифровизация позволит сэкономить значительные средства республиканского бюджета в связи с отсутствием необходимости в закупке бумаги для медицинской бумажной документации, также будут значительно сокращены затраты на закупку расходных материалов для медицинских изображений (флюорография, рентген, маммография и т. д.).

Предполагаемым положительным эффектом внедрения цифровизации также будет уменьшение количества визитов в поликлиники и уменьшение количества живых очередей. За счет предварительной записи через электронные сервисы время нахождения пациентов в поликлинике снизится на 50 %. Благодаря внедрению электронных сервисов сократится время получения результатов лабораторных исследований.

Заключение. Таким образом, внедрение в систему здравоохранения Донецкой Народной Республики системы общеобязательного

медицинского страхования, а также цифровизации позволит значительно улучшить уровень оказываемых медицинских услуг, а впоследствии значительно сэкономить средства государственного бюджета.

Список литературы

1. Электронное правительство Республики Казахстан <https://egov.kz/cms/ru/healthcare>
2. Жарко В. И. Основные шаги по внедрению национальных счетов здравоохранения в Республике Беларусь // Вопросы организации и информатизации здравоохранения: 2018. – Вып. 4. – С: 4–13
3. Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 405-V «Об обязательном социальном медицинском страховании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.)
4. Малахова И. В. Совершенствование взаимодействия ведомственной медицины и системы здравоохранения в Республике Беларусь / И. В. Малахова, И. И. Новик, Т. Ф. Мигаль // Вопросы организации и информатизации здравоохранения: 2016. – Вып. 1. – С. 20–26.

УДК 343.01

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Егурнов А. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
n.timowenko@gmail.com, niychel@mail.ru

Введение. С подписанием Декларации о евразийской экономической интеграции [1] возникла основополагающее направление формирования интеграционного образования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Вместе с тем не стоит ограничивать понятие «евразийская интеграция» одним лишь ЕАЭС. В данной ситуации Союз является одним из основных компонентов, под которым стоит понимать систему интеграционных процессов в рамках постсоветского пространства, а также участие иных государств за такими пределами [2]. При этом зачастую, организации, которые являются частью такой интеграции (СНГ, ОДКБ и т.д.) обладают куда более широкой компетенцией не ограниченной вопросами экономического характера.

Цель данного исследования заключается в обосновании пересмотра вопросов сотрудничества между членами ЕАЭС в сфере трансграничного передвижения лиц и борьбы с трансграничной преступностью.

Основная часть. В рамках данного исследования под сотрудничеством в сфере трансграничного передвижения лиц и трансграничной преступности мы понимаем создание между государствами-членами определенного, общего, пространства в рамках которого возможно беспрепятственно осуществлять контроль за лицами, осуществляющими перемещение через государственную границу государств-членов ЕАЭС, а также во взаимосвязи различных государственных органов в процессе осуществления своей компетенции.

При этом сотрудничество должно включать в себя определенные механизмы, способствующие обеспечению беспрепятственного пересечения лицами внутренних границ участвующих государств, а также по реализации эффективного взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с трансграничной преступностью. По нашему мнению, данные механизмы взаимосвязаны, ведь реализация беспрепятственного передвижения лиц невозможна без определённого уровня межгосударственного сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС.

Такое пространство может базироваться на принципах пространства свободы, безопасности и правосудия реализованного в Европейском Союзе. Однако не стоит забывать, что сотрудничество в рамках ЕАЭС должно иметь собственные, основополагающие принципы, поскольку ЕС создаваясь исключительно как экономическая организация, в рамках которой, не делегируются полномочия в области борьбы с преступностью и трансграничного передвижения лиц [3].

Также стоит упомянуть, что вместе с развитием экономической интеграции, вплоть до создания ЕАЭС, вопросы трансграничного передвижения лиц и трансграничной преступности уже поднимались на уровне ЕврАзЭС. Так, 9 декабря 2010 г. Межгосударственный совет ЕврАзЭС принял решение № 70 «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза»[4], по которому уполномоченные комиссии Таможенного союза совместно с компетентными органами государства изучают возможности унификации паспортно-визового контроля и его постепенной отмены на общих государственных границах. Данный акт имел сугубо процедурный характер и не привел к созданию каких-либо конкретных правил.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день сама идея создания на просторах ЕАЭС свободы трансграничного передвижения лиц находится лишь на стадии обсуждения.

Однако на постсоветском пространстве уже существует пример стабильного сотрудничества в сфере перемещение лиц через государственную границу. Так, в рамках союзного государства России и Белоруссии было создано пространство без внутренних границ, которое по характеру можно сравнить с Шенгенским пространством, но при этом

также существуют и отличия. Так, например, в Союзном государстве свобода передвижения гарантируется только лишь гражданам Российской Федерации и Республики Беларусь, а в зоне Шенгена привилегиями при пересечении границ пользуются абсолютно все лица, в независимости от их гражданства.

В Союзном государстве для иностранных граждан создан определенный порядок, регламентирующий правила пересечения государственной границы Российской Федерации и Республики Беларусь. При этом для иностранных граждан возникают определенные затруднения, поскольку между Российской Федерацией и Республикой Беларусь фактически границы нет, однако юридически она существует. Кроме того в данном пространстве нет единой визовой политики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на данный момент формирование общего пространства без внутренних границ не завершено.

По отношению к другим участникам ЕАЭС реализуется стандартный безвизовый режим для пересечения государственной границы. В области противодействия и борьбы с преступностью осуществляется политика двухсторонних контактов в рамках интеграционных образований на Евразийском пространстве [5]. Также к одному из существующих способов борьбы с преступностью можно отнести модельные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы государств-членов ЕАЭС.

Заключение. Таким образом, возможно, сформулировать следующие шаги, направленные на развитие сотрудничества в сфере борьбы с трансграничной преступностью и беспрепятственным перемещением лиц через государственную границу.

Во-первых, создание специального координационного центра, в компетенцию которого входило бы информирование национальных правоохранительных органов и возможных перемещениях преступного элемента как на границы двух стран. Так и на территории соседних государств-членов ЕАЭС.

Во-вторых, совместно согласованная и общая миграционная и визовая политика. Такая политика может выражаться, например, в возможности получения иностранным гражданином визы одного государства-члена ЕАЭС и беспрепятственным перемещением с помощью данной визы на территории остальных государств. Кроме того, такая виза позволит отслеживать действия иностранного гражданина в той или иной стране в целях предотвращения или розыска преступника специально уполномоченными органами.

В-третьих, общий порядок пересечения внешних границ для граждан государств-членов ЕАЭС. Кроме того, возможно создание со специальных баз данных, с помощью которых возможно было бы определить список иностранных лиц нежелательных для въезда в страну или лиц совершивших преступление за пределами государства. Такая база будет

способствовать обмену информацией не только о нежелательных иностранцах, но и о гражданах государств-членов ЕАЭС.

Список литературы

1. Декларация о евразийской экономической интеграции (г. Москва, 18 ноября 2011 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения: 09.09.2020).
2. Соколова Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex Russica. – 2017. – № 11. – С. 47.
3. Четвериков А. О. Правовое регулирование либерализации трансграничных отношений: опыт Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 7.
4. Решение № 70 «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902338376> (дата обращения: 09.09.2020).
5. Гапоненко В. Ф., Падалка В. В. Нужна ли евразийская полиция (Евразпол) для единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза? // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 12. – С. 253–257.

УДК 343.1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Матвиийчук А. О.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

n.timowenko@gmail.com, matviichukana@yandex.ua

Введение. Для обеспечения эффективного и справедливого уголовного судопроизводства, которое будет противодействовать транснациональной преступности на современном этапе евразийской интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) требуются совершенствование уголовного судопроизводства на территории евразийского пространства.

Цель тезисов – проанализировать перспективы развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции.

Основная часть. Как справедливо отмечает А. Г. Волеводз, содержание УПК РФ и двусторонних договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам и международных договоров о выдаче в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не позволяют получать и оказывать всестороннюю взаимную правовую помощь по уголовным делам в том объеме, в каком это необходимо для полной реализации задач уголовного

судопроизводства, а также не обеспечивают перспективу расширения круга форм правовой помощи, о чем свидетельствует отсутствие в большинстве договоров упоминания о допустимости оказания любой помощи, не противоречащей внутреннему законодательству запрашиваемого государства, хотя такая оговорка стала обычной нормой для большинства стран мира [1, с. 283].

Для повышения эффективности уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции, целесообразно обратиться к опыту такого интеграционного объединения как Европейский Союз (далее – ЕС). В ЕС сотрудничество судебных органов по уголовным делам основывается на принципе взаимного признания судебных решений и постановлений суда и включает меры по сближению законодательства государств-членов в ряде областей. Лиссабонский договор [2] заложил более прочную основу для развития сферы уголовного правосудия. Легальной базой судебного сотрудничества по уголовным делам служат статьи 82-86 Договора о функционировании Европейского Союза [3].

Постепенная ликвидация пограничного контроля в рамках ЕС значительно облегчила свободное передвижение европейских граждан, но также облегчила преступникам транснациональную деятельность. Для решения проблемы трансграничной преступности сфера свободы, безопасности и правосудия предусматривает меры по развитию судебного сотрудничества между государствами-членами по уголовным делам. Отправной точкой является принцип взаимного признания приговоров и судебных решений. Были приняты конкретные меры по борьбе с транснациональной преступностью и обеспечению защиты прав жертв, подозреваемых и заключенных на всей территории ЕС.

Парламент ЕС сыграл ключевую роль в формировании законодательства ЕС в области судебного сотрудничества по уголовным делам, сделав борьбу с преступностью политическим приоритетом. Он работает над судебным сотрудничеством по уголовным делам наравне с Советом в рамках обычной законодательной процедуры. Обычная законодательная процедура применяется почти ко всем областям уголовного права ЕС, за некоторыми исключениями, включая, прежде всего, процедуру согласия на создание Европейской прокуратуры.

Европейская прокуратура создана на основании Постановления Совета (ЕС) 2017/1939 от 12 октября 2017 года «Об осуществлении расширенного сотрудничества по созданию европейской прокуратуры» как независимое ведомство, отвечающее за расследование, судебное преследование и отправление правосудия за преступления против бюджета ЕС, такие как мошенничество, коррупция или трансграничное мошенничество с НДС, стоимостью в сотни миллионов евро каждый год. Такое сотрудничество позволит укрепить потенциал ЕС по защите денег

налогоплательщиков. Предполагается, что Европейская прокуратура начнет функционировать в конце 2020 года.

Считаем, что отправление правосудия и судебное преследование прокуратурой не соответствует правовым традициям евразийского пространства. В тоже время целесообразно создание аналогичного органа в рамках ЕАЭС. Отправление правосудия не должно будет войти в компетенцию такого органа, однако возможно возложение на это независимое ведомство функции по расследованию трансграничных «интеграционных» преступлений и уголовному преследованию.

Учреждением по судебному сотрудничеству по уголовным делам является Агентство Европейского Союза по сотрудничеству в области уголовного правосудия (Евроюст). Основным инструментом достижения судебного сотрудничества по уголовным делам между государствами-членами является Евроюст. Евроюст стимулирует и улучшает координацию расследований и судебных преследований, а также сотрудничество между органами власти в государствах-членах. В частности, агентство облегчает выполнение просьб о международной взаимной правовой помощи и выполнение просьб о выдаче. Евроюст оказывает властям государств-членов любую возможную поддержку, с тем чтобы повысить эффективность их расследований и судебного преследования за трансграничные преступления.

Евроюст может оказывать помощь государству-члену, по его просьбе, в расследовании и судебном преследовании в отношении соответствующего государства-члена и государства, не являющегося членом, если Евроюст и государство, не являющееся членом, заключили соглашение о сотрудничестве или если была продемонстрирована существенная заинтересованность.

Евроюст охватывает те же виды преступлений и правонарушений, в отношении которых компетентно Агентство Европейского Союза по сотрудничеству в правоохранительной области (Европол), такие как терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, контрафакция, отмывание денег, киберпреступность, преступления против собственности или общественных благ, включая мошенничество и коррупцию, уголовные преступления, затрагивающие финансовые интересы ЕС, экологические преступления и участие в преступной организации. Евроюст может, по просьбе государства-члена, также оказывать помощь в расследовании и судебном преследовании других видов преступлений [4].

Заключение. Таким образом, проанализировано, что основными перспективами развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции являются: 1) принятие соответствующей правовой базы сотрудничества по уголовным делам в ЕАЭС; 2) создание специализированного органа по судебному сотрудничеству в рамках

евразийской интеграции по аналогии с Евроюстом; 3) установление принципа взаимного признания приговоров и судебных решений как ключевого во взаимном сотрудничестве в рамках евразийской интеграции; 4) формирование независимого ведомства, отвечающего за расследование и уголовное преследование в рамках ЕАЭС по аналогии с Европейской прокуратурой, которая планирует начать свою деятельность в ЕС в 2020 году.

Список литературы

1. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые проблемы реформирования / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 6. – С. 281-288.
2. Лиссабонский договор 2009 (на официальных языках ЕС). – (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FI/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC>).
3. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). – (<http://base.garant.ru/71715364/>).
4. Judicial cooperation in criminal matters. – (<https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/155/judicial-cooperation-in-criminal-matters>).

УДК 34.09

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС

Чепикова В. А., Присяжная М. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.chepikova@donnu.ru, Jacobs76@mail.ru

Введение. Согласно ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. основными целями Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [1].

Однако существует фактор, препятствующий этим процессам – установившаяся гегемония западных транснациональных капиталов на постсоветском пространстве, альтернативой которой может стать создание на территории ЕАЭС собственных ТНК.

Основная часть. Сегодня крупные ТНК имеют ключевую роль в отстаивании интересов национального значения. Журналом Forbes-2000 в

2014 году составил рейтинг крупных ТНК, в соответствии с которым в России имеются 28 компаний, в Казахстане – 3, а в Армении и Беларуси их совсем не представлено. Это формирует мнение о том, что в настоящее время отмечается сильный недостаток финансовых ресурсов для конкурентирования этих компаний в масштабах мирового рынка.

Поэтому 29 ноября 2017 г. в Минске на переговорах в расширенном составе с Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым Президент Беларуси Александр Лукашенко заявил, что для успешной работы на мировых площадках необходимо создавать собственные транснациональные корпорации в рамках ЕАЭС. Также Президент Беларуси отметил о планах создания таких корпораций в сферах от образования до логистики, учитывая наличие соответствующих ресурсов [4].

Впрочем, 9 июля 2019 г. при обсуждении Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) о запуске пилотных проектов по созданию в государствах ЕАЭС крупных ТНК министр промышленности и агропромышленного комплекса ЕЭК Александр Субботин в интервью ТАСС в ходе международного форума ИННОПРОМ заявил: «Мы провели оценку. Оказалось, что реализовать идею создания такой транснациональной корпорации непросто» [5].

Аварский С. А. еще в 2016 г. писал об этой проблеме в экономическом аспекте и пришел к выводам, что создание ТНК должно совершаться в тех промышленных сферах, в которых есть наибольшие возможности и преимущества ЕАЭС; не зависимо от места расположения компании и иных ее особенностей (в том числе организационно-правовой формы) в созданных ТНК будет осуществляться контроль производительности и эффективности деятельности ТНК ЕАЭС со стороны всех государств отдельно; соблюдение рекомендаций экспертов и беспристрастная оценка потенциала, а также существование отчетливой концепции развития содействует повышению и укреплению позиций евразийских ТНК в глобальной экономике [2].

Итак, если содержание и месторасположение деятельности вопрос относительно решенный (так как основа будущих ТНК заложена в нынешних ведущих предприятиях стран-участниц), то организационный аспект недостаточно детально исследован и обсужден.

Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович 13 марта 2020 г. в Москве на Международном экономическом форуме стран Содружества «СНГ + Мир» заявил, что в организационном плане предстоит совершить все для того, чтобы большой бизнес сосредоточился в евразийских транснациональных корпорациях. При этом он уверен в том, что самостоятельно ни бизнес, ни государственные структуры, данные задачи не решат, поэтому необходимы синтез государства и бизнес-структур и предоставление от соответствующих государств мер поддержки и

преференций для фирм, работающим над созданием высоко конкурентных производств и товаров [6].

Учитывая вышеизложенное, из всех различных способов наиболее оптимальным считаем вариант создания ТНК в ЕАЭС со смешанной формой собственности, в которой будут объединены эффективное управление частных и стабильность государственных ТНК.

Смешанная форма собственности в ряде государств категория, означающая общую собственность на определенное имущество субъектов различных форм собственности [3]. Также отметим, что смешанная форма собственности предполагает долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество государство и частного бизнеса. Безусловно, данный вопрос требует детальной проработки, с учетом специфики и тонкостей не только правовой, но и экономической, политической, международной и иных сфер.

Для создания такого рода ТНК внутреннего права государств в отдельности недостаточно, в связи с чем, продолжается интеграция, унификация и гармонизация права стран-участниц ЕАЭС в форме создания наднационального права.

Заключение. Во исполнение целей создания ЕАЭС перед государствами-участниками стоит задача создания собственных ТНК как в противовес зарубежным. Вследствие невозможности полностью гармонизировать многие нормы и положения законодательств стран-участниц ЕАЭС, т.к. это повлечет за собой полное изменение правовой системы в ряде стран-участниц, мы предполагаем, что для более эффективного регулирования деятельности ТНК на территории ЕАЭС наиболее удачным вариантом станет создание единого Соглашения о регулировании ТНК в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе. Данным Соглашением следует очертить порядок создания и процессы деятельности ТНК на всех уровнях, начиная от трудового заканчивая налоговыми областями права, а в последствии необходимо утвердить типовые документы для ТНК в целях цифровизации и создания единого документооборота.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>. – Дата обращения: 31.09.2020. – Загл. с экрана.
2. Аварский, С. А. Создание на территории ЕАЭС крупных финансово-промышленных групп и ТНК как альтернатива гегемонии западных транснациональных капиталов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Проблемы Науки. – 2016. – №32 (74). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-na-territorii-eaes-kрупnyh-finansovo-promyshlennyyh-grupp-i-tnk-kak-alternativa-gegemonii-zapadnyh-transnatsionalnyh-kapitalov>. – Дата обращения: 25.10.2020. – Загл. с экрана.

3. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. – М.: НОРМА, 2003. – Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-209-4.htm#zag-5908>. – Дата обращения: 15.10.2020. –
4. Лукашенко озвучил необходимость создания ТНК ЕАЭС [Электронный ресурс] // СИ «Zakon.kz». – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4891524-lukashenko-ozvuchil-neobhodimost.html>. – Дата обращения: 18.02.2019. – Загл. с экрана.
5. Министр ЕЭК: страны ЕАЭС могут обсудить создание транснациональных корпораций [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИА ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6645217>. – Дата обращения: 18.02.2019. – Загл. с экрана.
6. Мясникович М. Надо сделать всё, чтобы евразийский бизнес сконцентрировался в ТНК ЕАЭС [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт EVRAZESNEWS.RU. – Режим доступа: <http://evrazesnews.ru/index.php/news/article/view/13/36116/>. – Дата обращения: 18.02.2019. – Загл. с экрана.

УДК 342.26

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Щербинина Е. В., канд. ист. наук, доц., *Слизовский В. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sherbinina@donnu.ru, vsevolod.slizovskiy@mail.ru

Введение. На сегодняшний день процессы глобализации, экономической интеграции и международного разделения труда затрагивают все регионы и пронизывают все уровни и сферы общественных отношений. Постсоветское пространство – не исключение, этот район также принимает активное участие в интеграции национальных экономик. Ведущее место в этих процессах занимают международные организации экономического профиля. Одной из таких организаций и основной в направлении евразийской интеграции является Евразийский экономический союз. Евразийский экономический союз – это международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе. В настоящее время в Евразийский экономический союз входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация [3, с. 455]. В контексте теоретических государственно-правовых исследований Евразийского экономического союза особый интерес представляет форма государственного (административно-территориального устройства) членов данного

межгосударственного объединения, поскольку она указывает на различные аспекты территориальной организации власти на всех уровнях в представленных странах. Важность исследований в этой области заключается в том, что они позволяют проанализировать и дать прогноз состояния государственного устройства ряда стран евразийского пространства.

Основная часть. Форма государственного устройства представляет собой устройство государства, его внутреннее деление на составные части – административно-территориальные единицы, автономные политические образования или суверенные государства. Она отражает также характер взаимоотношений государства в целом и отдельных его частей [4, с. 225]. Основными разновидностями форм государственного устройства являются: унитарное государство, федеративное государство, конфедеративное государство. Унитарные государства складываются из административно-территориальных единиц, которые подчиняются единым центральным органам власти; в федеративных государствах его части являются государственными образованиями, которые обладают юридически определенной политической самостоятельностью в рамках единого федеративного государства; конфедеративные государства представляют собой союз суверенных государств, созданный для решений общих для этих государств целей и задач, оформленный посредством заключения конфедеративного договора. Евразийский экономический союз представляет интерес в плане исследования форм государственного устройства, поскольку в составе этого международного образования находятся государства всех видов форм государственного устройства. Республика Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан являются простыми унитарными государствами. Российская Федерация, соответственно, является симметричным федеративным государством с элементами асимметрии. При этом, следует указать, что надгосударственное образование Союзное государство России и Беларуси, некоторыми учеными рассматривается в качестве конфедеративного надгосударственного образования [1, с. 31].

Несмотря на то, что государства, входящие в Евразийский экономический союз, имеют различия в своем устройстве и определенные особенности развития национальных экономик и составляющих ее отраслей хозяйствования, все они стремятся к обоюдному сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Это стремление объяснимо рядом факторов, которые активизируют интеграционные процессы на территории евразийского пространства. К таким факторам можно отнести:

- схожесть уровня социально-экономического развития данных государств;
- взаимодополняемость экономик субъектов интеграции;

- наличие политической воли, лидеров, разрабатывающих и реализующих интеграционные процессы на государственном и интернациональном уровнях;
- достаточный уровень развития инфраструктуры для перемещения факторов производства между национальными экономиками внутри союза и с третьими государствами;
- общность решаемых целей и задач на макро- и микроэкономическом уровнях;
- повышение конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного и устойчивого развития;
- совместное преодоление последствий международных финансово-экономических кризисов;
- географическая близость интегрирующих стран;
- геополитическая и геоэкономическая ситуация на международной арене;
- исторические предпосылки интеграции (в том числе общее прошлое этих стран в составе Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), к наследию СССР можно отнести налаженную систему социально-экономических связей между этими государствами, которая дает о себе знать до настоящего времени, оказывая положительный эффект на интеграцию государств в этом регионе) и др.

Для утверждения намеченного интеграционного курса, проведения скоординированной работы по вопросам сопряжения интеграционных процессов на евразийском пространстве, включая либерализацию торговых отношений между участниками, совместное развитие транспортно-логистической инфраструктуры и другие вопросы экономического взаимодействия в рамках идеи Большого Евразийского партнерства, целью которой является превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания 6 декабря 2018 года была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [2, с. 7].

Интеграция в евразийском регионе начинает быстро набирать обороты. Катализатором этого процесса служит положительная динамика и расширение социально-экономических связей между государствами евразийского пространства, что обусловлено схожестью экономической конъюнктуры в этих странах, заинтересованностью во взаимном сотрудничестве, увеличением обоюдных инвестиций в различные отрасли хозяйствования. Одним из примеров роста экономической интеграции является вступление в силу 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, который является приложением к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года. Принятие единых для Евразийского экономического союза нормативно-правовых актов явно свидетельствует об унификации

нормативно-правовой базы государств, входящих в этот союз. Подобная унификация в современных условиях развития экономики необходима, поскольку она помогает значительным образом облегчить регулирование общественных отношений в сфере таможенного регулирования между этими государствами.

Заключение. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что Евразийский экономический союз в дальнейшем своем развитии может трансформироваться из международной экономической организации в конфедеративное надгосударственное образование, по примеру Союзного государства России и Беларуси, причем, количество членов данного образования может измениться в сторону увеличения.

Список литературы

1. Афанасьев О. Е. Политическое пространство современного мира : справочник / О. Е. Афанасьев. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 168 с.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 06.12.2018 г. / Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422031/ms_10122018 (дата обращения: 22.09.2020). – Загл. с экрана.
3. Парфенов М. О., Сурник А. П. Направления развития Евразийского экономического союза / М. О. Парфенов, А. П. Сурник // Решетневские чтения. – 2018. – № 2. – С. 455–456.
4. Теория государства и права. Часть 1. Теория государства : Учебник / Под ред. М. Н. Марченко. – Москва : «Зерцало-М», 2011. – 516 с.

УДК 349.6

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ДНР

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., **Рахимова В. М.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pashkovv@yandex.ru, victoria.rahimova2001@mail.ru

Введение. Создание эффективного правового механизма, направленного на сохранение природной среды, обеспечение экологической безопасности, а также совершенствование правоприменительной практики с целью адекватного привлечения к ответственности за экологические правонарушения выступают в качестве первоочередных задач экологической политики государства. Особую актуальность их реализация приобретает на территории ДНР, где

экологическая обстановка, с учетом мощной промышленности и военной ситуации, складывается более остро, нежели в других регионах. Однако, как показывает анализ законодательства в области охраны окружающей среды, существует немало пробелов и противоречий нормативно-правового характера, что препятствует должному решению накопившихся проблем. Ввиду этого появляется необходимость в гармонизации экологического законодательства РФ и ДНР.

Цель публикации – исследование возможных путей гармонизации экологического законодательства РФ и ДНР.

Основная часть. Прежде всего, законодательного урегулирования требует вопрос неэффективной, ресурсоемкой структуры экономики ДНР, что проявляется в неразвитости обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, инфраструктуры, устаревших технологиях. Ввиду этого целесообразным, представляется узаконивание требований к внедрению наилучших доступных технологий (НДТ) как в рамках экологической, так и промышленной политики. Согласно Закону РФ «Об охране окружающей среды» [1], под наилучшей доступной технологией понимается технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения. Диспозитивный характер ч. 2 ст. 28.1 указанного Закона, в которой сказано, что к «областям применения наилучших доступных технологий могут быть отнесены хозяйственная и (или) иная деятельность, которая оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду, и технологические процессы, оборудование, технические способы и методы, применяемые при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности», предоставляет, на наш взгляд, субъектам хозяйствования определенную свободу при распоряжении правами в процессе осуществления соответствующей деятельности, что проявляется в дозволении как использовать НДТ в указанных областях, так и не использовать. Но именно такая свобода, при условии отсутствия сдерживающих факторов в виде мер юридической ответственности, и порождает те негативные экологические последствия, которые мы наблюдаем на сегодняшний день. Поэтому и предлагается изложить данную норму в следующей императивной форме: «К областям применения наилучших доступных технологий должны быть отнесены хозяйственная и (или) иная деятельность, которая оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду, и технологические процессы, оборудование, технические способы и методы, применяемые при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности.», дополнив данную статью нормой о привлечении к ответственности за невыполнение обязанностей по финансированию расходов на внедрение НДТ.

Несовершенство аналогичной нормы Закона ДНР «Об охране окружающей среды» [2] заключается в суженом круге сфер производственной деятельности, при осуществлении которых должны применяться наилучшие существующие технологии. В ч. 1 ст. 36 сказано, что применение таковых, как и «учет нормативов допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду...» является необходимым «...при проектировании зданий, строений, сооружений и иных объектов...». Однако в таком случае не учитываются иные виды хозяйственной деятельности, где также чрезвычайно важным является внедрение наилучших доступных технологий. И в этой части предлагается дополнить установленный законодателем перечень сфер, где необходимо применение вышеуказанных технологий.

Является проблемой также многообразие нормативных правовых актов, порождающее определенные сложности в их реализации. Как следствие, возникает потребность в принятии единого кодифицированного закона, который смог бы консолидировать все аспекты правового регулирования общественных отношений в экологической сфере [3]. Несмотря на то, что концепция проекта Экологического Кодекса РФ была опубликована официально еще в 2007 году [4], сам Кодекс как таковой, в качестве реально существующего законодательного акта, до сих пор отсутствует.

Огромное препятствие на пути планомерной реализации задач экологической политики в нашем регионе представляет дефицит площадей для хранения мусора, в то время как сортировка отходов и мусоропереработка в Республике в большей степени остается на низком уровне. Ее всеобъемлющему внедрению препятствуют конкретные правовые нормы, предъявляющие чересчур завышенные санитарные требования, а также запретительная политика в виде лицензирования для инициатив любого уровня в этой сфере. К примеру, для элементарного сбора отработанных батареек в банку требуется, как минимум, получение специальной лицензии. Соответственно, без кардинального пересмотра соответствующих норм сертификации и лицензирования сбора и сортировки отходов, допуска к данной деятельности, общественной инициативы построить действующую систему сортировки и переработки мусора в ДНР не представляется возможным, ввиду чего предлагается усовершенствовать правовые условия для сбора и утилизации мусора [5].

Кроме того, ввиду повсеместного нарушения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, закрепленного в ст. 42 Конституции РФ [6] и ст. 35 Конституции ДНР [7] соответственно, и проявляющегося в игнорировании общественного мнения субъектами хозяйствования при проектировании тех или иных объектов, предлагается ужесточить государственный контроль за деятельностью последних. Только таким образом можно будет достичь поддержания качественных

характеристик природных ресурсов, и как следствие – обеспечить реализацию указанного права населения на соответствующее состояние окружающей среды.

Заключение. Гармонизация, представляя собой деятельность по приведению всех законов в целостную, согласованную систему, является необходимым шагом на пути к совершенствованию управления природоохранной сферой. В наших государствах данная юридически значимая форма деятельности представляется особо важной. Только постепенное устранение пробелов, коллизий в законодательстве, приведение всех нормативных положений в соответствие друг с другом путем указанных нами мер позволит обеспечить максимальную эффективность реализуемой государством экологической политики.

Список литературы

1. Об охране окружающей среды: Федеральный Закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Закон ДНР «Об охране окружающей среды» от 30.04.2015 № 38-ІНС [Электронный ресурс]. – URL: Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
3. Оль Е. М. Проблемы экологического законодательства и их влияние на реализацию экологических прав человека / Е. М. Оль, О. И. Богданова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 17 (255). – С. 110-112. – URL: <https://moluch.ru/archive/255/58232/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Концепция проекта Экологического Кодекса Российской Федерации. URL: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-18622.html> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
5. Усовершенствование правовых условий для сбора и утилизации мусора: Петиция / Портал «Мнение» // Общественное Движение «Донецкая Республика» [Электронный ресурс]. – URL: <http://mnenie.oddr.info/usovershenstvovat-pravovye-usloviya-dlya-sbora-i-utilizaczii-musora/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
6. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
7. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной республики № 1-1 от 14.05.2014 г.). [Электронный ресурс]: – URL: Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Тишаков М. П., канд. юрид. наук

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ

TMaxim7@yandex.ru

В настоящее время все более актуализируются вопросы создания различных государственных интеграционных объединений, что позволяет каждому государству-члену такого союза более эффективно продвигать свои национальные интересы и расширять сферы взаимодействия с многими странами. На постсоветском пространстве среди разнообразных интеграционных проектов, наиболее перспективным и жизнестойким выглядит Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который представляет собой объединение пяти государств-участников для реализации общей экономической политики.

Однако события последних лет, свидетельствуют не только о значительном интеграционном потенциале, но и уязвимостях таких объединений. В частности, если посмотреть на ближайший аналог ЕАЭС – Европейский Союз, то необходимо отметить, ряд проблемных аспектов в деятельности данного интеграционного объединения: значительное влияние мировых финансовых кризисов; рост долговой нагрузки; изменение сальдо торгового баланса государств-членов, просчеты в миграционной политике [1, с. 11], сложность механизмов принятия консенсуальных решений, а в последнее время еще добавился и негативный эффект от распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Конечно, данные проблемы отчасти свойственны и Евразийскому экономическому союзу, однако характер его объединения позволяет более гибко противостоять возникающим угрозам, но с другой стороны и вызывает значительные опасения.

В рамках обозначенной проблематики, обращает на себя и опыт функционирования Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая уже более полувека эффективно функционирует в экономическом русле. Рисками же данного объединения выступают торговая напряжённость, волатильность обменных курсов и ужесточение финансовых условий [1, с. 14].

Как и в любом интеграционном объединении государств, в Евразийском экономическом союзе, также существуют проблемы, обусловленные разноплановостью экономических потенциалов каждого его участника. За последнее время значительное влияние оказали и события, связанные с распространением коронавирусной инфекции, в

результате чего нанесен существенный урон экономике. Поэтому реализация ближайших планов расширения и углубления интеграции краткосрочного характера не вызывает оптимизма, так как каждому государству приходится в первую очередь направлять ресурсы на преодоление текущих кризисных явлений. В то же время, именно среднесрочные меры развития, приобретают еще большую значимость, позволяют заблаговременно учесть негативные тенденции и создать качественную основу для развития в пост эпидемиологический период.

Среди перспектив дальнейшего развития ЕАЭС – усиление интеграции в экономической сфере, особенно здесь стоит отметить необходимость улучшения не только инвестиционной привлекательности, но и развитие транспортной доступности, увеличение скорости и свободы перемещения товаров и услуг, снятие существующих экономических барьеров. В данном контексте особо акцентируют внимание на необходимости гармонизации нормативного, технологического и тарифного регулирования, повышении эффективности различных форм сотрудничества [2, с. 17].

Именно ЕАЭС по силам воплотить в жизнь идеи единого экономического пространства между берегами Тихого и Атлантического океанов, как посредством расширения состава государств участников, так и тесной интеграции с другими межгосударственными объединениями (ЕС, АСЕАН). С другой стороны, как и в любом союзе проблемы каждого его члена оказывают давление и на само объединение, а путь их решение уже требует учета не только национальных, но и союзных интересов. Проблема заключается в поиске баланса между собственным суверенитетом и делегированием полномочий наднациональным органам. В данном контексте именно форма экономической интеграции ЕАЭС показывают свою наибольшую состоятельность.

Однако для дальнейшего развития союза, только экономической составляющей недостаточно, требуется единое правовое поле, в первую очередь унификация национального законодательства в контексте дальнейшей интеграции, единый вектор стратегического развития как в рамках расширения самой организации и принятия в нее новых участников, так и интеграции с другими объединениями. Достижение экономического благополучия требует не только единой основы, но и политической воли, применения в отдельных вопросах императивных решений. Ведь еще ни одной организации межгосударственного характера, при отсутствии жестких наднациональных структур не удалось обеспечить сближение позиций и выработке консенсуальных решений [3, с. 129], от которых в последующем зависит не только развитие объединения, но и его существование в целом. Необходимо конечно учитывать опыт уже существующих интеграций в первую очередь ЕС и АСЕАН.

Среди наиболее существенных рисков, конечно же выделяется отсутствие экономического роста, так как это перечеркивает саму цель созданию интеграции, а также создает риск утраты ЕАЭС существующего статуса и его превращение в соединительное звено между азиатскими, европейским и североамериканским центрами мировой экономики, без какой-либо существенной и самостоятельной роли [3, с. 132]. Решением является не только наличие экономического роста, как позитивного фактора, но и его выход на темпы значительно опережающие общемировые именно за счет интеграционных механизмов и достижения нарастающего итога конечного результата.

Опять же проблемой выступает поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия каждого государства в союзе, влияние международных рисков и санкционной политики в отношении отдельных членов ЕАЭС, согласование экономического пути развития, давление «заинтересованных» государств для минимизации степени интеграции и т.п.

Конечно, многие сопредельные государства и потенциальные участники занимают выжидательную позицию, что вполне логично учитывая значительные риски экономической интеграции, малый период функционирования существующей формы объединения, а также значительную напряженность на границах государств. В то же время, чем более продуктивной будет экономика каждого государства и ЕАЭС целом, тем он станет более сбалансированным, самодостаточным и привлекательным, как для новых участников, так и аналогичных объединений. К тому же сам союз сможет уже навязывать свою политику, лоббировать собственные интересы, снижать меж интеграционные барьеры и выстраивать отношения на выходных условиях.

Список литературы

1. Петросьян А. Р. Евразийская экономическая интеграция – 2019 / А. Р. Петросьян и др. – М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. – 140 с.
2. Спартка А. Н., Воронова Т. А. Перспективы и ограничения евразийской политики соседства / А. Н. Спартка, Т. А. Воронова // Международная торговля и торговая политика. – 2018. – № 4 (16). – С. 5-20.
3. Зиядуллаев Н. С. 25 лет СНГ и Евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы / Н. С. Зиядуллаев, У. С. Зиядуллаев // Экономическая наука современной России. – 2017. – № 2 (77). – С. 123-136.

**ПРАВОВАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Шестак С. В., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе ДНР», г. Донецк, ДНР
svsh007@mail.ru

Введение. После провозглашения 07 апреля 2014 года государственной самостоятельности и суверенитета Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), которые были подтверждены 11 мая 2014 года на всенародном референдуме, появилась необходимость формирования законодательной базы в новых условиях, то есть фактическом выстраивании национальной правовой системы ДНР. В качестве ориентира в интеграционном процессе был избран вектор на вхождение ДНР в состав Российской Федерации (РФ). Естественно, как и в любом государстве, переживающем переходный период, вопрос реализации правотворческого процесса стоит крайне остро. Ни для кого не секрет, что правовая база ДНР развивалась на протяжении многих лет в составе различных государств (Российская империя, Донецко-Криворожская Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика и Украина). В связи с этим сформировалась определенная правовая мысль, характерная для нашего региона, имеющая концептуальные различия с правовой системой РФ. Право любого государства, является частью национального достояния. Оно порождение традиций, наследие предков и способов самовыражения данного общества.

Цель публикации соотношение понятий правовая рецепция и гармонизация законодательства.

Основная часть. 14 мая 2014 года была принята Конституция ДНР, где в ч. 2 ст. 86, было указано, что законы и иные правовые акты, действовавшие на территории ДНР, до вступления в силу Конституции ДНР, применяются в части не противоречащей Конституции ДНР. Таким образом, на территории ДНР стала действовать законодательная база Украины, по состоянию на апрель-май 2014 года. ДНР не пошла по пути правопреемственности нормативно-правовой базы Украины. Более того, Конституцией ДНР (ст. 69) [1] ограничены полномочия Народного Совета ДНР невозможностью внесения изменений в законы Украины, действующие на территории ДНР. Однако, время не стоит на месте, поэтому правовое регулирование общественных отношений в Республике, является крайне важным элементом правовой действительности. Но

возникает вопрос, откуда черпать нормативно-правовое регулирование происходящих процессов? Действительно, Народный Совет ДНР принимает новые законы, исполнительная власть принимает подзаконные нормативные правовые акты, но при детальном их изучении мы пришли к выводам, что в период 2014–2019 годов эти нормативные правовые акты не что иное, как компиляция российских и украинских нормативных актов. Очень редко и в небольшом количестве отечественным законодателем были разработаны собственные нормативные правовые акты, отличные от вышеуказанных. Стоит отметить, что они были ни чем не хуже и, в некоторых случаях, более актуальными для правового регулирования отношений в Республике, переживающей военное положение.

Начиная с 2019 года все чаще от парламентариев ДНР можно услышать о процессе гармонизации законодательства ДНР с законодательством РФ. В многочисленных интервью звучит, что основополагающим принципом при разработке и принятии законов в ДНР является гармонизация с законодательством Российской Федерации. Фактически процесс заимствования правовых норм РФ в нашей Республике происходит, начиная с 2014 года (Уголовный кодекс ДНР является фактически копией Уголовного Кодекса РФ). Но, в рамках нашего исследования, мы хотим разобраться, является ли применение термина гармонизация целесообразным и соответствует ли он тем фактическим процессам, происходящим в Республике. Сама по себе гармонизация законодательства в науке рассматривается в широком и узком понимании. При этом, практически все исследователи сходятся на мысли, что гармонизация законодательства это форма сближения правовых систем (в нашем случае это правовые системы РФ и ДНР). В то же время, это очень тонкий и трудоемкий процесс, который не приводит к полному единству, но максимально сближающий законодательство различных государств для решения правовых проблем. В основном, в научной литературе, процесс гармонизации это целенаправленная деятельность как минимум двух государств. Наша Республика проводит процесс гармонизации с РФ в одностороннем порядке. При этом, при подготовке проектов нормативных правовых актов в ДНР авторами переписывается российский аналог. Следовательно, в данной ситуации, по нашему мнению, необходимо говорить не о гармонизации законодательства, а о правовой рецепции, как виде правовой аккультурации романо-германской правовой семьи, в частности национальной правовой системы РФ. К вопросу определения понятия правовой рецепции существует множество подходов, анализ различных источников позволяет прийти к выводу, что рецепция – это результат деятельности законодателя, с абсолютной долей выражения государственной воли, путем одностороннего внедрения или заимствования одним государством у другого крупных массивов права.

Фактически, данный процесс происходит в ДНР (Гражданский кодекс ДНР и иные нормативные правовые акты скопированы с соответствующих нормативных правовых актов РФ).

Заключение. Учитывая тот факт, что в ДНР появляется отечественное республиканское законодательство, которое заимствует законодательную терминологию РФ, продолжает действовать украинское законодательство со своим понятийно-категориальным аппаратом, особое значение занимает терминологическая унификация в процессе правовой рецепции. Для правоприменителя выработка единой терминологии, необходимой для осуществления правовой рецепции, которая установит и закрепит единые требования к использованию терминов, систематизирует понятия, является крайне важным условием для своей деятельности. Более того, полная унификация юридической терминологии в рамках процесса правовой рецепции позволит повысить формальную определенность права, ликвидировать противоречия в понимании правовых текстов, будет способствовать повышению их доступности.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной республики № 1-1 от 14.05.2014 г.). [Электронный ресурс]: – URL: Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 04.10.2020)

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское право и процесс

<i>Асеева Н. В., Задума Я. Т.</i> Международно-правовое регулирование в сфере обеспечения информационной безопасности	5
<i>Беляева М. А.</i> Некоторые аспекты правового регулирования торговли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	8
<i>Богданова Т. В., Чернышова Е. А.</i> Модель банковского финансирования в области строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости в Российской Федерации	11
<i>Горбатенко Е. В.</i> К вопросу о понятии и составе наследства	14
<i>Дербишев Р. О.</i> Усовершенствование института возмещения вреда, причиненного работниками органов внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	17
<i>Дербишев Р. О., Матвеев А. А.</i> Возмещение морального вреда в рамках гражданского процесса	20
<i>Дербишева О. А.</i> Оптимизация института замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе в ДНР	22
<i>Дербишева О. А., Терещенко А. В.</i> Защита авторских прав в сети «интернет»	25
<i>Дербишева О. А., Чиж А. А.</i> Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью граждан вследствие медицинской ошибки	28
<i>Дрёмова А. В.</i> Совместная опека: проблемы «разведенных» родителей	31
<i>Ефремова А. В., Авдеева О. Р.</i> К вопросу о самостоятельности института исполнительного производства	34
<i>Ефремова А. В., Авдеева О. Р.</i> Добровольное исполнение судебного акта	37
<i>Ефремова А. В., Цокур А. А.</i> Влияние факта оплаты единого взноса на обще-обязательное социальное страхование при назначении пенсий в Донецкой Народной Республике	41
<i>Каравацкая С. А., Аверин В. Ю.</i> Способы защиты права интеллектуальной собственности в Донецкой Народной Республике	45
<i>Каравацкая С. А., Завриловский Д. А.</i> Реализация авторского права в современном обществе	47
<i>Комаров В. А., Аршинникова Н. Ю.</i> Место практики Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве Донецкой Народной Республики	50
<i>Комаров В. А., Тришкина К. Г.</i> Актуальные проблемы реализации правовых норм об усыновлении (удочерении)	53
<i>Косач Н. Е., Загуменный К. И.</i> Основные проблемы при составлении и исполнении совместного завещания супругов	56
<i>Котляр А. В., Скиданова А. С.</i> Основные функции общественных объединений	59
<i>Левченко И. А.</i> Развитие института безвестного отсутствия в советском гражданском праве	61
<i>Меживой А. В., Железняк В. Ю.</i> К вопросу о содержании понятия «право собственности»	64

<i>Меживой А. В., Кизилова А. В.</i> К вопросу о государственном регулировании экономики и предпринимательской деятельности	67
<i>Меживой А. В., Ляшенко В. В.</i> Правовое регулирование акционерных отношений в ДНР	70
<i>Меживой А. В., Патрина З. И.</i> Правовое регулирование деятельности обществ с ограниченной ответственностью в ДНР	73
<i>Ниякая М. П., Баринова К. А.</i> Актуальные вопросы осуществления и ограничения субъективных гражданских прав	76
<i>Подмаркова И. П., Рыбак И. В.</i> Развитие института правового регулирования внешнеэкономической деятельности в Донецкой Народной Республике	79
<i>Ревунова А. С.</i> О праве родителей на воспитание детей	82
<i>Ревунова А. С.</i> Алиментные обязательства разведенных родителей в отношении ребенка	85
<i>Савельева В. В.</i> Проблема обозначения оригинала электронного доказательства в арбитражном процессе	89
<i>Савченко А. А.</i> Новации семейного законодательства Донецкой Народной Республики и их влияние на институт брака	93
<i>Стрельцова Н. Л., Зарочинцев Д. Р.</i> Понятие предпринимательской деятельности .	96
<i>Стрельцова Н. Л., Крамарчук И. О.</i> Кодификация предпринимательского права в Донецкой Народной Республики	98
<i>Сынкова Е. М., Петраченко Е. И.</i> Правовые особенности ограничения свободы завещания в Российской Федерации	101
<i>Финкина А. П.</i> Судебная практика Европейского Суда по правам человека в сфере защиты прав пациента	104
<i>Финкина А. П., Стёпина В. Ю.</i> Особенности применения правил об эвикции в гражданском праве Донецкой Народной Республики	108
<i>Харжевская Т. С.</i> Наследственно-правовой статус ребенка, зачатого при жизни и рожденного после смерти наследодателя	111
<i>Харжевская Т. С., Кобыльская И. И.</i> Основание и условия ответственности за причинение морального вреда в гражданском праве	114
<i>Хобта А. Д.</i> К вопросу об истории развития правового регулирования имущественных отношений супругов	118
<i>Хуснутдинова Я. Л.</i> Правовое регулирование наследования по законодательству Российской Федерации	122
<i>Швайковская В. Н., Афонина Ю. Г.</i> К проблеме недействительности сделок с недвижимым имуществом	125
<i>Шеколенко Т. В., Зарочинцев Д. Р.</i> Альтернативное обязательство в гражданском праве: сравнительно-правовой анализ законодательства Донецкой Народной Республики и зарубежных стран	128
<i>Шеколенко Т. В., Крамарчук И. О.</i> Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств	131
<i>Шеколенко Т. В., Яценко Н. И.</i> Гражданско-правовая ответственность государства за причинение вреда	134
<i>Шульга Р. Р.</i> Современные тенденции международно-правового регулирования права на интеллектуальную собственность	136

Теория и история государства и права

<i>Бардашевич Н. А.</i> Онтологические источники права	140
<i>Барышева Ю. В., Горлова П. А.</i> Профессиональные стрессы сотрудников полиции и способы их профилактики	143
<i>Белюрко Н. М.</i> Предпосылки возникновения концепции гражданского общества ...	146
<i>Герасименко Ю. В., Забияка М. С.</i> К вопросу о реализации теории разделения властей на современном этапе	149
<i>Герасименко Ю. В., Осташевская В. О.</i> Интернет-право в контексте развития современной теории права и государства	151
<i>Гулина С. Н., Байша А. А.</i> Проблемы правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации	154
<i>Запорожцева Г. Е.</i> Неконституционная Украина и конституционный Донбасс (психолого-юридический аспект)	157
<i>Косач Н. Е.</i> Об особенностях исследования правового воздействия на общественные отношения как вида управленческого воздействия	161
<i>Красноносков Е. Ю., Затейщикова Е. Л.</i> Современное правовое регулирование систем с искусственным интеллектом в Российской Федерации	164
<i>Красноносков Е. Ю., Комов А. А., Ливанова А. Г.</i> Борьба с преступностью в сфере высоких технологий как составная часть обеспечения национальной безопасности	166
<i>Красноносков Е. Ю., Лебединская А. С.</i> «Электронное лицо» как особый правовой статус искусственного интеллекта	169
<i>Леонов С. Ю.</i> Военный адвокат или прокурор защиты	172
<i>Матвиенко Е. А., Федорчук С. В., Стрелецкая А. А.</i> Электронный формат материалов уголовного дела как гарантия обеспечения национальной безопасности	175
<i>Матвиенко Е. А., Яременко Д. А.</i> Институт защиты прав человека в Украине как фактор нарушения прав человека	178
<i>Поправко А. А., Гончаренко Е. О.</i> О роли принципа разделения властей в процессе государственного строительства	181
<i>Поправко А. А., Патана А. Г.</i> Соотношение понятий «государственный механизм» и «государственный аппарат»	185
<i>Рыбалко В. А., Копейченко С. П.</i> Содержание процесса промульгации законов	188
<i>Саенко С. И.</i> Итоги общественных обсуждений проекта закона «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике»	190
<i>Степанова Ю. С., Левицкая Т. А.</i> Цифровое право: вопросы терминологии и содержания	192
<i>Степанова Ю. С., Слайковский Е. А.</i> Актуальные проблемы функционирования экспертного совета по вопросам независимой правовой экспертизы в Донецкой Народной Республике	196
<i>Ступак И. А., Городилов М. А.</i> Принцип разделения власти и их взаимодействие в системе управления государством	199

<i>Чамлай В. В., Роговой Д. В.</i> Основные направления правовой политики современного государства	202
<i>Чепикова В. А., Хара М. Ю.</i> Правонарушение в условиях цифровизации	204
<i>Щербинина Е. В., Шкиндер В. Т.</i> Юридическая техника: вопросы терминологии	208

Евразийское сотрудничество: теория и практика

<i>Барбашова Н. В.</i> Гармонизация законодательства ДНР в сфере технического регулирования с законодательством государств ЕАЭС	211
<i>Герасименко Ю. В.</i> К вопросу об идеологическом аспекте евразийской интеграции	213
<i>Каблов Д. С., Федосеева Я. О.</i> Предупреждение совершения должностных преступлений	216
<i>Лещенко И. И., Славова Н. А.</i> Концепция евразийской «идеократии» в современной интерпретации и практической реализации	219
<i>Лещенко И. И., Шаповалова В. Д.</i> Евразийская концепция прав народов: основные тезисы	222
<i>Лещенко И. И., Шеринёва О. С., Якубенко Б. А.</i> Имперская парадигма евразийской интеграции	225
<i>Матвиенко Е. А., Ищенко Т. В.</i> Перспективы интеграции Донецкой Народной Республики в политическое и экономическое пространство Евразийского Экономического Союза	228
<i>Медовкина Л. Ю., Мнухина Р. М.</i> Евразийская интеграция: современное состояние и перспективы	231
<i>Медовкина Л. Ю., Пешехонова Д. В.</i> Третья мировая или первая евразийская война: китайский фактор Ирана	233
<i>Морозов Р. Н., Кулага М. В.</i> ЕАЭС и «один пояс – один путь» в контексте евразийской интеграции: проблемы и перспективы	237
<i>Морозов Р. Н., Любичев Г. А.</i> Евразийская интеграция в рамках ОДКБ и ШОС	240
<i>Овинникова Р. В.</i> К вопросу о модели антимонопольной политики Евразийского экономического союза	243
<i>Овинникова Р. В., Левицкая Т. А., Яременко Д. А.</i> Цифровизация как фактор развития ЕАЭС	246
<i>Поляков В. Ю., Бондаренко Д. С.</i> Защита некомбатантов в реалиях гибридной войны	190 250
<i>Степанова Ю. С., Слайковский Е. А.</i> Становление независимой экспертизы нормативных правовых актов в государствах ЕАЭС	253
<i>Сынкова Е. М., Вугерничек В. Ю.</i> Развитие системы здравоохранения Донецкой Народной Республики на основе опыта Республики Беларусь	256
<i>Тимошенко Н. А., Егурнов А. А.</i> Сотрудничество в сфере борьбы с трансграничной преступностью в рамках Евразийского экономического союза	259
<i>Тимошенко Н. А., Матвийчук А. О.</i> Перспективы развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции	262

<i>Чепикова В. А., Присяжная М. С.</i> К вопросу о процессе создания транснациональных корпораций на территории ЕАЭС	265
<i>Щербинина Е. В., Слизовский В. А.</i> Формы государственного устройства стран Евразийского экономического союза: современное состояние и прогноз дальнейшего развития	268
<i>Пашков С. Н., Рахимова В. М.</i> Гармонизация экологического законодательства РФ и ДНР	271
<i>Тишаков М. П.</i> Проблемы и перспективы Евразийского экономического союза	275
<i>Шестак С. В.</i> Правовая рецепция в законодательстве Донецкой Народной Республики (теоретико-правовой аспект)	278

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2020
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
V Международной научной конференции
17-18 ноября 2020 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Юридические науки
Часть 2**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск доц. *Н.А. Тимошенко*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.К. Миронова</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 12.11.2020 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,68.
Тираж 100 экз. Заказ № 20ноя155/12.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.